

БАНКАЎСКІ ВЕСНІК

<http://www.nrb.by/bv>

7[480] сакавік 2010 (спецвыпуск)

МАТЕРІАЛЫ

международной
нумизматической конференции
“Нумизматы и коллекции”

*7—9 октября 2009 г. в Минске
состоялась международная
нумизматическая конференция
“Нумизматы и коллекции”.*

*В рамках конференции
прошла выставка
“История в лотерейном билете”
из оригинальной коллекции
В.Г. Суворова.*

Редакционно-издательский совет

П.В.Каллаур
(председатель совета)
А.О.Тихонов
(главный редактор)
А.Ф.Дроздов
(заместитель главного редактора)
А.Ф.Галов
А.Е.Дайнеко
С.В.Дубков
М.М.Ковалев
В.Н.Комков
Н.В.Лузгин
И.В.Новикова
С.В.Салак
(ответственный секретарь)
В.И.Тарасов
Ю.М.Ясинский

Номер подготовлен
Управлением информации
Национального банка
Республики Беларусь

Главный редактор
Анатолий Олегович Тихонов
Зам. главного редактора
А.Ф.Дроздов
Ответственный секретарь
С.В.Салак
Подготовка информационных выпусков
Л.И.Кривендо

Редакторы
А.В.Багрина A.Bagrina@nbrb.by
И.В.Гилевич I.Gilevich@nbrb.by
А.Л.Жилач A.Zhilach@nbrb.by

Оформление и обложка
А.В.Бельский
Верстка
издательский центр
Национального банка

Адрес редакции
220008, г. Минск, просп. Независимости, 20
Тел.: (017) 219-23-84, 219-23-87, 220-21-84
Тел./факс 227-17-01
e-mail: bvb@nbrb.by

Отпечатано
в типографии РУП "Минсктиппроект"
Лицензия № 02330/0494102 от 11.03.2009
220123, г. Минск, ул. В.Хоружей, 13/61

Заказ № 687
Подписано в печать 12.03.2010
Формат 60x84 1/8
Офсетная печать
Усл. печ. л. 14,5
Тираж 650 экз.

Журнал зарегистрирован
Министерством информации
Республики Беларусь 20.03.2009
Свидетельство о регистрации № 175

Точка зрения редакции
не всегда совпадает с мнением авторов.
Рецензии на статьи авторам не сообщаются.
Статьи в разделе "Научные публикации"
предварительно рецензировались.
Перепечатка материалов —
согласно Закону Республики Беларусь
"Об авторском праве и смежных правах"

Распространяется по подписке

Подписной индекс 748292

Учредитель —
Национальный банк
Республики Беларусь

© Банковский вестник, 2010

БАНКАЎСКІ ВЕСТНІК

БАНКОВСКИЙ ВЕСТНИК
BANK BULLETIN MAGAZINE

Информационно-аналитический и
научно-практический журнал
Национального банка Республики Беларусь

Журнал внесен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований по экономическим наукам

№ 7 (480), март 2010 года (спецвыпуск). Издаётся с апреля 1992 года

СОДЕРЖАНИЕ

Александр ЕГОРЕЙЧЕНКО

Об учителе и друге

В этом посвящении ученому — В.Н. Рябцевичу, который помимо преподавательской и исследовательской деятельности почти 15 лет практически один боролся за возвращение государству так называемого "нояса Витовта", его коллега и друг размышляет о дружбе, совместной работе и его вкладе в науку.

3

Ирина КОЛОБОВА

Научная деятельность В.Н. Рябцевича

В статье автор рассказывает об известном ученом Беларуси, докторе исторических наук, профессоре кафедры археологии и специальных исторических дисциплин БГУ, выдающемся белорусском нумизмате В.Н. Рябцевиче.

6

Светлана СКРЫДЛЕВСКАЯ

**Граф Н.П. Румянцев —
коллекционер и нумизмат**

Из публикации можно узнать о том, как граф Николай Петрович Румянцев, русский государственный деятель и дипломат, собрал богатейшее книжное собрание, большую коллекцию минералов и Нумизматический кабинет.

9

Любовь БАХАНОВА

Витебская коллекция

В статье речь идет о коллекции В.П. Федоровича, который известен как один из крупнейших коллекционеров Витебщины. На основе его собрания в XIX в. в Витебске был создан частный музей.

15

Виктор КАКАРЕКО

Юзеф Иодковский: музейщик и нумизмат

В статье сделана попытка устранить некоторые "белые пятна" и неточности в описании биографии Ю. Иодковского (1890—1950), сделав основной акцент на его деятельности в области музейного дела и нумизматики, а также ввести в научный оборот ранее не опубликованные архивные материалы и фотографии.

20

Алла ГУЛЯЙ

**Музей денег Национального банка Украины:
из опыта формирования коллекции**

Автор статьи знакомит читателей с историей становления и развития Музея денег Национального банка Украины, рассказывает об основных источниках комплектования фондов нумизматической и бонистической коллекции.

28

Александр БУГРОВ

Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Автор рассказывает историю появления музейной экспозиции Банка России и описывает ее экспонаты.

31

Мариуш МЕЛЬЧАРЕК

О начале собирательства античных монет в Польше

Возникновение интереса к римским монетам, найденным на территории Польши, связано не только с изучением истории Римской империи, но и прежде всего с дискуссией по вопросу генеалогии поляков.

37

Кшиштоф ФИЛИПОВ, Барбара КУКЛИК Сокровищница Радзивиллов из Несвижа

В статье рассказывается о нумизматической и медальерской сокровищнице Радзивиллов из Несвижа, известной далеко за пределами Великого княжества Литовского.

40

Іна КРАЙНЕВА Манеты карала Стэфана Баторыя

У артыкуле апісаны манеты, выпуцаныя Стэфанам Баторыем, якія ўваходзяць у склад калекцыі Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея. Разглядаюцца манеты, выбітыя ў 1578—1586 гг. на Олькушскім, Познаньскім, Гданьскім, Мальбаркскім, Рьжскім, Віленскім і Мітаўскім манетных дварах.

43

Юлия ЛАТУШКОВА Комплексы бон — депозиты периода Гражданской войны и интервенции

В статье анализируется коллекция бумажных денежных знаков из собрания Национального исторического музея Республики Беларусь. В отличие от кладов монет такие комплексы не преподносят сенсационных находок, но являются ценным источником в изучении истории денежного обращения и экономики нового и новейшего времени и требуют исследования наравне с монетными кладами.

49

Марина ТАРАСОВА, Вячеслав ФИЛИНОВ Из истории собирательства монет на Могилевщине

В статье рассказывается о начале собирательства монет на Могилевщине и формировании нумизматической коллекции Могилевского областного краеведческого музея им. Е.Р. Романова.

53

Винцас РУЗАС Клады монет и банкнот в музее Банка Литвы (с XV в. до начала XX в.)

Автор рассказывает о кладовом материале музея Банка Литвы, который наглядно иллюстрирует историю денежного обращения этой страны.

57

Илья ШТАЛЕНКОВ Новые находки кладов и единичных монет XIV–XV вв.

Автор продолжает работу по фиксации и систематизации нумизматических находок на территории Беларуси, начатую В.Н. Рябцевичем.

64

Александр ГРОМЫКО О подольских денариях Константина Кориатовича

В статье речь идет о денариях князя Константина Кориатовича, которые чеканились на Подолье во второй половине 80-х гг. XIV в.

68

Виктор МАЛЕЖИК Русская монета в кладах первой половины XVII в. на территории Гродненской области

Статья посвящена изучению особенностей функционирования рынка Великого княжества Литовского первой половины XVII в. на основании комплексного исследования кладов, обнаруженных на территории Гродненской области, в состав которых входят русские монеты XVI—XVII вв.

72

Виктор МАЛЕЖИК О находках древнейших литовских монет у Новогрудка

Статья посвящена исследованию монет, которые были впервые обнаружены на территории Новогрудчины, и их связи с военно-политическими событиями, происходившими в конце XIV в. на этой территории.

79

Сергей БЕЛОПОЛЬСКИЙ, Владимир ШЛАПИНСКИЙ Портретные златовки Яна Казимира

Продолжительные войны, которые вела Речь Посполитая в 50-х — 60-х гг. XVII в., истощили казну государства. Единственной возможностью избежать гражданской войны была чеканка монеты, которая имела бы принудительный курс. Авторы рассматривают портретные златовки Яна Казимира с точки зрения данного периода.

82

Збышек ШУСТЕК Бумажные деньги монархии Габсбургов

В статье анализируются различные периоды выпусков бумажных денег в монархии Габсбургов, их оформление и некоторые политико-экономические условия, сопутствующие изготовлению этих денег.

86

Валерий ШИШАНОВ “Иностранный биллон” в финансовой политике России первой половины XIX в.

Вхождение в состав России в XVIII — начале XIX в. обширных территорий потребовало изменения и адаптации ранее существовавших административных и финансовых систем. В сфере денежного обращения особое внимание уделялось прекращению хождения на присоединенных землях “биллона”.

91

Елена ДИВИНСКАЯ Государственные внутренние займы СССР как источник изучения нэпа

Автор исследует облигации Государственных внутренних займов СССР начала 20-х гг. прошлого века и события, связанные с их появлением, возвращаясь с помощью этих ценных бумаг в период, известный как новая экономическая политика.

95

Василий ГЕРАСИМОВ Российский рынок современных памятных и инвестиционных монет

О зарождении и развитии рынка современных памятных монет Российской Федерации рассказывает автор публикации.

98

Владимир ШВЕЦ Каталогизация бумажных денег с помощью Интернета

Автор статьи рассказывает о новых возможностях и перспективах, которые открывает Интернет для исследования и каталогизации бумажных денежных знаков.

101

Адам ЗАЙОЦ Памятные монеты Национального банка Польши

В статье представлена краткая информация о памятных монетах, выпущенных Национальным банком Польши.

105

Ирина МАСЬКО Коллекция белорусских монет — украшение музейного фонда

В статье памятные монеты представлены как одно из важнейших направлений формирования музейного фонда Национального банка Республики Беларусь. Автор также обращает внимание на их схожесть с художественными медалями, предлагает вернуться к традиции использования настольных медалей в первую очередь как элемента корпоративной культуры.

107

Александра ВОРОБЬЕВА Памятные монеты — гордость Республики Беларусь

Статья посвящена памятным монетам Национального банка Республики Беларусь, удостоенным наград различных международных конкурсов.

111

7—9 октября 2009 г. в Минске состоялась
международная нумизматическая конференция
“Нумизматы и коллекции”.

В этом, специальном, выпуске журнала — доклады участников конференции.

Об учителе и друге

Александр ЕГОРЕЙЧЕНКО

Доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин Белорусского государственного университета

Писать о выдающемся ученом всегда непросто, вдвойне сложно, когда тебя с ним связывали такие долгие и одновременно быстро прошедшие годы дружбы. На историческом факультете Белорусского государственного университета нас называли сиаемскими братьями, поскольку редко видели одного без другого. Валентин Наумович Рябцевич очень часто специально задерживался на кафедре, чтобы подождать меня. Домой мы обычно возвращались вместе, благо это было по пути. Теперь, проезжая мимо гостиницы “Спутник”, мне все кажется, что вот сейчас из-за угла дома появится такой знакомый силуэт худощавого человека с неизменной сигаретой в руке. Часто останавливаясь, он будет делать вид, что просто хочет, не горясь, покурить, скрывая от всех истинную причину — боль в ногах. Увы, эта картина останется только в моей памяти...

Впервые судьба свела нас в 1973 г. во время моей учебы на историческом факультете Белорусского государственного университета. В. Рябцевич читал нам курс “История средних веков”. В то время на факультете работало много талантливых ученых и преподавателей, однако Валентин Наумович выделялся среди них своим неповторимым стилем — сочетанием глубоких научных знаний и популярностью изложения. Читал лекции он блестяще и необычно, не используя никаких конспектов и других подручных средств: свободно перемещался по аудитории, мог присесть на стол, а не на стул, иногда позволял себе закурить. А потом на курсе лекций В. Рябцевича “Нумизматика” я впервые познакомился с историей денежного обращения на территории Беларуси: удивительно органичный сплав истории и нумизматики. У него не было ни одной неинтересной лекции, но, конечно же, особенно запомнились его рассказы о кладах и их поисках. Не забуду и зачета, который был гораздо сложнее многих экзаменов. Помимо основных вопросов, помню, как Валентин Наумович потребовал от меня перечислить даты правления всех великих князей литовских и королей Речи Посполитой. Споткнулся на Стефане Батории, но сумел сам исправить свою ошибку.

В. Рябцевич всегда очень требовательно относился к знанию своего предмета. Для него не существовало разницы между зачетом и экзаменом, соответственно, критерии оценки подготовленности студента были одинаковыми. Не секрет, что в последние годы планка требований к изучению предметов значительно упала, в том числе и по причине снижения общего уровня знаний студентов. Валентин Наумович до конца своих дней этого не воспринимал. Довольно большая группа студентов из года в год пересдавала ему зачеты и экзамены по 3—5 и даже больше раз — до тех пор, пока он не убеждался в знании своего предмета. Несмотря на такую высокую требовательность, мне ни разу не приходилось слышать негативного отзыва от студентов в его адрес, что порой, увы, встречается в отношении других преподавателей.

Особая статья — археологические экспедиции, которым В. Рябцевичем было отдано ни одно десятилетие. Еще будучи студентом он принимал участие в раскопках в Осовце, Полоцке и в Березинском заповеднике. Известно, что В. Рябцевич первоначально поступил в аспирантуру Института истории АН БССР по специальности “Археология”. Позднее судьба свела его с выдающимся советским нумизматом, заведую-

На конференции, посвященной
75-летию Э.М. Загорюльского. 2005 г.

щим отделом нумизматики Государственного Эрмитажа И. Спасским, его учителем, перед которым он преклонялся до последних дней. Однако увлечение археологией также не проходило. Вторично оно реализовалось в связи с открытием в 1973 г. кафедры археологии, этнографии и вспомогательных исторических дисциплин, на которую Валентин Наумович был приглашен Э. Загорюльским, и где он проработал вплоть до ухода из жизни. До черныбыльской катастрофы Валентин Наумович проводил раскопки курганов на Рогачевщине, которые дали богатые материалы, составившие значительную часть экспозиции зала археологии учебного музея исторического факультета БГУ. Позднее В. Рябцевич перешел к исследованию курганов на Мядельщине.

В 1993 г. встал вопрос, где проводить практику, учитывая, что к нам должны были приехать студенты-археологи во главе с профессорами К. Годловским и М. Парчевским из Ягеллонского университета. В то время я работал в Браславском районе, исследуя городище Тарилово на озере Укля. Рядом находились курганы, которые впервые копал еще в конце XIX в. Ф. Покровский. Я предложил Валентину Наумовичу объединить наши экспедиции, чтобы польские коллеги могли поучаствовать в раскопках как городища железного века, так и курганов. Он согласился с условием предварительного осмотра этой курганной группы. В мае 1993 г. мы выехали на место, и начались приключения. Недалеко от Глубокого у нас сломалась экспедиционная машина. К счастью, отремонтировав ее на местной автобазе, мы продолжили путь. Но на этом наши злоключения не закончились. Прибыв на место, не могли найти курганы, будто нас “черт за руку водил”, при всем том, что дорога к ним в лесу была обозначена специальными знаками. Несмотря на неудачу, Валентин Наумович все-таки согласился на проведение совместной экспедиции. С этой поездки

началось наше сближение, переросшее позднее в тесную дружбу. Именно здесь я впервые узнал о дне хомяка, который традиционно на протяжении почти 20 лет В. Рябцевич устраивал для своих студентов. Для непосвященных: этот праздник возник во второй половине 70-х гг. XX в. Уже в то время Валентин Наумович брал с собой в экспедицию сыновей. Совсем маленький Глеб, который еще не ходил в школу, в жаркий день попил воды из Днепра и с тяжелейшим кишечным заболеванием попал в реанимацию Рогачевской больницы... С тех пор В. Рябцевич устраивал ежегодно для студентов этот праздник, несмотря на все трудности. Кстати, позднее именно он послужил основой для проведения во всех экспедициях исторического факультета Дня посвящения первокурсников в археологи. В экспедиции я познакомился и с кулинарными способностями Валентина Наумовича, о которых до этого только слышал. В этот день он обязательно строил, как он говорил, а не варил борщ. Ничего более вкусного я ни раньше, ни позднее не пробовал, даже учитывая то, что моя мама, украинка, знала большой толк в этом блюде.

После окончания экспедиции мы повезли с ним группу студентов на раскопки в Краков. Для меня это была вторая поездка в этот город. В. Рябцевич бывал здесь чаще, поэтому он много рассказывал и о самом городе, и о коллегах, с которыми был хорошо знаком и дружил. Ежедневное общение еще больше сблизило нас. Нас поселили в однокомнатном номере студенческого общежития Ягеллонского университета “Пяст” с балконом, выходящим на лужайку перед зданием. По вечерам мы с ним пили чай “Липтон” (он, кстати, до этого не любил этого напитка) и наблюдали за студентами, которые, совершенно свободно располагались на этой лужайке, вели себя независимо.

После возвращения мы встречались почти ежедневно. Как правило, Валентин Наумович рассказывал о том, над чем работал. Чаще всего это были монологи. Он не любил, когда его перебивали (чем я был грешен), и рассказывал о том, что сделал за какое-то время. В назидание молодым хотелось бы сказать о его стиле работы. В. Рябцевич мог неделю и больше обдумывать начало или конец своей очередной статьи. Уже готовый, казалось бы, текст Валентин Наумович перерабатывал по 5—6 раз. Подобное отношение к своим публикациям он перенял от своего учителя, который ему говорил: “Валентин, запомни, ты пишешь не для себя, а для читателя”. Этому принципу он никогда не изменял и требовал такого же от своих учеников.

В 2004 г. к нам поступило приглашение от Готландского университета (Висби, Швеция) по программе, предусматривающей взаимное участие студентов, прежде всего в археологических раскопках. Зная о том, что В. Рябцевич практически никогда не имел отпуска, я попросил коллег из Швеции, чтобы они пригласили и его. Думаю, эта поездка запомнилась и ему, и мне. Я “потерял” его в Стокгольме. Не буду пересказывать перипетии всех этих событий. Валентин Наумович жил один в трехэтажном отеле, который пустовал до летнего времени. У него был двухуровневый номер, в котором можно было расселить не одного человека. Но, вероятно, по меркам шведских коллег, проживание двух важных персон в одном номере было недопустимо. Меня отправили жить в частный отель на берегу Балтийского моря. Большую часть

времени, не считая переговоров с проректором и выступления перед студентами и преподавателями, мы провели в фондах Археологического музея Готланд. Однако быть в Швеции и не посмотреть королевский нумизматический кабинет Валентин Наумович не мог. С его подачи удалось побывать в Стокгольме, где мы осмотрели и мюнцкабинет, и исторический музей. К сожалению, из-за его больных ног нам, за исключением посещения кафедры археологии Стокгольмского университета, других музеев посмотреть не пришлось. Произвело впечатление и отношение археологов Готландского университета. Во-первых, нам показали памятники предполагаемых раскопок (и не только их), и, во-вторых, узнав, очевидно, из паспорта о том, что 26 ноября у В. Рябцевича юбилей, шведские коллеги устроили для него праздничный обед, на котором вручили подарок в виде копии римского бокала первых веков нашей эры.

К большому сожалению, болезнь ног у Валентина Наумовича прогрессировала. К врачам он обращаться не хотел. В 2006 г. я предложил ему поехать вместе в экспедицию на Браславщину. Мне хотелось, чтобы он отдохнул. Увы, промаявшись без дела 10 дней, он решил уехать. В дальнейшем он провел еще две самостоятельные экспедиции раскопок курганов. Еще весной 2008 г. он не терял надежды возглавить очередную практику студентов.

Говоря об этом выдающемся ученом, нельзя пройти мимо еще одного факта. На протяжении почти 15 лет он практически в одиночку боролся за возвращение государству, а следовательно, всем нам так называемого “пояса Витовта”, денежно-вещевого клада начала XV в. Эта почти детективная история разворачивалась на моих глазах. К нам на кафедру пришел мужчина с просьбой оценить серебряную бляху от пояса. В случае отказа ее купить, равно как и все остальные части пояса, он уверял, что в ближайшее время они будут проданы за границу. Владелец неопределенно утверждал о находке этого раритета в кургане под Раковым либо где-то рядом. Выдвигались и иные версии. В Рябцевичу удалось добиться того, чтобы до выяснения всех обстоятельств находки этот клад хранился в Национальном музее истории и культуры. В дальнейшем клад был продан с подачи департамента по охране культурного наследия частной зарубежной фирме за смешную сумму. Первый суд ничего предосудительного в этом деле не выявил. Затем Валентину Наумовичу сообщили о реальном месте находки клада. Мы выехали туда и с помощью металлодетекторов обнаружили еще две части пояса и пражский грош. Тем самым подтвердились как место находки, так и то, что это кладовый комплекс, который не может находиться в частных руках. В конечном итоге многолетняя борьба (после второго суда) увенчалась успехом. Сейчас уникальный пояс, значимость которого В. Рябцевич сравнивал с крестом Евфросиньи Полоцкой, находится на хранении в Национальном музее истории и культуры.

Нельзя не отметить и человеческих качеств Валентина Наумовича. Это был очень добрый человек, готовый в любой момент прийти на помощь ближнему, в чем мне приходилось убеждаться ни один раз. В то же время — очень принципиальный, отстаивавший свою позицию до конца. Иногда с ним было сложно, он мог обидеться, но, надо отдать должное, первым шел на примирение.

*Перед открытием нумизматического кабинета в главном корпусе ВГУ. 1978 г.
Слева направо: В. Рудкин, В. Рябцевич, Н. Тимоховцев, А. Стуканов, П. Казей.*

*На открытии зала археологии в учебной лаборатории музейного дела.
Слева направо: В. Ладысев, А. Мальцев, Е. Власовец, В.Рябцевич, А. Сальков.*

*У ладвевидного могильника.
Остров Готланд, Швеция. 2004 г.*

Нет больше сиамских братьев. Одной половинки не стало, а вторая болит до сих пор...

Научная деятельность В.Н. Рябцевича

Ирина КОЛОБОВА

Кандидат
исторических
наук

Научный путь доктора исторических наук, профессора кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Белорусского государственного университета, выдающегося белорусского нумизмата Валентина Наумовича Рябцевича был долгим, насыщенным кропотливым трудом, поисками и открытиями, и в то же время тяжелым и радостным.

В. Рябцевич продолжил традиции, заложенные основателями белорусской научной нумизматики П.В. Харламповичем [1] и Н.Н. Щекотихиным [2].

В.Н. Рябцевич — автор 4 монографий, более 100 научных и 300 энциклопедических статей, лауреат премии имени В.И. Пичегы, награжден золотыми знаками Белорусского и Польского нумизматических обществ. Он был постоянным активным участником многих традиционных российских, польских и белорусских нумизматических конференций.

С 1963 г. на протяжении сорока пяти лет В. Рябцевич читал курс нумизматики на историческом факультете БГУ. По его инициативе и на основе его приватной коллекции в университете был создан мюнцкабинет, ставший в дальнейшем одним из самых значительных нумизматических собраний в Беларуси.

В.Н. Рябцевич не сразу начал заниматься нумизматикой. В 1952 г. он поступил на философский, а затем (в связи с реорганизацией) перешел на исторический факультет БГУ. После его окончания (1957) работал научным сотрудником в Организационной группе Государственного музея БССР, поступил в аспирантуру Института истории АН БССР по специальности “Археология”. С 1959 г. продолжил учебу в аспирантуре отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

Тема кандидатской диссертации, защищенной в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР в 1965 г., — “Топография монетных кладов на территории Белоруссии” — определила дальнейшее направление научной деятельности.

Огромное влияние на формирование В.Н. Рябцевича как ученого оказал его научный руководитель — основатель советской школы нумизматики доктор исторических наук Иван Георгиевич Спасский (1904—1990). Валентин Наумович стал одним из его любимых учеников. Отношения с Учителем, как называл Ивана Георгиевича в своих воспоминаниях Валентин Наумович, были примером обоюдного уважения и искренней дружбы [3].

В одном из первых писем (8.01.1959) И.Г. Спасский писал Рябцевичу: “...Мы были бы рады поддерживать более тесный контакт с Белорусским Госуд.[арственным] Музеем, особенно через посредство такого энтузиаста своего дела, каким Вы нам представляетесь” [4].

В письме (30.10.1960) В.Л. Янину И.Г. Спасский отмечает: “На моих глазах происходит расцвет Рябцевича. Я втравил его в валовой просмотр всего архива ЛОИА, и он ходит уже совершенно ошалелый от упоения. А сегодня обратился с просьбой организовать ему обучение арабскому...” [5].

Именно Иван Георгиевич научил своего ученика высокой требовательности к себе и окружающим, когда речь шла о научной деятельности.

Стиль написания научных работ В. Рябцевича отличался лаконичностью и простотой изложения, логической завершенностью, отсутствием словесного балласта, легкостью восприятия и достоверностью приводимого фактического материала. Все это давалось очень тяжелым трудом. Валентин Наумович часто вспоминал слова своего Учителя о том, что исследователь никогда не должен забывать, что пишет в первую очередь для читателя.

В Рябцевиче Иван Георгиевич нашел неимоверно работоспособного и преданного нумизматике ученика. Он писал: “Валя настоящий, великолепный исследователь, и я очень горжусь тем, что он считается моим учеником” (21.11.1987) [6]; “... он моя радость и гордость!... Он работает удивительно умно! Ценю его выше всякой меры! ... Валентин послан мне богом...” (20.09.1988) [7].

Начало научной деятельности В. Рябцевича связано с работой над диссертацией и апробацией ее основных положений в ряде статей [8]. Первой серьезной научной работой, опубликованной в 1963 г., стало исследование “Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии”. В 1963 г. была опубликована еще одна статья Валентина Рябцевича “Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов”, в которой автор показал несостоятельность общепринятого мнения о полном отсутствии обращения медной иноземной монеты на территории Речи Посполитой до 1659 г. В письме (9.12.1961)

И.Г. Спасский отмечал: “Рябцевич делает очень занятную статью о шотландской меди в белорусских кладах сер. XVII в... Он у меня молодчина и все больше подкупает меня своей одержимостью: это просто что-то даже непонятное. Похоже, что быть ему большим и очень своеобразным ученым — если не перевернется” [9].

Разработка диссертационной темы, предполагающей сбор и анализ громадного объема документов, естественно, требовала поистине титанических усилий. К сожалению, много времени и сил забирало отстаивание исторической правды о функционировании на территории Беларуси самостоятельного денежного хозяйства, существование которого подтверждалось огромным фактическим материалом, собранным и изученным исследователем.

В кандидатской диссертации было рассмотрено 1009 кладов, открытых на территории Беларуси к началу 1964 г., сведения о 283 кладовых находках были впервые введены в научный оборот. Привлечение богатого архивного материала дало возможность собрать более обстоятельные сведения о 620 кладах, имевших до этого только общую предварительную характеристику в различных изданиях.

В диссертации впервые в исторических исследованиях на основе общепринятой в нумизматической литературе периодизации был проведен комплексный анализ истории денежного обращения на территории Беларуси. Особо подчеркивалось, что денежное хозяйство на белорусских землях, имея свою специфику, было связано с денежным обращением соседних территорий, и в связи с этим, пишет исследователь, “изучение проблем белорусской нумизматики не может вестись без привлечения сведений о кладах граничащих с нею областей” [10].

Для создания свода и топографической фиксации находок монетных кладов на территории Беларуси были использованы материалы фондов 9 архивов и 29 музеев Беларуси, Литвы, Украины и России, частные коллекции, многочисленные научные и периодические издания.

Подлинный ученый, В. Рябцевич стремился к популяризации белорусской нумизматики. Именно в таком ракурсе была написана его книга “О чем рассказывают монеты”. Два издания этой книги (1968, 1977) [11], обращенные к обширной аудитории, вызвали широчайший интерес по всей стране.

Наиболее известной стала монография ученого “Нумизматика Беларуси” (1995), которая по сути является энциклопедией истории денежного обращения на территории страны [12]. В этой работе, кроме огромнейшего фактического материала, содержится крайне информативная справочно-вспомогательная часть в виде монетного каталога и других приложений.

В 1995 г. выходит еще одна монография ученого — “Российско-“польские” монетные эмиссии эпохи Петра I” [13]. Валентин Наумович писал, что актуальность выбранной им темы “обусловлена прежде всего тем, что она остается “белым пятном” как в отечественной, так и в мировой нумизматике. Ее раскрытие позволяет составить четкие представления о специфических денежных эмиссиях России рубежа XVII — XVIII вв., предназначенных для обращения за ее пределами” [14].

В работе рассматривается история денежных эмиссий чрезвычайных обстоятельств — севских чехов Ивана и Петра Алексеевичей, шестаков и тинфов Петра I. Автор определяет причины и обстоятельства выпуска, ареалы бытования, рыночные курсы, устанавливает реальные, отличные от официальных норм, качественно-метрологические характеристики, приводит топографию находок, выявляет конкретные прототипы, а также объясняет причины бойкота рынками этих монет.

Было установлено, как писал автор, что “вопреки общепринятому в современной нумизматике мнению севская чеканка предназначалась не только для Северской земли и Левобережной Украины, но и для ее Правобережья, Беларуси и Литвы, ... шестаки и тинфы поступали в денежное обращение не только Беларуси, Литвы и Украины, но и Польши, Саксонии и Пруссии” [15].

В этой работе впервые был опубликован полный свод севских чехов и тинфовых монет, хранящихся в музейных собраниях и частных коллекциях Беларуси, России, Литвы, Украины, Германии, США.

Исследователь сделал обоснованные предположения о возможной производственной мощности Севского монетного двора и вероятном месте его расположения. Правда, мечта о проведении археологического исследования этой территории осталась неосуществленной.

Эта книга является классическим примером проведения и написания научной работы. В 1996 г. по итогам монографического исследования “Российско-“польские” монетные эмиссии эпохи Петра I” В.Н. Рябцевичу была присуждена ученая степень доктора исторических наук.

Научные статьи В.Н. Рябцевича, публиковавшиеся на протяжении почти пяти десятилетий, затрагивали разнообразные проблемы белорусской нумизматики и свидетельствовали о широкой направленности научных интересов ученого.

Работы 1960—70-х гг. были посвящены различным вопросам, касающимся изучения белорусских кладов.

В 1980—1990-е гг. шла подготовка будущих монографий и разрабатывалась проблематика российско-польских монетных эмиссий эпохи Петра I.

Конец 1990-х гг. — начало первого десятилетия нового века отмечено публикацией нескольких статей, которые завершили исследование вопроса фальсификации шиллингов Ливонского ордена в Полоцке в конце XV — первой половине XVI в. В результате в истории денежного хозяйства Беларуси была разрешена еще одна проблема [16].

Последние десятилетия научной деятельности, отмеченные печатью научной зрелости, были наиболее яркими в жизни ученого. Валентин Наумович посвятил эти годы одной из интереснейших проблем истории денежного хозяйства Великого княжества Литовского — изучению первых монет, чеканенных на территории государства [17]. Эта тема, ставшая в последнее время столь популярной среди нумизматов разных стран, полностью захватила ученого. Говоря о своем интересе к этому периоду истории, он сожалел о том, что пришел к нему слишком поздно.

Благодаря многолетней борьбе В.Н. Рябцевича за восстановление законности в Национальный исторический музей Республики Беларусь был передан на

постоянное хранение уникальнейший памятник истории и культуры — знаменитый поясной набор конца XIV — первой трети XV в. По этой проблеме Валентин Наумович опубликовал ряд статей в периодической печати, а также две научные работы, одна из которых, к сожалению, увидела свет уже после смерти автора [18].

Главным итогом научной деятельности В.Н. Рябцевича стало то, что он сумел поднять белорусскую нумизматику на уровень самостоятельной отрасли исторической науки. Научное наследие ученого будет и в дальнейшем изучаться многими поколениями нумизматов.

Вспоминая Валентина Наумовича, доктор исторических наук М.П. Сотникова пишет: “...вот и год почти прошел со дня кончины Валентина Наумовича. И,

пожалуй, не было в ОНГЭ [Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа] дня, чтобы не поминали его добром, чтобы не “работали” его труды. У нас появилось много молодежи ...и все эти дети... учатся по книгам и статьям Валентина. И восточники, и западники, и русисты” [19].

В письме, посвященном В.Н. Рябцевичу, известный российский нумизмат М.Б. Горнунг (20.09.2008) приводит строки из стихотворения В.А. Жуковского “Воспоминание”: “Не говори с тоской: их нет, / Но с благодарностью: были” [20].

На редкость обаятельный, широко эрудированный человек, талантливый рассказчик, подлинный ученый В.Н. Рябцевич всегда был в окружении людей, и самая большая награда для него — это наша долгая добрая память о нем.

Источники:

1. Харламповіч, П.В. Манэтных скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага Дзяржаўнага Музею / П.В. Харламповіч // Гісторычна-археалагічны зборнік. — Менск, 1927. — № 1. — С. 305—343. Он же. Праксія грошы ў беларускіх манэтных скарбах // Гісторычна-археалагічны зборнік. — Менск, 1927. — № 1. — С. 295—302.
2. Шекатихин, Н.Н. Некоторые варианты литовских монет. 1936. Он же. Очерк истории литовской монеты 16—17 столетия. — Ч. 1, 1932—1937. Он же. Топография кладов с литовскими монетами на территории древнего Литовского государства. — Ч. 1, 2, 1933—1934 / Рукописи хранятся в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (СПб.).
3. Рябцевич, В.Н. Учителю / В.Н. Рябцевич // Хранитель Эрмитажа: Сб. воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского (1904—1990). — СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. — С. 43—44.
4. Письмо И.Г. Спасского В.Н. Рябцевичу (8.01.1959), копия его любезно подарена мне М.П. Сотниковой. Публикуется впервые. (Архив Государственного Эрмитажа. — Ф. 1 (фонд И.Г. Спасского). — Оп. 17. — Д. 1024. — Л. 13.
5. Гайдук, П.Г. В.Н. Рябцевич в письмах И.Г. Спасского к В.Л. и С.А. Яныным // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: Нав.сб. Вып. 4 / Рэдкал.: С.М. Ходзін (адк.рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. — С. 14—15.
6. Там же. С. 27.
7. Там же. С. 28.
8. Рябцевич, В.Н. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. — Киев: Наукова думка, 1963. — Т. 1. — С. 152—202. Он же. Обращение пражского гроша на западнорусских землях / В.Н. Рябцевич // Государственный Эрмитаж, 1764—1964. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. — Л., 1964. — С. 101—103. Он же. Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и эпиграфика. — М.: Наука, 1963. — Т. IV. — С. 251—260. Он же. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и эпиграфика. — Т. V. — М.: Наука, 1965. — С. 121—160. Он же. К вопросу о денежном обращении западнорусских земель в XIV—XV вв. / В.Н. Рябцевич // Нумизматика и сфрагистика. — Киев: Наукова думка, 1965. — Т. 2. — С. 121—134.
9. Гайдук, П.Г. В.Н. Рябцевич в письмах И.Г. Спасского к В.Л. и С.А. Яныным // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: Нав.сб. Вып. 4 / Рэдкал.: С.М. Ходзін (адк.рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2008. — С. 15.
10. Там же.
11. Рябцевич, В.Н. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. — Мн., Народная асвета, 1968. — 265 с. Он же. О чем рассказывают монеты / В.Н. Рябцевич. — Изд. 2-е перераб. и доп. — Мн.: Народная асвета, 1977. — 399 с.
12. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. — Мн.: Польша, 1995. — 686 с.
13. Рябцевич, В.Н. Российско-“польские” монетные эмиссии эпохи Петра I / В.Н. Рябцевич. — Тольятти: Автовазбанк, 1995. — 312 с.
14. Рябцевич, В.Н. Российско-“польские” монетные эмиссии эпохи Петра I: автореф. монографии д-ра истор. наук / В.Н. Рябцевич. — Мн., 1996. — С. 1.
15. Там же. С. 4.
16. Рябцевич, В.Н. Фальсификация шиллингов Ливонского ордена в Полоцке конца XV — первой половины XVI в. / В.Н. Рябцевич, И.Н. Колобова // Труды Государственного исторического музея. — Вып. 125. Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник. — Ч. XV. — М., 2002. С. 170—187. Он же. Полоцкие фальшивомонетчики конца XV — первой половины XVI в. / В.Н. Рябцевич // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20—25 апреля 1998 г. Тезисы докладов и сообщений. — СПб., 1998. — С. 104—105.
17. Рябцевич, В.Н. Монеты анонимного клада в фондах Несвижского музея / В.Н. Рябцевич, О.В. Иов // Psucie pieniądza w Europie Środkowo-Wschodniej od antyki po czasy współczesne. Białorus, Litwa, Lotwa, Polska, Słowacja, Ukraina. Materiały z VII Międzynarodowej Naukowej Konferencji Numizmatycznej. — Warszawa, 2006. — С. 48—54. Он же. О двух монетах князя Новгород-Северского Дмитрия-Корибута Ольгердовича / В.Н. Рябцевич // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, Гатчина, 16—21 апреля 2007 г. Тезисы докладов и сообщений. — СПб., 2007. — С. 168—170. Он же. О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского (последняя четверть XIV в.) / В.Н. Рябцевич // Средневековая нумизматика Восточной Европы. — Вып. 2. — М.: “Древлехранилище”, 2007. — С. 138—159.
18. Рябцевич, В.Н. Денежно-вещевой клад (монеты Чехии, ювелирные изделия Крымского ханства) XV в. из деревни Литва в Беларуси (параллельные тексты на словацком, англ. и русск. яз.) / В.Н. Рябцевич // Internationale Numismatic Symposium “Iconography of money in Central and Eastern Europe”. Bratislava — Humenné, 2007. Он же. “Период пражского гроша” в рыночной жизни Великого княжества Литовского. (Клад из деревни Литва Минской области) / В.Н. Рябцевич // Средневековая нумизматика Восточной Европы. — Вып. 3. — М.: “Древлехранилище”, 2009. — С. 178—189.
19. Письмо М.П. Сотниковой от 19.05.2009. Цитата приводится с согласия автора.
20. Письмо Б.М. Горнунга от 20.09.2008.

Граф Н.П. Румянцев — коллекционер и нумизмат

Светлана СКРЫДЛЕВСКАЯ

Начальник
отдела кадровой
и правовой работы
Главного управления
Национального банка
по Гомельской области

Если задать вопрос любому гомельчанину о том, что является самой большой достопримечательностью города, можно не сомневаться, какой будет ответ: Дворцово-парковый ансамбль Румянцевых-Паскевичей. И это действительно так. Дворцово-парковый ансамбль — украшение и гордость Гомеля, любимое место отдыха горожан.

Этот прекрасный памятник культуры мы имеем благодаря деятельности замечательного человека, патриота, дипломата, Государственного канцлера Российской империи, “царственного мецената” графа Николая Петровича Румянцева.

“Человек, имя которого блещит одной из самых светлых точек в тусклом прошлом нашего просвещения”, — так писал о Румянцеве В.О. Ключевский. Вклад его в дело просвещения настолько велик, что время его жизни и деятельности получило название “Румянцевская эпоха”, а самому графу Румянцеву благодарные соотечественники присвоили звание великого князя русской науки, предводителя и покровителя храброй ученой дружины [1].

Граф Н.П. Румянцев, русский государственный деятель, дипломат родился в 1754 г. в семье генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского и графини Екатерины Михайловны Румянцевой, урожденной княгини Голицыной, и был их средним сыном.

Уже в юности у Румянцева проявился интерес к истории, литературе, искусству, который со временем превратился в настоящую страсть. В то время Румянцев жил в Петербурге со своей матерью Екатериной Михайловной, которая была назначена обер-гофмейстериней при дворе Великого князя Павла Петровича. По ее просьбе Екатерина II позволила Николаю Ру-

мянцеву посещать собрания, которые она устраивала в Эрмитаже. В них принимали участие наиболее известные и приближенные к ней лица. Здесь Румянцев впервые и почувствовал вкус волшебного и волнующего мира истории и искусства, познакомился с представителями науки, культуры.

И это свое увлечение наукой и преклонение перед историческим знанием, мудростью веков, уложенных в прекрасную вязь старинных летописей и книг, с трепетом и благоговением Н.П. Румянцев пронес через всю жизнь, положив на алтарь Отечества свое состояние и свободное время. При самом непосредственном участии Н.П. Румянцева увидели свет лучшие русские книги первой четверти XIX в. Благодаря деятельности учрежденной в 1811 г. и существовавшей на средства Н.П. Румянцева Комиссии печатания государственных грамот и договоров была издана целая серия историко-дипломатических документов.

Кроме того, впервые в истории русской исторической науки силами провинциальных исследователей было проведено обширное обследование архивов страны. Это имело блестящие научные результаты как по решению собственно научных задач, так и по открытию древних памятников славянской письменности. Было обследовано свыше 130 государственных и частных церковных хранилищ, составлено несколько тысяч копий документов, пополнивших собрание Румянцева и ставших предметом внимания его помощников. Белоруссия (Гомель, Полоцк, Вильно) усилием Румянцева, Григоровича и других стала наряду с Москвой и Петербургом третьим российским научным центром деятельности Румянцевского кружка [2].

На протяжении всей государственной деятельности Н.П. Румянцев занимался собиранием старинных рукописей, древних грамот на пергаменте, книг, списков с летописей.

Но все свободное время, а также немалые средства Румянцев стал вкладывать в любимое дело после того, как в 1814 г. вышел в отставку и уехал в свое родовое имение — местечко Гомель Белицкого уезда Могилевской губернии. Здесь у Н.П. Румянцева была усадьба с большим садом и домашней церковью, которая располагалась на очень живописном, высоком берегу реки Сож. Уже не обремененный государственными делами и не скованный придворной суетой граф, которому было 60 лет, предался своей старой и единственной страсти — поиску исторического знания [3].

Главным увлечением его были рукописные древности, и поэтому самым значительным собранием коллекции графа Румянцева стала обширная библиотека — одна из самых известных в то время. В ней насчитывалось 28 тысяч томов. В ее состав входила коллекция рукописей и старопечатных книг, в том числе кирилловского шрифта, 104 экземпляра инкунабул,

Четвероевангелие. 1401 г. [1].

издания XVI—XVII вв. знаменитой голландской фирмы “Эльзевир”, а также несколько сот различных географических карт, или ландкарт, как их тогда называли.

Богатейшее книжное собрание канцлера Румянцова было предметом его постоянного внимания: рукописи и книги покупались в России и Европе. Покупались даже целые библиотеки. В собрании Н.П. Румянцова была приобретенная им библиотека российского академика Н.П. Лерберга. Когда в 1828 г. коллекцию передавали государству, в ней насчитывалось 710 рукописей. Среди них — украшенные миниатюрами Добраво Евангелие 1270 г., Четвероевангелие 1401 г.

Коллекция Н.П. Румянцова отличается от других частных книжных собраний изяществом и богатством оформления. Его книги имеют добротные пергаментные и кожаные переплеты с нарядными форзацами, часто украшенными золотым тиснением.

Кроме того, Канцлеру принадлежала большая коллекция минералов. Она насчитывала более 10 тысяч предметов, а также небольшой гербарий, этнографические предметы (одежду, оружие, амулеты, различную утварь в количестве 136 предметов), предметы древности общей численностью 111 штук, в том числе курганные находки, которые явились результатом раскопок в гомельском имении графа или были присланы ему из Керчи.

Особое место занимал Нумизматический кабинет, в котором было около 1500 монет. Характеризуя деятельность графа Румянцова как археолога и собирателя в области нумизматики, археолог, историк искусств Карл Карлович Герц писал, что его нумизматическая коллекция далеко превосходила все остальные, вместе взятые. И это несмотря на то, что Румянцев долгое время совершенно не проявлял интереса к нумизматике и не принимал монет даже в дар.

По этому поводу в письме от 14 февраля 1819 г. Румянцев писал А.Ф. Малиновскому из Санкт-Петербурга: “Вы меня премного одолжили, подаря меня прекрасным рисунком с вырытой в лесу Тверской губернии монеты, но сего подарка с меня довольно; монет я никаких не собираю и, потому, недостоин пользоваться пожертвованием, которое вы, Милостивый Государь мой, столь благосклонно мне сделать готовы” [4].

Нумизматикой он увлекся только после того, как одна из монет, вырытых в лесу Тверской губернии, оказалась, как установил академик Френ, куфической монетой¹ начала X в.

И вот в письме от 24 марта 1819 г. Н.П. Румянцев сообщает Малиновскому: “Я готов принять Куфическую монету, как новое доказательство, что дружеская связь между Вами и мною существовала” [5].

А спустя всего восемь месяцев, прошедших после того, как Н.П. Румянцев заявлял о том, что не собирает монет, 20 ноября 1819 г. он пишет Малиновскому следующее: “А теперь делаю через Вас Шульгину предложение. Ежели он имеет продажные старинные рубли в брусковом их виде, не поломанные, штук до десяти, и согласится все десять уступить за тысячу рублей, я приобрести их готов, ежели же он на это не согласится, то у него или у другого кого, постарайтесь, пожалуйста, мне скупить их пять или шесть, заплатив за них от ста двадцати до 150; цену, за которую Ваше Превосходительство писать изволите, что их купить можно” [6].

В увлечении Румянцова нумизматикой огромную роль сыграл академик Х.Д. Френ, носивший почетный титул “князь восточной нумизматики”. Графа Румянцова, как бывшего министра торговли, труды Френа интересовали в первую очередь потому, что проливали свет на торговые связи Древней Руси с Востоком. Находка куфических монет как раз и подтверждала версию о том, что между Северной Европой и мусульманским Востоком в VIII—X вв. торговля уже осуществлялась, и посредниками ее были волжские булгары, хазары, руссы, мордва. Тем более что многими учеными в то время оспаривалась мысль о существовании торговых отношений Европы с Азией через Россию задолго до нашествия монголов. Эта идея получила новое подтверждение, когда ученые об-

Сказание Аврамия Палицина и Прописи XVII в. Прописи — учебное пособие, по которому учили писать детей в русских школах. Хранили Прописи в специальных чехлах, один из образцов представлен на снимке. Разворот книги и частично развернутый свиток (столбец) с образцами написания скорописных букв [1].

¹ Куфические монеты — монеты с именами эмиров, надписи на которых сделаны на особой разновидности арабского орнаментального письма.

ратили внимание на восточные монеты, которые находили на территории России.

У Н.П. Румянцева даже было намерение привлечь кого-нибудь из ученых к составлению истории древнерусской торговли. Он готов был нести по этому поводу любые издержки. Однако на осуществление этой идеи у него не хватило времени.

Интерес к нумизматике подогревали и находки кладов в самом Гомеле. Это было связано с тем, что в начале XIX в. в городе активно шло строительство. Город строился на петербургский манер. Была создана лучевая система основных улиц, ориентированных на купол дворца Румянцевых, построены Петропавловский собор, Гостиный двор. В результате Гомель из соломенного превратился в каменный. Естественно, что при таком размахе строительных и земляных работ часто обнаруживались клады. Это привело к тому, что вскоре увлечение коллекционированием монет переросло у Н.П. Румянцева в настоящую страсть.

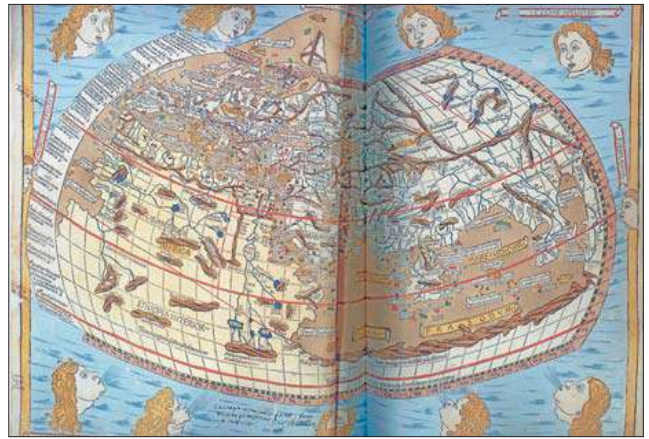
7 сентября 1821 г. Румянцев пишет Малиновскому из Гомеля: “На сих днях среди самого Гомеля из земли вырыт горшок с серебряными монетами, и кажется мне, рублей на шесть сот; но, к сожалению моему, все они одинаковы и годов тысяча шестисот двадцатых, монеты Польские короля Сигизмунда” [7].

10 ноября 1822 г. Румянцев сообщает о новой находке монет: “Сегодня крестьяне мои, планируя известную вам гомельскую площадь, нашли в земле и мне принесли 28 монет серебряных, в малый полтинник величиной. Они все, коли не ошибаюсь, арабские, кувейтские, и принадлежат, также как многие подобные открытия, к утверждению истины, что восточные народы в самые древние времена проложили себе торговую дорогу через Византию и всю Россию до Германских Балтийских берегов, где уже находка таковых монет прекращается” [8].

Монеты Н.П. Румянцев передал Френу для определения, который и подтвердил, что они действительно арабские, кувейтские и что древнейшая из них 896 г., а самая поздняя — 943 г., и относятся они к Сасанидской династии.

Таким образом, можно сказать, что начало нумизматической деятельности Н.П. Румянцева относится к первой половине 1820-х гг., а монетой, положившей начало замечательной нумизматической коллекции Канцлера, стала кувейтская монета, полученная им от А.Ф. Малиновского около 15 апреля 1819 г.

Бывало и так, что, покупая монеты “по случаю”, граф приобретал довольно обыкновенные экземпляры, однако эти неудачи не отбивали у него охоту к коллекционированию. Еще большей была радость, когда попадались действительно редкие монеты. То, что в его Нумизматическом кабинете было много редких и ценных монет, объясняется еще и тем, что все свои новые приобретения Канцлер имел обыкновение пересылать для определения академику Кругу. Или просил его с этой же целью греко-римские монеты передать академику Кёлеру, а восточные — академику Френу. Они же впоследствии составили и каталоги монет.

Разворот «Космографии» Клавдия Птолемея с изображением карты мира в окружении 12 ветров. Включает в себя 32 гравированные на дереве карты, напечатанные на развороте. Экземпляр Н.П. Румянцева с необычайной ручной раскраской: моря и океаны раскрашены не в синий, а в бежево-коричневый цвет [1].

Это были самые первые каталоги Нумизматического кабинета Румянцева. Все последующие составлялись на их основании и содержали сведения уже не только о собственно коллекции Румянцева.

Графа Румянцева интересовали не только древнерусские, но и греко-римские монеты. Древние монеты ему присылали из разных концов России, в основном из Крыма и Кавказа. Кроме того, он и сам с большим удовольствием принимал участие в поездках по российским губерниям. Во время этих поездок исследовались монастырские библиотеки и архивы, а коллекции пополнялись новыми приобретениями. В 1822 г. он вместе с К.Ф. Калайдовичем совершил поездку по монастырям Московской губернии, в результате чего был обнаружен целый ряд ценных старинных рукописей.

В 1823 г. Румянцев, будучи уже в возрасте 69 лет, отправился в длительное путешествие в Пятигорск и Крым. Он объехал много исторических мест и приобрел старинные монеты, медали, которые дополнили его нумизматическую коллекцию.

Так, постепенно он составил Нумизматический кабинет. Описание Нумизматического кабинета было сделано К.К. Герцем в статье “Нумизматический кабинет графа Н.П. Румянцева”, опубликованной в Сборнике материалов для истории Румянцевского музея в 1882 г.

Согласно описанию К.К. Герца он имел два отделения. Первое состояло из собрания греческих монет. Рукописный каталог этих монет был составлен академиком Кёлером, вероятно, в 1828 г. Был переписан писцом, переплетен и составил 186 страниц и скреплен подписью лиц, которые в разное время заведовали кабинетом.

“По этому рукописному Каталогу первое отделение имело 8 золотых, 73 серебряных, 441 медную, 1 электрическую и 1 потиновую монету². Это были следующие монеты и располагались они таким образом:

² Электрическая монета — монета из сплава золота и серебра; потиновая — монета из бронзового сплава с высоким (до 25%) содержанием олова.

1) Галия. 2) Лукания. 3) Херсонес Таврический. 4) Европейская Сарматия. 5) Нижняя Мизия. 6) Фракия. 7) Македония. 8) Атика. 9) Азия. Босфор Киммерийский и Колхида. 10) Понт. 11) Цари Босфорские. 12) Пафлагония. 13) Вионния. 14) Эолида. 15) Фригия. 16) Каппадокия. 17) Комана. 18) Сирия. 19) Бактрия. 20) Месопотамия. 21) Парфия. 22) Киренаика. 23) Неопределенные монеты. Римские монеты 1. Консульские и 2. Императорские (от Августа до Алексия Комнина).

Украшением и драгоценнейшим памятником всего нумизматического собрания, составленного Канцлером, — пишет Герц, — является единственный экземпляр серебряной монеты босфорского царя Спартока, правившего от 304 по 289 год до Рождества Христова. Эту монету Румянцев купил во время путешествия в Крым.

Вот ее описание. Лицевая сторона: голова царя в диадеме, обращена вправо.

Оборотная сторона: надпись В.А...

В поле направо: монограмма Пантикапеи: корит с луком, горизонтально поставленный, обращен влево.

Монета из серебра, шестой величины (по Мионне), весом 7,75 г, или 148,7 грана парижского, и есть аттический дидрахм времен Солона.

Подлинник пострадал, он должен был иметь вес 164,4 грана. Монета, вероятно, чеканена в Пантикапее — резиденции босфорских царей в Европе.

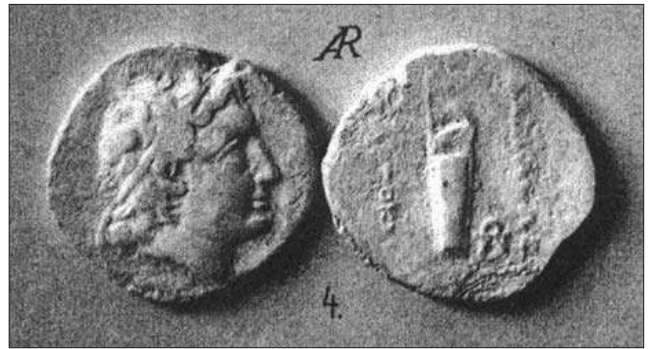
Открытые монеты с изображением царя, не упоминавшегося историей, привлекло внимание тогдашних нумизматов. Академик Круг в письме к графу Н.П. Румянцеву от 9 октября 1823 г. писал, что “Кёлер был вне себя при рассматривании монеты Спартока и, взирал на нее глазами влюбленного, ... умолял меня советовать Вашему Сиятельству, что если Вы пожелаете уступить ее кому-либо, Вы не отдавали бы ее менее 1200 руб. Она, говорит он, не только единственная монета до настоящего времени, но также важна, как исторический памятник. У него есть величайшее желание написать об этой монете небольшое рассуждение, в котором он надеется сказать много нового. Он очень просит меня, чтобы Ваше сиятельство дали Ваше согласие на его труд. Он думает, что будет более чем награжден честью быть первым, кто введет этого царя в науку, царя, наполняющего пробел, долго чувствуемый и оплакиваемый в ученом мире” [9].

Академик Кёлер исполнил свое намерение и в 1824 г. посвятил монете Спартока особое сочинение на французском языке.

Главный вопрос, возникший при описании данной монеты, по мнению Кёлера, — это вопрос принадлежности, потому что история говорит о четырех Спартоках, правивших на Босфоре.

По мнению Кёлера, монета Спартока не могла быть отнесена ко времени четвертого царя этого имени, потому что тогда еще не было обыкновения вырезать царские изображения на монетах времен Александра Великого и его преемников в Македонии вплоть до Антигона Гоната.

“Но мнение, высказанное Кёлером в статье, посвященной монете Спартока, ошибочно, и мы думаем (пишет Герц), следует держаться мнения другого опытного нумизмата — барона Кене, который считал, что “не только в половине третьего века до Рождества Христова мы видим на многих монетах Сицилии,

Монета царя Спартока IV.

Пергама, Сирии, Египта, Бактрии и других изображения царей. Поэтому нет ничего удивительного, что на монете Спартока IV мы видим изображение государя. Да и сам стиль подтверждает справедливость такого мнения.

На этих основаниях серебряная монета Спартока, — продолжает Герц, — была выставлена под именем Спартока IV в витрине Румянцевского музея, где расположены монеты греческих колоний в Южной России” [10].

Кроме нее, в Крыму Канцлером были куплены и другие греческие монеты, среди которых “иные отличались красотой экземпляров, а другие принадлежали даже к неизданным”.

Очень интересной монетой из коллекции Нумизматического кабинета графа Н.П. Румянцева, впервые описанной академиком Кёлером в каталоге, является монета Савромата II. “1. Лицевая сторона. Виктория с короною в протянутой правой руке, а в левой с пальмой шествует от правой стороны к левой. Обратная сторона. НИН посреди дубового венка. Медь. Величина 7. Монета Савромата II, находящаяся в коллекции Румянцева Н.П., очень интересна тем, что не имеет лицевой стороны и составлена из двух оборотных сторон монет того же царя, описанных академиком Кёлером” [11].

Еще две неизданных монеты из коллекции Канцлера определены и описаны Кёлером как монеты Реметалка и Рескупорида IV. “На первой бюст, увенчивающий жезл из слоновой кости, весьма явственно представлен.

Вторая монета принадлежит царствованию, весьма богатому монетами. На лицевой стороне бюст Рескупорида IV с диадемой на голове, обращенный вправо; на поле вправо контрмарка. Обратная сторона: фигура сидящей влево Астарты. Медь. Величина 6” [12].

В коллекции графа Румянцева были представлены интересные монеты Херсонеса. “Херсонес, писал Кёлер, отличался от всех городов Таврического полуострова и Понта тем, что строго хранил нравы и искусство Греции. Доказательством служат эмблемы, находящиеся на его монетах. Три из них им были описаны следующим образом.

“1. Лицевая сторона: вверху фигура на колеснице, запряженной четырьмя скачущими конями, держащая в левой руке поводья, а в правой — бич. Обращена слева направо.

Оборотная сторона: воин бородатый и нагой, с конической шапкой на голове, стоит преклоненный

на одно колено и скрывается за большим щитом, опертый на левую его ногу. В правой руке — копьё. Медь. Величина 5” [13]. На момент описания монет ученые так и не пришли к единому мнению, кто этот воин.

“Второе отделение Нумизматического кабинета состояло из собрания мугамеданских монет, коих рукописный вариант, ныне тоже хранящийся при нумизматическом отделении Московского Публичного музея, составлен академиком Френом в 1825 году.

Каталог переплетен в корешках и имел 135 страниц, скреплен подписями лиц, которые в разное время заведовали этим вторым отделом.

По рукописному Каталогу Френа отдел включал: 9 золотых, 653 серебряных, 270 медных, 6 посеребренных и 3 желтые медные монеты.

Мугамеданские монеты в Каталоге разделены по следующим 19 классам:

- 1) Оммаядские халифы на Востоке и в Испании.
- 2) Аббасидские халифы и их правители в провинциях.
- 3) Эдрезиды-Имамы в Мавритании.
- 4) Гатриды-Эмиры.
- 5) Саманиды-Эмиры.
- 6) Тулуниды и Айюбиды.
- 7) Бувсейгиды и Сайлерицы.
- 8) Харезмахи.
- 9) Туркестанские ханы.
- 10) Сельджуки в Малой Азии.
- 11) Атабеки или Сингиды.
- 12) Джучиды или ханы Золотой Орды. Прибавление: русско-татарские монеты.
- 13) Крымские ханы, Гуваждские ханы.
- 14) Запись отсутствует.
- 15) Джагатайские ханы, Тимур (Тамерлан) и его потомки, также Шейбаниды.
- 16) Османиды султаны.
- 17) Персидские шахи династии Сефи.
- 18) Цари Грузии.
- 19) Неопределенные монеты и смесь (обозначены звездочками, но в Каталоге были еще не определены” [14].

Среди этого типа монет интересна Монета Фетх-Али Шаха.

Она представляла собой золотой слиток квадратной формы в узорах. На лицевой стороне надпись в квадрате — чеканено в столице государства Тегеран. Сверху — Царство принадлежит богу. Снизу — 1215 г. (1801).

На обороте в кругу — шиитский символ.

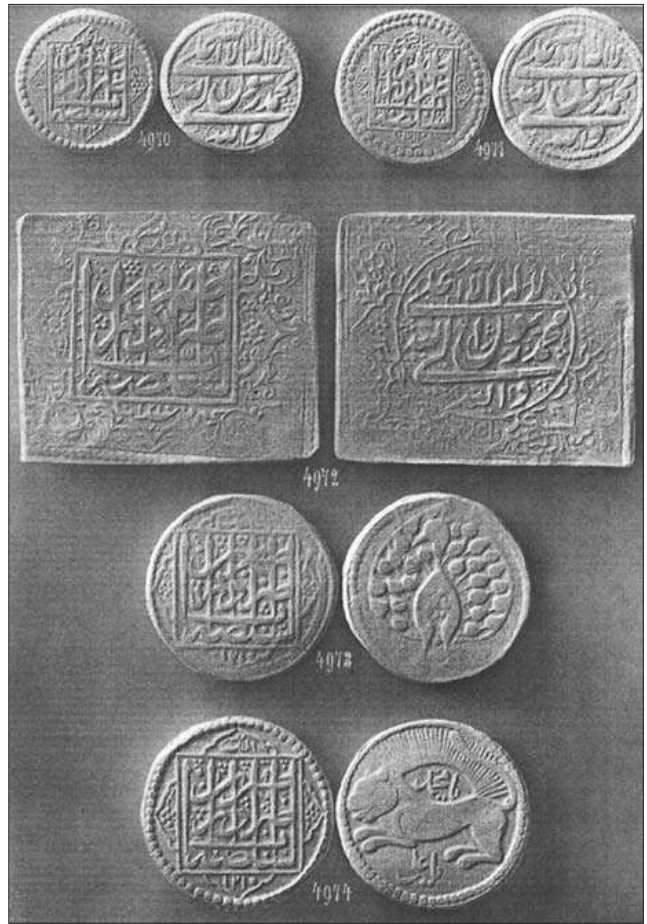
Сверху — О Мохаммед!

Снизу — О Алли!

Вес 93 зол. 54 доли.

Меньше всего в коллекции Румянцева было русских старинных монет: всего 47, в том числе 2 серебряных слитка.

Граф сам сокрушался об этом и стремился купить русские монеты. В 1822 г. при посещении Микулина Городища, на р. Шоше, в имении графа Н.П. Румянцева, где ранее господствовали удельные князья, он купил замечательные монеты — 3 серебряные и 2 медные. Одна из них — медная — была редчайшей. На ней изображено животное с надписью “князь Тверской”. Другие также были великокняжескими — Тверскими и Московскими.

Мугамеданские монеты.
Монета Фетх-Али Шаха — квадратной формы.

О том, как были найдены серебряные слитки, хранившиеся в его коллекции, Румянцев писал Малиновскому 27 июня 1821 г. из Гомеля. “В Новгороде, разрывая ныне древний вал и ров, окружающий Софийскую сторону, о существовании которого упоминается уже в 1383 г., сочли за нужное провести канал для стока грязи, в нем ребяятишки, играючи меж собою, неподалеку от церкви св. Великомученика Дмитрия... 15 мая нашли слитки серебра, всегда одинаковым образом, в одну меру и в один вес обрубленных, я их получил, они точно имеют вид тех древних рублей, которые в брусковой форме хранятся знатоками в их кабинетах, и различаются от них только в том, что никакого штемпеля или знака на себе не имеют, а притом не так обтерты и не имеют на боках своих того лоска, который имеют все прочие со штемпелем рубли древние, из чего, кажется, заключить можно, что в Новгороде ныне найденные гораздо древнее тех, которые до нас дошли. При сих обломках, или отрубленных частях нашлись целые серебряные слитки точно длиною и весом вдвое тех слитков, которые, будучи всегда перерублены в половину, получили название рубля; целый же слиток, кажется, не что иное есть, как самая та древняя гривна, которая так часто упоминается в “Русской правде” [15].

В 1822 г. Н.П. Румянцев приобрел у профессора Кротова из Рязани собрание татарских монет за 150 руб., о чем пишет в письмах Малиновскому 10 ок-

тября 1826 г. и 21 ноября 1822 г. Среди них были монеты Бату-хана, Узбек-хана, Тимура (Тамерлана) 1369—1400 гг.

Таким образом, всего за семь лет Н.П. Румянцеву удалось собрать одну из лучших нумизматических коллекций своего времени.

15 января 1826 г. граф Н.П. Румянцев скончался в своем доме на Английской набережной в Санкт-Петербурге. В соответствии с завещанием его прах был захоронен в родовой усадьбе в Гомеле в соборе Петра и Павла.

Румянцев не был женат, и все его состояние перешло младшему брату Сергею Петровичу. Он поручил ему предоставить “на общую пользу” все собрание книг, рукописей, медалей и монет, что тот и сделал.

В 1826 г. коллекции и библиотека были переданы С.П. Румянцевым Министерству народного просвещения. Для передачи коллекций была создана специальная комиссия. В ее состав вошли представители Департамента народного просвещения, а также академики Ф.И. Круг, Г.К. Кёлер, Х.Д. Френ. Они осматривали рукописную и нумизматическую коллекции, к составлению которых волею судьбы имели прямое отношение. Император Николай I 10 апреля 1828 г. издал указ о создании Румянцевского музея на основе коллекции, собранной графом Н.П. Румянцевым.

В 1831 г. в особняке Румянцева на Английской набережной в Петербурге был открыт музей. Он был назван Румянцевским.

В 1861 г. музей перевезли в Москву. При передаче Румянцевского музея в ведение Министерства народного просвещения в 1861 г. А.Х. Востоковым была составлена “Опись вещам Румянцевского музеума”.

“Опись вещам Румянцевского музеума — есть первый документ, изображающий Музеум в том самом состоянии, в каком он был передан в ведение Министерства народного просвещения от графа Н.П. Румянцева.

Она была исходной точкой для бывших потом ревизий наличности Румянцевского музея.

Румянцевский Музей включает в себе: Кабинет медалей и монет, в коем хранится: Греческих и Римских монет, описанных Кёлером, — 783 (Каталог № 6)

Восточных монет, описанных академиком Френом, — 945 (Каталог № 7)

Русских старинных серебряных монет — 42 и 2 слитка серебряных” [16].

В Москве Румянцевский музей разместился в Доме Пашкова и был слит с вновь учреждавшимся Московским публичным музеем. Таким образом, в 1862 г. был создан Московский публичный и Румянцевский музеум. Входящая в его состав Румянцевская библиотека в 1863 г. была провозглашена публичной.

Собрание книг Румянцева стало основой главной библиотеки страны — Российской государственной библиотеки, где хранится около 40 миллионов печатных изданий.

Судьба Нумизматического кабинета графа Румянцева была непростой. Его не удалось сохранить как единое целое. Уже в конце XIX в. началось постепенное расформирование коллекций музея. Его минералогическое собрание и другие естественно-исторические предметы были переведены на хранение в музей Московского университета, в результате чего в Румянцевском музее остались только культурно-исторические коллекции. Остальные же экспонаты в послереволюционные года были разбросаны по большому и малым собраниям Советской России. В 1924—1925 гг. расформирование было завершено. В настоящее время в фондах Российского Государственного исторического музея находится монета Спартока IV, а также часть античных монет из коллекции Канцлера. Однако они не выделены как монеты из коллекции Румянцева.

Канцлер России граф Н.П. Румянцев является замечательным примером служения своему народу и Отечеству. Масштабы его деятельности на благо России трудно переоценить, поскольку они преодолевали не только границы государств, но и стереотипы поведения, жизни и деятельности государственных деятелей своего времени.

Источники:

1. Сараскина, Л.И. *Граф Н.П. Румянцев и его время*. М., 2003. С. 12.
2. Там же. С. 110.
3. Там же. С. 75.
4. *Переписка Государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными с предисловием, примечаниями и указателем Е.В. Барсова ко дню пятидесятилетнего юбилея Румянцевского музея*. Москва, 1882. С. 101.
5. Герц, К.К. *Нумизматический кабинет графа Н.П. Румянцева* // *Сборник материалов для истории Румянцевского музея: Полувековой юбилей открытия Румянцевского музеума* / Изд. Моск. публ. и Румянцев. музеев, М., 1882. Вып. 1. С. 173.
6. *Переписка Государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными с предисловием, примечаниями и указателем Е.В. Барсова ко дню пятидесятилетнего юбилея Румянцевского музея*. Москва, 1882. С. 136.
7. Там же. С. 191.
8. Герц, К.К. *Нумизматический кабинет графа Н.П. Румянцева* // *Сборник материалов для истории Румянцевского музея: Полувековой юбилей открытия Румянцевского музеума* / Изд. Моск. публ. и Румянцев. музеев, М., 1882. Вып. 1. С. 178.
9. Там же. С. 79.
10. Там же. С. 80.
11. Там же. С. 81.
12. Там же. С. 81.
13. Там же. С. 82, 83.
14. Там же. С. 85.
15. *Переписка Государственного канцлера графа Н.П. Румянцева с московскими учеными с предисловием, примечаниями и указателем Е.В. Барсова ко дню пятидесятилетнего юбилея Румянцевского музея*. С. 186.
16. Герц, К.К. *Нумизматический кабинет графа Н.П. Румянцева*. С. 163.

Витебская коллекция

Любовь БАХАНОВА

Заведующий архивом
Главного управления
Национального банка
Республики Беларусь
по Витебской области

В сентябре 2008 г. Витебск отметил 160 лет со дня рождения Вацлава Петровича Федоровича — белорусского краеведа, юриста, одного из известнейших коллекционеров в Витебской губернии конца XIX — начала XX в. Юбилей совпал с 90-летием со дня основания Витебского областного краеведческого музея. К этим датам музеем была организована конференция, на которой торжественно открылась экспозиция “Музей местных древностей (из собрания В.П.Федоровича)”.

Родился В.П. Федорович в 1848 г. в Могилеве. Юридическое образование получил в Москве: в 1872 г. окончил юридический университет и поступил на службу в Министерство юстиции, где занимал должности следователя, подкуратора, члена суда. Затем служил в Саратове, Царицыне, Ереване. В 1884 г. Федорович приехал в Витебск и служил в должности присяжного поверенного в окружном суде. Он считался одним из лучших судейских ораторов придвинского края. Федорович быстро завоевал авторитет жителей города благодаря своим разносторонним интересам, знаниям в разных отраслях, человеколюбию и независимости во взглядах. С 1893 г. он избран в Витебскую городскую думу. В 1887 г. являлся делегатом I съезда польских юристов и экономистов в Кракове. В 1905 г. В.П. Федорович представлял Витебскую губернию на Всероссийском съезде адвокатов в Петербурге, где принимал участие в разработке проекта Автономии Королевства Польского.

Одновременно В.П. Федорович вел активную общественную деятельность. Особый интерес у него вызвала богатая история Витебского края. В.П. Федорович являлся заместителем председателя Витебской Архивной Комиссии, членом-корреспондентом Краковской Академии наук и общества краеведов в Варшаве. Он инициировал и основал Благотворительное Католическое Общество в Витебске. По его инициативе Общество издавало сборник на польском языке “По окрестностям Двины” (“Z okolic Dzwiny”), экземпляр которого хранится в фондах Российской Националь-

ной библиотеки в Санкт-Петербурге. Умер В.П. Федорович в Риге в 1911 г. и был похоронен в Витебске у костела Св. Антония (костел уничтожен в 1950-х гг., кладбище при нем не сохранилось).

В.П. Федорович известен как один из крупнейших коллекционеров Витебщины. Работая в Ереване, он увлекся историей, а переехав в Витебск, пристрастился к коллекционированию, которое в то время было распространено в Беларуси. Вацлав Петрович собрал крупную археологическую и нумизматическую коллекцию, произведения литературы и искусства, древние грамоты, медали, печати, ордена, масонские знаки, предметы домашнего обихода. В коллекцию вошли предметы, собранные в Витебской, Могилевской, Минской и Виленской губерниях, а также приобретенные из собрания витебских любителей старины: К.К. Бергнера, М.Ф. Кустинского, А.С. Плятера, Волковича. Исполняя адвокатские обязанности, часть своих гонораров Федорович получал предметами старины. Он совершал также частные поездки по Беларуси, приобретая предметы с курганных раскопок, отыскивая в сельской местности у крестьян и помещиков интересные экспонаты. Поэтому в коллекции был широко представлен быт городского и сельского населения Беларуси XVIII—XIX вв.: белорусов, русских, поляков, евреев, латышей, литовцев. В 1895 г. в коллекцию поступили древние монеты Великого княжества Литовского и ювелирные изделия, найденные в устье реки Витьба. Таким образом, собрание постоянно пополнялось.

На основе своего собрания В.П. Федорович в 80-х гг. XIX в. создал в Витебске частный музей. Музей находился в отдельном здании, занимал четыре комнаты, экспонаты располагались в специальных шкафах и витринах. Для удобства осмотра экспозиция освещалась дневным светом через застекленный потолок. Музей Федоровича пользовался широкой известностью. Его посещали и местные жители, и гости города. Федорович популяризировал свое собрание в печатных изданиях, публикуя вместе с информацией отдельные исторические памятники.

После смерти В.П. Федоровича собрание перешло к его сыновьям. В 1912 г. коллекцию осмотрел заведующий этнографическим отделом музея Императора Александра III Н.М. Могилянский и нашел ее очень интересной.

Судьба музея и коллекции после Великой Октябрьской революции оказалась непростой. В 1920 г. наследники В.П. Федоровича, два сына, передали музейное собрание Петроградскому областному отделу по охране памятников старины. Сразу же оно поступило в ведение Витебской губернской комиссии по охране памятников старины и предметов искусства.

К этому моменту коллекция была разбросана по трем разным помещениям Витебска: часть находилась в доме жены, часть — у родственников, некоторые предметы хранились в доме служителя костела Св. Антония. Семья Федоровичей вынуждена была оставить свои квартиры ввиду того, что одна переходила

В.П. Федорович.

для клуба работников Речной Флотилии, в другой в срочном порядке открывалась столовая для детей и рабочих водного транспорта и канатчиков. Собрание было перевезено в бывший архиерейский дом на площадь Свободы, 1.

Весной 1920 г. Витебская губкомиссия рассматривала вопрос о музее Федоровича. В отчете о деятельности комиссии за март—май 1920 г. в разделе “Музейное дело” записано: “Намечено открытие музея Федоровича для публики в помещении Археологического института”. В апреле 1921 г. губкомиссия направляет запрос в Петроградский областной отдел по охране памятников старины и “...просит сообщить, можно ли приступить к открытию музея Федоровича: музей этот описан, но до сих пор находится в свернутом виде, между тем ввиду наступления празднования 900-летия со дня летописного упоминания о гор. Витебске открытие его весьма желательно”. Ответы из Петрограда гласили: “...музей Федоровичей передается Витебскому Отделению Московского Археологического Института для научной обработки и пользования...”, “...до формальной передачи музейного имущества благоволите никаких работ по музею не допускать”, “...музей Федоровичей должен быть передан, впредь до окончательной разработки плана музейного строительства в общегосударственном масштабе, для дальнейшей разработки и научного использования Витебскому отделению Московского Археологического института, которому даются указания о принятии мер к скорейшему открытию означенного музея для всеобщего обозрения”.

Однако до открытия музею предстояло преодолеть немало трудностей. Работа приостанавливалась по причине отсутствия финансирования. Так, в выписке из протокола заседания Витебской губернской комиссии по охране памятников старины и искусства от 14 июня 1921 г. констатируется, что работа по инвентаризации прекратилась “...вследствие 3-х месячной задержки в определении нормы оплаты труда работающих по инвентаризации музея и назначении в мае скромного вознаграждения 286 руб. за час”. А пись-

мом от 14 сентября 1921 г. Витебская губкомиссия сообщает в Московский центральный отдел по охране памятников старины и искусства, “...что дело охраны и регистрации памятников по губернии находится в плачевном положении из-за отсутствия средств, ибо с января с.г. Вами не были переведены деньги на расходы Губкомиссии...”. Однако в положительном решении вопроса финансирования было “рассчитывать на безусловный успех трудно ввиду общего острого недостатка в денежных знаках”.

По условиям соглашения с Литовской республикой в 1921 г. была вероятна вывоза музея Федоровича в Литву в Ковно, однако она не увенчалась успехом — коллекция осталась в Витебске.

В 1922 г. музеем заинтересовалась комиссия по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих, которая дала заключение, возможно, спасшее коллекцию от рассредоточения: “Опись предметов бывшего музея Федоровича ... не произведена, так как музей является частной собственностью. Предположен владельцами вывоз его в Польшу; золота, серебра, драгоценных камней в нем не имеется”. В фондах Государственного архива Витебской области документов, свидетельствующих о попытках вывоза в Польшу коллекции, не обнаружено.

Вскоре, 17 мая 1921 г., губкомиссия в очередной раз заслушивает вопрос о состоянии дел в музее Федоровича. Ответственным за подготовку к открытию музея назначается В.Г. Краснянский, экспертом — А.Р. Бродовский (заведующий губернским музеем) и представитель Московского Археологического института Сомов. Из Петрограда прислан представитель областного отдела по охране памятников старины В.К. Лавровский.

Музейное имущество приемочной комиссией было переписано в особую ведомость по наличности без систематизации и научного описания, так как, по словам наследников, инвентарная опись музейного собрания была утеряна. От семьи Федоровичей на перепись была приглашена жена коллекционера М.П. Браун-Федорович. Ведомость была передана хранителю музея В.Г. Краснянскому для продолжения работы.

Краснянский Владимир Гаврилович — историк по образованию, автор многих печатных трудов, до Октябрьской революции — преподаватель истории и гео-

Патент Анны Иоановны Ивану Финку на звание полковника. 1733 г. (из экспозиции Витебского областного краеведческого музея).

графии в Минской мужской гимназии, помощник архивариуса в Виленском центральном архиве древних актов книг, Правитель Канцелярии Виленского Учебного округа, директор Витебского реального училища, в 1918—1920 гг. — наставник на Витебских командных красноармейских курсах. Он хорошо понимал ценность коллекции В.П. Федоровича.

Заслуживает уважения и признания огромный кропотливый труд В.Г. Краснянского. Он обосновал научное и историческое значение музейной коллекции В.П. Федоровича: “Музей этот, без сомнения, представляет очень ценное собрание музейных предметов, с достаточной полнотой характеризующее историю местного края, особенно в отношении польского его населения”. За два года, с 1921 г. по 1923 г., Краснянский составил систематический перечень и разобрал музейные предметы, которые были занесены в приемочную опись и свалены в помещении “в хаотическом беспорядке”. Предметы коллекции не только описал, но и выделил из них наиболее интересные и ценные с научной точки зрения. В.Г. Краснянский ежемесячно составлял для губкомиссии подробные отчеты о проделанной работе, ходатайствовал о расширении площадей под экспозицию, просчитывал сметы для выделения денежных средств на изготовление и ремонт музейной мебели, вел ежедневные записи, чистил экспонаты и готовил их для выставки, в открывшемся музее проводил экскурсии, писал о нем статьи в местном журнале.

В отчетах за осенние и зимние месяцы музейвед делал скромную запись “работа по музею ... тормозится отсутствием в музее отопления и освещения”, “температура в неотапливаемом музее (печей в нем вовсе нет) выше 5 градусов мороза не подымалась и Заведующему (то есть Краснянскому — *авт.*), за отсутствием у него теплого платья и обуви, работать в музее более 20—30 минут не удавалось”.

Работал Краснянский один, правда, его неоднократные просьбы о выделении помощника были удовлетворены, и в ведомостях о личном составе служащих в бывшем музее Федоровича с 20 января 1922 г. значится, помимо хранителя музея Краснянского, сторож Литвинова Феодора Матвеевна, 1887 г. р.

В отчетах за май, июль 1923 г. В.Г. Краснянский подвел итог своей работы: “Инвентаризация музея закончена вполне, 5-го мая состоялось (первое — *авт.*)

В.Г. Краснянский.

посещение музея экскурсией учащихся V трудовой школы”. Таким образом, музей был открыт “для всеобщего обозрения”.

Вне всякого сомнения, благодаря В.Г. Краснянскому собрание Федоровича получило вторую жизнь. Коллекция насчитывала, по описям Краснянского, около 5 тыс. экспонатов. Учитывая, что часть описей не сохранилась, возможно предположить, что экспонатов было больше (исследователи называют от 4500 до более 7000 предметов). Собрание В.П. Федоровича Краснянский разделил на два больших раздела.

I. Эпоха доисторическая. Раздел представляли предметы каменного века, курганные находки: топоры, ножи, кремневые наконечники стрел, окаменелости, кости животных и человека.

II. Эпоха историческая, где были выделены пять отделов:

1. Памятники военного быта. Отдел представлен более 300 предметами знаков отличия, вооружения, военного снаряжения как до изобретения огнестрельного оружия, так и после изобретения пороха. Среди них булава медная (XVIII в.), пистолеты кремневые 2-, 4-, 6-ствольные (XIX в.), японские мечи, ножи и др.

2. Памятники гражданского быта и общественной жизни. Среди них насчитывалось около 1500 серебряных и медных монет разного достоинства, гражданские ордена, охотничьи принадлежности, образцы кафеля и изразцов. Широко представлены настенные и памятные медали польские, французские, итальянские, шведские, еврейские, выполненные из серебра, бронзы, меди, свинца, чугуна, алюминия (около 300 наименований за период с XVIII в. по начало XX в.). Среди них настенные медали “Ядвига”, королева польская 1384—1399 гг., “Казимир IV Ягеллончик”, король польский 1447—1492 гг., с 1440 г. — великий князь Великого княжества Литовского, “Стефан Баторий”, государственный деятель, полководец, великий

Шкатулка с масонской символикой (конец XVIII — начало XIX в.).

князь Великого княжества Литовского, король польский 1576—1586 гг., “Станислав Август”, король польский 1704—1733 гг. Имелись печати правительственных учреждений и частных лиц: Белорусского вольно-экономического общества, Александра Сапег-воеводы Полоцкого 1755 г., штаба генерала Дабровского и др.

3. Предметы домашнего обихода (более 500 экспонатов): мужская и женская одежда и обувь, посуда, осветительные приборы. Особенно полно здесь были представлены женские ювелирные украшения (более 300 предметов), курительные трубки, чубуки, голландской работы табакерки XVII—XVIII вв. Собрание трубок для табака включало около 60 трубок разной формы и величины с разнообразными мундштуками. Чубуки к трубкам были изготовлены из ценных пород дерева, рога, хрусталя, украшены янтарем, серебряными накладками.

4. Памятники науки и искусства: старинные рукописи, гравюры и портреты исторических личностей (Сигизмунда III, Екатерины II, Александра I, князя Голицына, Изафата Кунцевича и другие), планы и чертежи городов Могилева, Вильно, Минска, Гродно, Полоцка, Лепеля, Глубокое, фотоснимки храмов, костелов, часовен.

5. Отдел масонских памятников. Коллекция В.П. Федоровича по истории масонства являлась одной из самых крупных в России, насчитывала 157 экспонатов за период с середины XVIII в. по конец XIX в. В коллекцию входили:

— масонская литература — рукописи, книги, брошюры, сборники на русском, французском, немецком, польском языках: “Библиография по истории масонства”, “Конституция вольных каменщиков в Польше”, “Состояние ложи Святого Яна в Варшаве на 1810—1820 гг.”, “Масонство в Риге”, “Книга обрядов 2-й степени”, список почетных членов ложи, песенные сборники и др.;

— отличительные масонские знаки русских и польских лож “Соединенных друзей”, “Елизаветы к

добродетели”, “Орла Российского”, “Петра к истине”, “Доброго пастыря”, “Ревностного литвина”, “Общества поляков объединенных”.

Общемасонские отличительные знаки и знаки разных степеней и должностей (конец XVIII — начало XIX в.): знаки мастера, управляющего ложей, — кинжал пламенный, секира, циркуль с отвесом, циркуль с треугольником, костяной ключ, череп и кости, солнце; знак ученической степени — мастерок (лопаточка); знаки IV, VI степени шведской системы, знак 18-й степени шотландской системы, знаки с изображением Святого Апостола Андрея Первозванного, акации, линейки, отвеса.

Масонские знаки хранились в специальных шкапулках. На шкапулке из собрания Федоровича изображены растения, почитаемые масонами, — ветви акации и дуба.

В коллекции представлены и другие предметы масонства: нашейные ленты, нарукавные повязки, перчатки, запоны, карманы-кошеле, печати, выполненные из стали, железа, хрусталя.

“Раздел масонских памятников представляет большой интерес как по редкости аналогичных собраний, так и по полноте...” — так писал В.Г. Краснянский о масонской коллекции Федоровича.

Чем был вызван интерес В.П. Федоровича к теме масонства? Принадлежал ли он к какой-либо масонской ложе? Однозначные ответы на эти вопросы не дают документы, изученные автором статьи. В России идеология масонства объединяла таких людей, как Карамзин, Новиков, Пушкин, Грибоедов, участников восстания в Польше 1831 г., 1863 г.¹ История масонского движения знала взлеты и падения, отношение официальной власти к нему было в разные периоды неодинаковым. Так, в общем русле покровительства масонскому движению Александр I в 1815 г. восстановил работу польской ложи “Великого Востока” (она прекратила существование в конце XVIII в. после разделов Речи Посполитой). Это привело к активному возрождению старых и открытию новых лож в Бела-

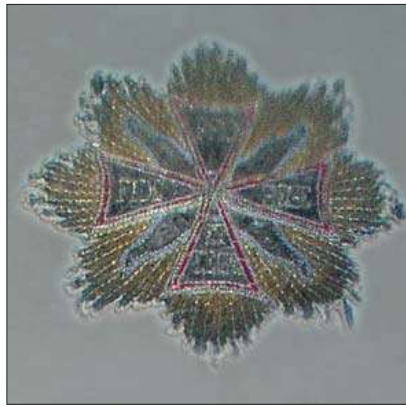

Масонские знаки.

¹ Масонство — религиозно-этническое движение, целью которого является нравственное самосовершенствование с мирным объединением человечества в религиозном братском союзе. Название, традиции, организацию масонство заимствовало от средневековых цехов строителей-каменщиков (масон в переводе с французского “вольный каменщик”). История масонского ордена началась в 1717 г., когда в Лондоне была инсталлирована первая в мире Великая ложа под молотком сэра Э. Сейра. В дальнейшем масонство широко распространилось во многих странах мира. В Беларуси первая масонская ложа “Счастливого освобождения” была учреждена в Гродно в 1781 г.

Масонский знак.

Знак ордена "Белого Орла".

Печать Александра Сапеги — воеводы Полоцкого. 1755 г.

руси и Литве. Однако почувствовав, что деятельность масонов выходит из-под контроля, российские власти потребовали прекращения работы лож. В Российской империи они были закрыты в августе 1822 г., но продолжали действовать в глубоком подполье.

Тем не менее и после этого интерес правительства к масонам не угас: в 30-е гг. XIX в. начался сбор задолженностей их членских взносов, продолжавшийся до 1839 г. (в Минске собранные суммы передавались на нужды местного госпиталя), беспощадно уничтожались масонские архивы (в Минске по распоряжению гражданского губернатора были сожжены знаки, дипломы и другие вещи), витебскому губернатору Н.Н. Хованскому Министерством внутренних дел предписывалось в 1826 г. повторно взять расписки от всех военнослужащих, гражданских чиновников и дворян "о неучастии их в работе не только масонских лож, но и любых тайных обществ под каким названием они бы ни существовали", о том, что дающий расписку "ранее принадлежал к масонской ложе, думе, управе; знал о целях, средствах их достижения и участниках общества", "но связанный клятвой хранил тайну их", о чем чистосердечно рассказывает. Такие расписки брались с дворян Витебской губернии с 1826 г. по 1831 г.

Следовательно, можно сделать вывод, что масонство интересовало В.П. Федоровича-коллекционера как общественное явление, которое играло определенную роль в формировании общественно-политических взглядов своего времени и оказывало влияние на культурную и просветительскую жизнь общества.

Вацлав Петрович также собрал большую библиотеку: свыше 1000 томов книг по истории Беларуси и Литвы, белорусские и литовские издания XVIII—XIX вв.

В 1923 г. музей Федоровича был открыт под названием "Музей Белорусско-Польских древностей", затем переименован в "Музей местных древностей". В 1924 г. было создано Витебское отделение Белгосмузея, в состав которого вошли четыре коллекции. Из них собрание В.П. Федоровича по значимости было вторым (после собрания А.Р. Бродовского). Поступив в фонды Губернского музея, коллекция В.П. Федоровича перестала существовать как отдельное собрание. В годы Великой Отечественной войны предметы коллекции вместе с другими экспонатами краеведческого музея находились в эвакуации в Саратове. Возвращена в Витебск только часть собрания музея.

На сегодняшний день в фондах Витебского областного краеведческого музея находится небольшая часть довоенной коллекции Федоровича: более 200 предметов из его собрания. Это рукописные документы (дневники Федоровича, его заметки о витебских замках и находках на их территории, переписка), коллекция археологических находок, оружие, масонская коллекция, настенные и памятные медали, предметы городского быта, домашнего обихода XVIII—XIX вв. Описи В.Г. Краснянского, составленные в 20-е гг., и в настоящее время служат основанием для определения принадлежности предмета к собранию коллекционера.

Ценность собрания В.П. Федоровича несомненна в научном, историческом, культурном и познавательном плане, а его деятельность как гражданина и коллекционера заслуживает признательности и уважения.

Автор благодарит Витебский областной краеведческий музей, Государственный архив Витебской области за помощь в подготовке статьи.

Источники:

1. Витебск. Путеводитель. Мн., 2006.
2. Витебский областной краеведческий музей. Научный архив, н/а 10/1, н/а 10/2, н/а 11/5, н/а 11/7, н/а 12/4, н/а 15/1, н/а 15/2, н/а 932, н/а 950, н/а 1169.
3. Государственный архив Витебской области. Фонд 1947, опись 1, д. 3, 4, 6, 11.
4. 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею. Мн., 2009.
5. Ожегов, С., Шведова, Н. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
6. Падліпскі, А. Буйнейшыя калекцыянеры. Помнікі гісторыі і культуры БССР. 1986. № 4.
7. Третьяк, Е. Масонские ложи на территории Беларуси в первой трети XIX века // Архивы и делопроизводство. 2008. № 6.

Юзеф Иодковский: музейщик и нумизмат

Виктор КАКАРЕКО

Председатель
Белорусского
нумизматического
общества

В 1933 г. Польша отмечала 400-летие со дня рождения Стефана Батория (1533—1586), выдающегося политика и полководца, Великого князя Литовского и короля Речи Посполитой. По замыслу организаторов торжества, одно из ведущих мест в праздновании отводилось Старому королевскому замку в Гродно, где когда-то прошли последние дни жизни короля. Этому предшествовало проведение значительных ремонтно-строительных работ на Замковой горе и вокруг нее. Сам Старый замок превратили в резиденцию главы государства с президентскими апартаментами и большим залом для представительских целей. У подножия Замковой горы, для защиты ее от вод Немана, построили более чем 500-метровую набережную. Украшением замка стали два вновь созданных музея: исторический и археологический.

На торжества в Гродно приехали президент Речи Посполитой Игнатий Мостицкий, высокие государственные чиновники, представители интеллигенции и духовенства. Состоялись осмотр достопримечательностей Старого замка, открытие мемориальной доски в память 400-летия со дня рождения Стефана Батория, торжественное богослужение и парад войск на площади, носящей его имя. Вечером в замке был дан прием от имени президента. Такого праздника не помнили даже старожилы Гродно.

Старый замок вновь приобрел былое величие, к его древним стенам, как во времена правления Стефана Батория, было приковано внимание всего государства. С этого момента город с богатым историческим прошлым становится туристическим объектом общественного значения. Огромная заслуга в этом принадлежала директору музея Юзефу Иодковскому, благодаря которому и труду окружавших его людей удалось не только спасти Замковую гору от обрушения в Неман во время весеннего половодья, но и создать на месте обнаруженных в ходе раскопок руин древнего поселения археологический музей. Он удачно дополнил экспозицию Государственного исторического музея, расположенного рядом в стенах Старого королевского замка.

Ю. Иодковский проявил себя как истинный музейщик, организовал работу по выявлению, сбору, изучению и публичному показу собранных в музее историко-культурных ценностей, вызывающих интерес к истории своего города, страны, пробуждавших чувство патриотизма и национального самосознания. Он создал самый крупный на территории северо-восточных воеводств предвоенной Польши (после Вильно) Государственный исторический музей, который вобрал в себя многочисленные коллекции, не уступавшие по эстетической и научной ценности ведущим музеям Польши того времени. Проводимая Ю. Иодковским разносторонняя деятельность нашла отражение в многочисленных статьях, брошюрах и книгах, в основном не утративших свою актуальность и в наши дни.

Жизненный путь Юзефа Иодковского, как у многих одержимых делом людей, складывался не всегда гладко, были взлеты и падения. О его судьбе, профессиональной и общественной деятельности в свое время писал польский исследователь Александр Снежко (Aleksander Śnieżko), хорошо знавший этого человека и собиравший материал о нем. На основе статьи А. Śnieżko¹ были подготовлены и опубликованы некролог и несколько кратких биографических статей в польских энциклопедических справочниках. В 1966 г. А. Снежко издал воспоминания об Ю. Иодковском — *Wydobył z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział*, которые в сокращенном виде в 1971 г. напечатали в *Roczniku Białostockim* и переиздали в полной версии в 2000 г.²

Интерес к личности Ю. Иодковского у жителей Гродненщины значительно возрос в конце 80-х — начале 90-х гг. на волне роста национального самосознания. В те годы проводились вечера памяти, посвященные ему, научная конференция (был издан сборник

¹ Śnieżko, A. *Przeoczony jubileusz Józefa Jodkowskiego* // *Archeologia*. T. 2. 1948. S. 435—436.

² Śnieżko, A. *Wspomnienia o Józefie Jodkowskim* // *Rocznik Białostocki*. 1970. Warszawa, 1971. T. 10. S. 495—504.

Юзеф Іодковскі.

материалов конференции), появились о нем публикации в газетах³. Эти немногочисленные публикации основывались на воспоминаниях А. Снежко, на статьях Ю. Иодковского, его письмах и других материалах, но в целом его жизнь и деятельность остаются малоизученными и неосвещенными, особенно для жителей Беларуси.

Родители Юзефа Иодковского были выходцами из небогатых дворянских семей — шляхты, проживавших в деревнях Большие Иодковичи (Великие Едковичи) и Заневичи Гродненского уезда Гродненской губернии. В метрической книге Гродненского Фарного костела сохранилась запись о браке сочетания 28 января 1890 г. забилетного солдата Ю. Иодковского, юноши 29 лет, жителя Гродно, сына Феликса и Анны, урожденной Куликовской, Иодковских и мещанки Софии Заневской, девицы 19 лет, жительницы Гродно, дочери Юзефа и Тересы, урожденной Уткевич, Заневских⁴.

Не прошло и года, как в молодой семье появился первый ребенок — сын, о чем в метрической книге то-

го же костела 20 декабря 1890 г. сделана запись № 6 о рождении, крещении 6 января 1891 г. в Гродно младенца по имени Юзеф у супругов — запасного солдата Юзефа и Софии, урожденной Заневской, Иодковских⁵. Новорожденный оказался старшим ребенком в многодетной семье⁶.

Отец семейства (после возвращения из армии) работал руководителем столярных работ при дирекции почты и телеграфа в Гродно. В середине 1890-х гг. семья Иодковских приобрела земельный участок с жилым домом. Вскоре на этом земельном участке были дополнительно построены двухэтажный каменный флигель и лавка по продаже столярных изделий и гробов. Часть жилых помещений и столярных мастерских семья сдавала внаем⁷.

Детские годы Юзефа проходили вблизи “Городницы” со старинными постройками Антония Тызенгауза, живописной “швейцарской долины”, проходившей вдоль речки Городничанки и около дома Элизы Ожешко.

Получить в Гродно среднее образование, дающее право на продолжение учебы в высших учебных заведениях Российской империи, можно было только в Гродненской мужской гимназии. Обычно в гимназию поступали в двенадцать лет и учились в течение семи — восьми лет. Обучение в седьмом классе длилось один — два года. Как утверждает биограф Ю. Иодковского А. Снежко⁸, а других данных в архивах не сохранилось, готовит Юзефа к поступлению в Гродненскую государственную мужскую гимназию начали с восьми — девяти лет. Сначала его учила Ядвига Костялковская, затем — ее брат Станислав, ставший позже профессором Виленского университета. Подготовка была успешной — Ю. Иодковский сдал вступительные экзамены и стал гимназистом. Предположительно, это произошло в мае 1900 г.

Время учебы Ю. Иодковского в старших классах гимназии совпало с активизацией историко-краеведческого движения. В 1904 г. в Гродно был создан церковно-археологический комитет, который занимался сбором, изучением, охраной и популяризацией “вещественных и письменных памятников церковной старины” в Гродненской губернии. В организованном этим комитетом хранилище древностей, располагавшемся в гродненском Борисоглебском монастыре, находились рукописные и старопечатные книги, произ-

³ Blombergowa, Maria Magdalena. *Wojenne Losy Józefa Jodkowskiego w świetle listów do Wandalina Szukiewicza w latach 1914–1915*, 1992. T. 37. S. 1–2. S. 41–55 — “Archeologia Polski” tom specjalny ku czci prof. Wielowiejskiego; Blombergowa, Maria Magdalena. *Józefa Jodkowskiego kłopoty z objęciem posiadłości w Wilnie w świetle listów do Wandalina Szukiewicza*. [w:] “Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Archeologica”, 1992. T. 16. S. 37–43; Blombergowa, Maria Magdalena. *Badania archeologiczne Polaków na terytorium imperium rosyjskiego w XIX i początku XX wieku*, Łódź 1993 r.; Гасцей, А.П. *Вуліцы Гродна апавядаюць // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 35–36; Гасцей, А. Пелевіч, Я. Ю. *Ядкоўскі і Гародня // Пагоня*. 08.06.2000. С. 5; Малиноўская, Т.Р. *Ю. Ядкоўскі — пачынальнік стварэння калекцыі народнага мастацтва ў Гродзенскім гісторыка-археалагічным музеі // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 29–31; Rudnicki, K. *Honorowy obywatel Grodna // Głos znad Niemna*. 14.04.2000. S. 11; Rudnicki, K. *Milosnik Grodna, jego przylaciele (Malo znane fakty z zycia Józefa Jodkowskiego) // Głos znad Niemna*. 16.04.2004. S. 9; Сінчук, І. І. *Ю. Ядкоўскі — аўтар “Ведамасцей нумізматычна-археалагічных” // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 36–40; Титова, А.А. *Ю. Иодковский — первый директор музея в Гродно // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 3–7; Трусов, И.Г. *Юзеф Иодковский как собиратель и историк-краевед // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 7–11; Царук, В.Н., Таран, Л. К. *Город, открытый археологами // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 24–29; Швед, В.В. *Гродно на страницах сочинений Иодковского // Краязнаўчыя запіскі. Зборнік артыкулаў памяці Ю. Ядкоўскага*. — Гродна. 1990. С. 41–47; Dr. Szwed, W. *Józef Jodkowski: znany i nieznaný // Magazyn Polski*. Nr. 2. 1998. S. 21–24.

⁴ ГУ НИА в Гродно. Ф. 259, оп. 5, д. 3, л. 78. Метрическая книга Гродненского Фарного костела.

⁵ ГУ НИА в Гродно. Ф. 259, оп. 5, д. 4, л. 156. Метрическая книга Гродненского Фарного костела.

⁶ ГУ НИА в Гродно. Ф. 259, оп. 2, д. 98, л. 8. Список прихожан Фарного костела за 1898 г.; ГУ НИА в Гродно. Ф. 259, оп. 5, д. 12, л. 172. Приходская книга Фарного костела за 1926 г.

⁷ ГУ НИА в Гродно. Ф. 304, оп. 1, д. 73, л. 44. Инвентарная опись городского недвижимого имущества (1910).

⁸ Śnieżko, A. *Wydobyl z ziemi gród, o którym nikt nie wiedzial. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim*, Białystok 2000. S. 17.

ведения прикладного и изобразительного искусства, предметы культового назначения и археологические материалы, в том числе старинные монеты. В дальнейшем собранные предметы попадут в созданный Ю. Иодковским исторический музей, а пока они будоражили умы молодежи, пробуждали их национальное самосознание.

Уже в годы обучения в гимназии Юзеф проявил интерес к истории родного края. Много читал, изучал исторические памятники Гродно и его окрестностей. Он начал собирать предметы старины и монеты: сказалось влияние учителя гимназии и местного краеведа Евстафия Филаретовича Орловского (1862—1913), страстного коллекционера старинных монет⁹, члена церковно-археологического комитета. В гимназии одним из предметов был церковно-славянский язык. Ю. Иодковский освоил этот предмет досконально, мог свободно читать старые документы и рукописи.

Во всех классах гимназии практиковались переводные экзамены (устные и письменные). В качестве поощрения учащихся награждали похвальными листами и книгами. В фондах Отдела редких книг Гродненского историко-археологического музея сохранились книги из библиотеки Ю. Иодковского, полученные от учителей гимназии в качестве поощрения и признания заслуг.

На книге Е. Орловского “Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794—1900)” имеется дарственная надпись: “Дорогому Ю. Ю. Иодковскому на добрую память от составителя 23 апреля 1907 г. Гродно”¹⁰. В то же время Ю. Иодковский получил еще одну книгу — В. Манасеин “Исторический очерк Гродненской губернии в военно-политическом отношении за первые сто лет ее существования (1802—1902)”, подписанную: “Многоуважаемому Юзефу Иодковскому на добрую память от В.С. Манасеина 11 апр. 1907”¹¹. Историческая тематика подаренных книг указывает на направленность интересов юного Юзефа.

Рост национального самосознания католика Ю. Иодковского подтолкнул его к изучению польской истории и литературы на занятиях, проводимых Элизой Ожешко (1841—1910). Юзеф ближе познакомился с известной писательницей, и она разрешала ему пользоваться своей библиотекой. А во время летних каникул послала Ю. Иодковского с рекомендательными письмами в Варшаву, где он познакомился с Сигизмундом Глогером, Эразмом Маевским, Шимоном Аскенази, Александром Краусхара и другими знаменитостями¹². Под влиянием встреч с ними у Юзефа повысился интерес к изучению истории, появились первые его краеведческие заметки, напечатанные в газетах.

Вскоре Ю. Иодковский переехал в Варшаву, где совмещал учебу в последнем классе гимназии с рабо-

той в археологическом музее, участвовал в раскопках в Бережанах, Лишкове, Дрогичине, Цидовичах, Гоже. Большинство найденных в данных местах предметов становятся экспонатами Варшавского археологического музея¹³. Окончив гимназию, по совету старших товарищей (Фердинанда Рушица, Вандалина Шукевича и Вацлава Студницкого) Юзеф переехал в Москву для дальнейшей учебы.

Поступил Ю. Иодковский в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) — высшее учебное заведение с общеобразовательным, художественным и архитектурным отделениями. Курс обучения составлял пять лет на общеобразовательном отделении, восемь лет — для живописцев и скульпторов, десять лет — для архитекторов¹⁴. Он выбрал архитектурное отделение, о чем свидетельствует надпись на одном из его учебников: “Студ.-архитекторъ Ю. Иодковский”.

Известно, что архитекторов в Москве готовили только в МУЖВЗ. В собрании краеведа Феликса Ворошильского имеется фотография Юзефа, одетого в мундир студента этого училища.

Обучение на архитектора длилось недолго. Трудно сказать, что взяло верх: любовь к истории и археологии или сложное материальное положение, но в 1909 г. Ю. Иодковский бросил учебу в МУЖВЗ и поступил вольнослушателем в Московский археологический институт.

Чтобы понять, какое образование он получил, проанализируем Положения о Московском археологическом институте¹⁵:

“§ 1. Московский археологический институт, учреждаемый на частные средства, есть высшее учебное заведение, состоящее в ведомстве Министерства народного просвещения и имеющее целью научную разработку археологии, археографии и русской истории с ее вспомогательными дисциплинами, а равно и подготовку специалистов для должностей в архивах, музеях и библиотеках правительственных, общественных и частных.

§ 2. В действительные слушатели Института принимаются лица обоего пола, окончившие курс наук в высших учебных заведениях. Лица же, не получившие высшего образования, допускаются в Институт, по усмотрению его Совета, лишь в качестве вольнослушателей.

§ 3. Действительные слушатели, окончившие успешно курс в Институте, получают, по защите диссертации, звание ученого археолога или ученого архитектора и зачисляются в действительные члены Института. Лица же, не защитившие диссертации, получают звание окончившего курс Института, с зачислением в его члены-сотрудники.

§ 4. Вольнослушатели, прошедшие полный курс, хорошо выдержавшие устные испытания и защитив-

⁹ Речь у могилы, произнесенная доктором К. Белецким // В.Н. Черепица. Гродненский Православный некрополь (с древнейших времен до наших дней). — Гродно: ГрГУ, 2001. С. 91—92.

¹⁰ УК ГИИМ—КП № 25359.

¹¹ УК ГИИМ—КП № 25691.

¹² Śnieżko, A., Wydobyt z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 19.

¹³ См. там же. С. 24.

¹⁴ Дмитриева, Н.А. Московское училище живописи, ваяния и зодчества / Н.А. Дмитриева. — М.: Искусство, 1951.

¹⁵ ПСЗ. Т. 27. № 28844. Собрание узаконений. 1907. 20 февраля. Отд. I. С. 414.

Ю. Иодковский в мундире студента Московского археологического института и нагрудный знак для окончивших курс, членов-сотрудников, действительных и почетных членов института. 1912 г.

шие диссертацию, получают звание окончившего курс Института с зачислением в его члены-сотрудники, или только звание окончившего курс Института, если не защитят диссертации. Если же вольнослушатель обнаружит отличные познания на устных испытаниях в Институте и успешно защитит диссертацию, совет Института может присудить ему звание ученого археолога или ученого архивиста и зачислить в действительные члены Института.

§ 5. Курс обучения в Институте трехлетний, причем третий год должен быть посвящен учащимися практическим занятиям по одному из преподаваемых в Институте предметов, написанию диссертации и защите ее пред советом.

§ 7. Институт состоит из двух отделений: археологического и археографического (архивного).

§ 8. В Институте преподаются: 1) первобытная археология; 2) христианская археология; 3) бытовые древности; 4) всеобщая история искусства; 5) история русского искусства; 6) история русской архитектуры; 7) нумизматика; 8) сфрагистика; 9) музееведение; 10) архивоведение; 11) библиотековедение; 12) греческая палеография; 13) славянорусская палеография; 14) эпиграфика; 15) дипломатика; 16) метрология и хронология; 17) геральдика; 18) генеалогия;

19) русская история (история учреждений и проч.); 20) юридические древности; 21) история русской литературы; 22) история русского языка; 23) историческая география; 24) этнография”.

Ю. Иодковский в качестве вольнослушателя прошел полный курс обучения в Московском археологическом институте. На выпускных экзаменах он показал отличные знания и успешно защитил диссертацию, за что Совет института присудил ему звание ученого археолога и зачислил в действительные члены института. Об этом свидетельствует диплом № 83, выданный Юзефу 27 мая 1912 г.¹⁶, и фотография третьего выпуска слушателей Московского археологического института за 1912 г., где Ю. Иодковский — в мундире студента института.

Окончившим курс института, его членам-сотрудникам, действительным и почетным членам предоставлялось право ношения особого нагрудного знака.

Проявившийся у Ю. Иодковского еще в детстве интерес к собиранию древних монет в годы учебы в Институте получил дальнейшее развитие на более высоком уровне. В 1911 г. журнал *Wiadomości Numizmatyczno-Archeologiczne* опубликовал его статью о не описанной ранее разновидности гданьского дуката Стефана Батория, битого в 1578 г.¹⁷. Эту монету Ю. Иодковский увидел в одной из частных коллекций в Москве. Годом позже в том же журнале появилась следующая статья Ю. Иодковского. Он публикует распоряжение короля Жигимонта Вазы от 1606 г. о возобновлении выпуска монет в Великом княжестве Литовском. Этот документ был найден в Министерстве юстиции, где находились акты литовской метрики. На основании информации, что Виленский монетный двор (минца) несколько лет бездействовал, Ю. Иодковский выдвинул предположение, что португал 1604 г. не был отчеканен в Литве¹⁸. Свою выпускную работу — диссертацию он также посвятил проблемам нумизматики: “О литовской гривне в связи с вопросами древнейших денежных единиц в Литве”¹⁹.

В годы учебы в Московском археологическом институте Ю. Иодковский получил хорошую теоретическую подготовку по основам археологии, разным направлениям истории, вспомогательным историческим дисциплинам, музееведению и т. д. Полученные теоретические знания подкрепил практическими навыками, которые он приобрел, работая в качестве лаборанта в археологическом институте. А затем, как специалист, знающий польский язык, инвентаризировал “польские” экспонаты в Румянцевском музее²⁰.

В 1910—1914 гг. Ю. Иодковский был направлен Московским археологическим обществом для археологических исследований и раскопок, изучения архивов, а также осмотра, снятия фотографией, планов и зарисовок с древних церквей и других памятников на территории Витебской, Гродненской²¹ и Минской гу-

¹⁶ Śniezko, A. *Wydobyl z ziemi gród, o którym nikt nie wiedzial. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 25*

¹⁷ Jodkowski, J. *Dukat gdański Stefana Batoriego z 1578 r.* // J. Jodkowski // *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. T. III. — Kraków, 1911.*

¹⁸ Jodkowski, J. *Z dziejów mennicy wilenskiej* // J. Jodkowski // *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne. T. IV. — Kraków, 1912. S. 55—56.*

¹⁹ Иодковский, Ю. *О литовской гривне в связи с вопросом о древнейших денежных единицах в Литве: диссертация* / И.И. Иодковский; Московский археологический институт. — М., 1912 // Государственный исторический музей. Отдел письменных источников. Фонд личного происхождения.

²⁰ Śniezko, A. *Wydobyl z ziemi gród, o którym nikt nie wiedzial. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 25—29.*

²¹ ГУ НИА в Гродно. Ф. 301, оп. 1, д. 5, л. 56. *Документы о порядке охраны линий полевого телеграфа... (циркуляры, приказы, постановления и др.) 07.01. — 25.12.1914. — 247 л.*

В годы учебы в Московском археологическом институте Ю. Иодковский полученные теоретические знания подкрепил практическими навыками, работая в качестве лаборанта.

берний. Его работа по сохранению древних памятников описана в воспоминаниях А. Снежко. В годы Первой мировой войны Ю. Иодковский работал санитаром в военном госпитале, изредка выезжал на фронт. О жизни Юзефа в этот период можно узнать из его переписки с археологом Вандалином Шукевичем²².

Окончилась война. Ю. Иодковский демобилизовался и в 1919 г. снова оказался в Гродно. Его назначили ответственным секретарем Комиссии опеки над памятниками истории и культуры по Гродно и Гродненскому повету. Это был польский аналог довоенного историко-археологического комитета, в то время такая же комиссия действовала в Варшаве. Уже на втором заседании комиссии Ю. Иодковский поднял вопрос о создании в Гродно музея и размещении его в Старом замке. Его планы прервала советско-польская война.

По окончании боевых действий Ю. Иодковский вернулся в Гродно и всецело посвятил себя работе, которую любил и хорошо знал: сбору и охране памятников национальной истории и культуры, созданию исторического музея в родном городе. Пришлось вновь разыскивать и собирать разворованное за годы войны. Чтобы привлечь внимание общественности к деятельности по охране памятников истории и культуры, получить денежные пожертвования, столь необходимые для создания музея, Ю. Иодковский решил сыграть на национально-патриотических чувствах. Он подготовил выставку из того, что удалось собрать, и через местную газету обратился к жителям Гродно с просьбой принять участие в этой выставке, показать хранящиеся дома памятники польской истории и культуры. Выставка *Pamiętki krajowe i Starego Grodna* открылась 18 сентября 1921 г. Среди множества пред-

ставленных экспонатов были предметы нумизматики: 294 польские серебряные монеты, переданные Л. Розембломом из Уснара-Макаровцов, а также пястовские монеты X—XI вв. и 100 золотых с 1830 г., предоставленные Л. Вильконским. Ю. Иодковский выставил свою коллекцию банкнот времен Т. Костюшко, герцогства Варшавского и Королевства Польского (конец XVIII — начало XIX в.)²³.

На открытии выставки Ю. Иодковский благодарил всех за проявленный патриотизм, заботу о польской культуре на восточных землях, призывал к созданию музея. Выставку посетили руководитель польского государства Юзеф Пилсудский, генералы Эдвард Рызд-Смиглы и Франковский, а также С. Попелавский, воевода белостоцкий, которые пожертвовали значительную сумму денег и обещали поддержку.

В июне 1922 г. было принято решение о создании музея в Гродно во временном помещении: несколько комнат в здании поветового староства (ул. Э. Ожешко, 3). Собранные для уже упомянутой выставки экспонаты стали основой нового музея. В августе 1922 г. директором вновь созданного музея назначили Ю. Иодковского, который при поддержке общественности за несколько месяцев сумел провести ремонт помещения, изготовить мебель для экспонирования собранной коллекции и создать первую экспозицию исторического музея. Торжественное открытие и освещение помещения музея состоялось 9 декабря 1922 г. с участием руководства департамента искусства, представителей местного управления и общественности города. Освящение помещения музея произвел ксендз А. Курилович²⁴.

Несколько лет понадобилось Ю. Иодковскому, чтобы “выбить” под музей часть помещений Старого замка, провести там ремонт и создать новую музейную экспозицию. Много времени отнимало участие в деятельности Замкового кураториума, созданного для проведения работ по укреплению откосов Замковой горы, строительству набережной и созданию нового красивого бульвара у подножия горы. Одновременно он проводил археологические раскопки, писал научные статьи и книги (опубликовал их в то время более сотни), участвовал с научными рефератами в съездах польских музеологов, активно собирал и изучал разнообразные памятники истории и культуры.

За большой трудовой вклад в 1930 г. Ю. Иодковского наградили серебряным Крестом заслуги.

Незаменимым помощником Юзефа Иодковского в те дни стал Нестер Ефимович Улейчик — столяр-краснодеревщик, который по чертежам Ю. Иодковского сделал всю необходимую мебель для музея: витрины для экспонатов, библиотечные шкафы, в том числе для хранения монет, кресла, лестницы, двери и многое иное. Даже сейчас эта мебель продолжает служить музею. Штат музея в те годы состоял всего из трех человек: директора Ю. Иодковского, столяра Н. Улейчика и сторожа.

²² Blombergowa, Maria Magdalena. *Wojenne Losy Józefa Jodkowskiego w świetle listów do Wandalina Szukiewicza w latach 1914—1915, 1992*. T. 37. S. 1—2. S. 41—55 — “Archeologia Polski” tom specjalny ku czci prof. Wielowiejskiego.

²³ Jodkowski, J. *Dary i depozyty muzeum w Grodnie* / J. Jodkowski // *Muzeum w Grodnie. Zarys dziejów powstania i rozwoju. 1920—1922*. — Grodno: Rycerz niepokalanej, 1923. S. 31—36.

²⁴ Jodkowski, J. *Powstanie i rozwój Muzeum w Grodnie (1920—1922)* / J. Jodkowski // *Muzeum w Grodnie. Zarys dziejów powstania i rozwoju. 1920—1922*. — Grodno: Rycerz niepokalanej, 1923. S. 5—25.

Создание музейных коллекций стало для Ю. Иодковского важнейшим делом его жизни. Как опытный специалист музейного дела он разработал концепцию создания исторического музея в Гродно в соответствии с общепринятыми нормами того времени, предусматривающими наличие в собрании музея следующих тематических коллекций:

- живопись, скульптура и художественные изделия старых мастеров;
- предметы польской истории и культуры на Гродненщине, в том числе культовые памятники, старинное оружие и многое др.;
- предметы археологии, в том числе древнее стекло, керамика, нумизматика и сфрагистика;
- предметы народного творчества, этнография и современное искусство этого региона;
- коллекция предметов, связанных с жизнью известных людей Гродненщины (Э. Ожешко и др.);
- архив (документы XVI — XVIII вв.) и музейная библиотека (книги конца XV — начала XX в.).

При музее были созданы инвентаризационно-реставрационная матерская и фотолаборатория.

С первых дней существования музея старинные монеты, медали, пломбы, печати, банкноты, то есть все то, что в музеях традиционно относят к нумизматике, занимало важное место в собрании музея. Основной нумизматической коллекцией музея стали монеты, медали, подаренные общественностью Гродно и жителями других регионов страны. Гордостью нумизматического собрания были: римские античные монеты, очень редкие денарии и брактеаты X—XI вв. первых Пястов: Болеслава I Храброго (992—1025), Владислава I Германа (1081—1102), Болеслава III Криворотого (1107—1138), Болеслава IV Кучерявого (1146—1173) и многих других польских князей и королей²⁵.

Редкие монеты поступали в музей преимущественно в виде депозита или путем закупок, значительно пополняли коллекцию монеты, найденные в кладах. Для их получения приходилось срочно выезжать на место находки, вести обширную переписку с представителями местного самоуправления.

Благодаря очень активной работе Ю. Иодковского за короткое время в музее удалось значительно увеличить и впоследствии комплектовать самую большую нумизматическую коллекцию на территории северовосточных воеводств предвоенной Польши. О новых поступлениях в нумизматическую коллекцию музея Ю. Иодковский регулярно писал статьи в специализированные журналы.

В 1931—1932 гг. Ю. Иодковский опубликовал статью о кладе серебряных гривен²⁶. Из этого клада он купил для Гродненского музея 10 древнелитовских гривен-слитков XIII—XIV вв. К статье прилагалось фото стенда с гривнами из экспозиции музея с указанием веса каждой гривны. В этом же томе журнала *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne* была напечатана статья Ю. Иодковского *Skarby monet*

Стенд с гривнами из экспозиции Гродненского исторического музея с указанием веса каждой гривны (1930-е гг.).

znalezione na terenie województw półn.-wschodnich w latach 1928—1930, где он описывает отдельные монеты и клады, поступившие в фонды музея. Подробно описывались клады, найденные в с. Щенец Гродненского повета (состоял из 294 тымфов и шестаков второй половины XVII — начала XVIII в.) и в с. Коволевцы Белостокского повета (содержал более 1500 медных солидов-боратинок).

В 1935 г. *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne* публикуют описание клада из Рацево Белостокского повета, поступившего в Гродненский музей²⁷.

До 1939 г. в музее хранилось более 15 000 монет²⁸. С приходом советской власти музейное собрание не только не уменьшилось, но и значительно пополнилось за счет предметов, поступивших из национализированных имений. К сожалению, польская нумизматическая коллекция не сохранилась до наших дней, она пропала из музея в 1941—1946 гг. вместе с инвентарной книгой.

В 1928 г. в Старом замке начали размещать новую музейную экспозицию. Тогда же по инициативе Ю. Иодковского активизировались работы по укреплению откосов Замковой горы и освобождению древних стен от напора земли. Но отсутствие денег приводило к длительным перерывам.

В ходе возобновленных поздней осенью 1931 г. работ были раскрыты не известные до этого времени средневековые постройки из дерева, камня и кирпича: княжеский “терем” и руины каменного храма XII в., а также остатки деревянных жилых построек и мостовой. При раскопках обнаружили фрагменты керамики, разноцветной майоликовой плитки, кирпича с нанесенными знаками, керамических “голосников”, а также металлические наконечники стрел, стеклянные бусинки и многое другое.

²⁵ УК ГИИМ — КП № 10216/1-10; 10235/1-16.

²⁶ Jodkowski, J. *Sztabki srebrne z Rybiszek pod Wilnem* / J. Jodkowski // *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*. T. XIV. Rocznik 1931—1932. — Kraków, 1933. S. 1—9.

²⁷ Jodkowski, J. *Wykopalisko monet z Racewo* / J. Jodkowski // *Wiadomości numizmatyczno-archeologiczne*. T. XVI. Rocznik 1934. — Kraków, 1935. S. 107—109.

²⁸ НМУ ГАОО Гродненской области. Ф. 6195, он. 1, л. 25. АКТ от 17.06.1940.

Укрепление откосов Замковой горы
и освобождение древних стен от напора земли.
Гродно, 1930-е гг.

Ю. Иодковский принимал непосредственное участие в проводимых раскопках, собирал и описывал старинные предметы, фотографировал найденное. В фондах музея хранится его научный отчет и 68 негативов.

Уникальное археологическое открытие на Замковой горе было сделано в преддверии уже упомянутого празднования 400-летия со дня рождения Стефана Батория. По замыслу организаторов торжества Старый королевский замок в Гродно должен был стать резиденцией главы государства и одновременно хранилищем памятников истории и культуры края, а вместе с комплексом обнаруженных древних реликвий национального значения исполнять роль «наднеманского Вавеля»²⁹.

В ходе этих торжеств была дана высокая оценка деятельности Ю. Иодковского. О таком успехе многие археологи даже не мечтали. Искренне за него радовались друзья, но появилось очень много завистливых недоброжелателей, и фортуна отвернулась от него.

Все чаще в музее стали появляться варшавские археологи, которых раньше здесь никто не видел: смотрели, проверяли, критиковали. В 1934 г. особая комиссия рассмотрела результаты раскопок на Замковой горе и отстранила Ю. Иодковского от их продолжения. Его обвинили в проведении раскопок по давно устаревшей методике, не имеющей научной ценности, в результате чего все найденные им предметы частично утратили свою научную ценность. Руководителем археологических работ был назначен Здислав Дурчевский — ассистент Археологического музея в Варшаве³⁰.

В 1935 г. Юзеф Иодковский провел новые раскопки около Коложской церкви и внутри ее, затем результаты опубликовал в своей книге³¹. Эти раскопки и книга вызвали серьезный конфликт между Ю. Иод-

ковским и варшавскими археологами, после чего он вынужден был уйти из музея и покинуть Гродно.

Перед отъездом из Гродно уже немолодой Юзеф Иодковский женился на юной Галине Бобровской (Halina Bobrowska) — дочери Игнация и Софьи Бобровских³². Их венчание прошло в Вильно в Остробрамской каплице. Молодоженов обвенчал школьный приятель Ю. Иодковского ксендз Владислав Толочко (Władysław Tołoczek).

С семьей Ю. Иодковский переехал в Варшаву, нашел новую работу — в Państwowym Zbiorach Sztuki na Zamku, где занялся изучением польской нумизматики, публиковал на данную тему статьи, заметки и рецензии.

В начале войны Ю. Иодковский потерял работу. Какое-то время средствами к существованию были продажа личных вещей и небольшое пособие, которое Юзеф получал как бывший научный работник. Вскоре жизнь в Варшаве стала постепенно оживать, активизировался антикварный рынок, и Ю. Иодковский принял на работу заведующим антикварным отделом в фирме «Современный интерьер», располагавшейся по ул. Мокотовской, 53. Здесь он руководил производством художественной детской игрушки и реставрацией старинной мебели. Получая приличное вознаграждение, он одновременно сотрудничал с Национальным музеем (Muzeum Narodowy) (в то время городским), где совместно с его работниками спасал ценнейшие экспонаты от вывоза их в Германию. В свободное время Ю. Иодковский составлял каталог всех польских монет, битых в золоте.

В эти годы в семье Иодковских родилась дочь Эльжбета-Софья (Elżbieta-Zofia). Первое имя было дано ребенку в честь Э. Ожешко, а второе — в честь матери Юзефа и его жены.

К концу периода оккупации появились новые проблемы. Ю. Иодковский с семьей был вынужден переехать в не приспособленную для жилья, плохо отапливаемую квартиру. Ухудшилось снабжение продуктами питания, выросли цены, сократились доходы. Вновь обострились его старые болезни. К тому же заметно ухудшились отношения в семье. Угнетенный болезнью и катастрофическим финансовым положением, Ю. Иодковский с трудом пережил Варшавское восстание 1944 г. Вместе с семьей 7 октября 1944 г. он прибыл в пересыльный лагерь в Прушкове, где похоронил новорожденного сына³³. Оттуда вместе с женой и дочерью выехал в Краков. Много болел, выписался из больницы в мае 1945 г.

Самый близкий Юзефу человек, жена, бросила его в апреле 1945 г. и вместе с дочерью переехала в Варшаву, где вскоре стала жить со Збигневом Вольским (Zbigniew Wolski), который был младше ее на одиннадцать лет. В 1947 г. они поженились. Предварительно (09.11.1947) суд расторг брак Галины с Ю. Иодковским³⁴.

²⁹ Jodkowski, J. *Wawel Nadniemeński* / J. Jodkowski // *W rocznicę 1533, 1918, 1933. — Grodno: oddział związku strzeleckiego, 1933. S. 12—13*

³⁰ Śnieżko, A. *Wydobył z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 42.*

³¹ Jodkowski, J. *Świątynia warowna na Kolozy w Grodnie w świetle badań archiwalnych i archeologicznych dokonanych w 1935* / J. Jodkowski // *Prace i Sprawozdania Muzeum w Grodnie. Nr 1. — Grodno, 1936. — 70 s.*

³² Śnieżko, A. *Wydobył z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 43.*

³³ Śnieżko, A. *Wydobył z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 47.*

³⁴ *См. там же. С. 47.*

Выйдя из больницы, Ю. Иодковский уехал в Лодзь — центр хозяйственной и культурной жизни Польши того времени. Но уже в июле 1945 г. переехал в Варшаву. Начал работать хранителем отдела польской нумизматики в Muzeum Narodowy, в котором его приняли очень радушно, предоставили жилье.

Последние годы своей жизни Ю. Иодковский почти полностью посвятил польской нумизматике. Еще в предвоенные годы он запланировал создать фундаментальный труд — каталог польских монет, битых в золоте, в котором бы были подробно описаны все известные польские золотые монеты с указанием ссылок на литературу и места их хранения. Во время войны Юзеф Иодковский, как уже упоминалось, работал над этим каталогом: сделал дополнительно две копии рукописи и отослал знакомым нумизматам, надеясь, что хоть одна из них переживет войну. К сожалению, ни одна рукопись не сохранилась, а на их восстановление уже не было ни сил, ни времени³⁵.

Еще перед началом Второй мировой войны Ю. Иодковский подготовил объемную работу — «Польская нумизматика», которая предназначалась для учителей старших классов. Рукопись пропала во время Варшавского восстания. Позже Ю. Иодковский восстановил ее и использовал этот материал на своих занятиях, которые проводил в Варшавском университете для слушателей кружка любителей искусства. Пробовал Ю. Иодковский также издать его в виде каталога или путеводителя, но отсутствие бумаги перенесло время издания на более поздний срок.

Как уже было сказано, летом 1945 г. Ю. Иодковский занимался восстановлением нумизматического кабинета Национального музея (Gabinetu Numizmatycznego Muzeum Narodowego), доставшегося ему в весьма плачевном состоянии. Еще в 1939 г. немцы вывезли все ценное в Германию. Остальное пропало в годы оккупации и во время Варшавского восстания. У музейной коллекции сфрагистики была аналогичная судьба.

С большим энтузиазмом взялся Ю. Иодковский за упорядочение уцелевшего собрания и регистрацию вновь поступающей нумизматики, собранной на западных и северных землях. Он был незаменимым специалистом по эпохе средневековья, а также по литовско-польским монетам. Ему приходилось работать с утра до поздней ночи, чаще без чьей-либо помощи, не ради денег, а из любви к своему делу. Ю. Иодковский сам занимался чисткой и консервацией поступающего материала: в то время в музее не было ни специалистов, ни денег на их оплату.

Несмотря на загруженность профессиональной и научной работой, частые обострения болезни, Ю. Иодковский находил время на участие в делах Варшавского нумизматического общества, которое постепенно стало возрождаться. Уже в 1946 г. были предприняты первые попытки реанимировать общество, но

Раскопки внутри Коложской церкви.
Гродно, 1935 г.

только осенью 1947 г. возобновилась его предвоенная деятельность. На первом собрании председателем общества единогласно был избран Ю. Иодковский, исполнявший обязанности до своей смерти³⁶.

По инициативе Ю. Иодковского было принято решение издавать ежемесячный журнал *Komunikaty Warszawskiego Towarzystwa Numizmatycznego* для членов Варшавского нумизматического общества. Его первый номер появился 10 августа 1948 г. Удалось выпустить десять номеров этого журнала, после чего, по причине смерти Ю. Иодковского, журнал больше не выходил.

Ю. Иодковский умер 2 января 1950 г., прожив 59 лет. Его похоронили на кладбище Powązki. Он ушел из жизни, но остались его дела: основанный им Гродненский государственный историко-археологический музей, возрожденная нумизматическая коллекция в Национальном музее в Варшаве, его публикации по истории, нумизматике, краеведению и культуре Гродненщины, Белостотчины и Брестчины (более 150).

20 декабря 2010 г. исполняется 120 лет со дня рождения Ю. Иодковского, который сделал все, что было в его силах, для сохранения историко-культурного наследия. А все ли сделано для сохранения памяти о нем? К сожалению, нет. Именем Ю. Иодковского можно было бы назвать одну из улиц Гродно, например набережную вдоль Замковой горы (в настоящее время — ул. Спортивная), созданную при его активном участии в 1928—1929 гг. Пришло также время установить памятную мемориальную доску на стене Старого королевского замка, спасенного и восстановленного Ю. Иодковским, где в знак благодарности можно было бы возлагать цветы. Это еще можно успеть сделать, чтобы не пропустить очередную круглую дату в биографии Юзефа Иодковского.

³⁵ Śnieżko, A. *Wydobył z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 52—53.*

³⁶ Śnieżko, A. *Wydobył z ziemi gród, o którym nikt nie wiedział. Wspomnienie o Józefie Jodkowskim, Białystok, 2000. S. 53.*

Музей денег Национального банка Украины: из опыта формирования коллекции

Алла ГУЛЯЙ

Главный эксперт
Музея денег
Национального банка
Украины,
кандидат
исторических наук

Музей денег Национального банка Украины (далее — Музей) был создан на базе Музея истории Республиканской конторы Госбанка СССР, который работал с 1986 г. и представлял в основном материалы, раскрывающие ее деятельность, роль в политической и социально-экономической жизни советской Украины. В связи с этим с первых дней работы обновленного Музея, официальное открытие которого состоялось 24 марта 2004 г., главной его задачей было формирование нумизматической и бонистической коллекций для всестороннего отражения истории денежного обращения на украинских землях с древних времен.

Как свидетельствуют инвентарные книги, музейные фонды активно комплектовались уже с начала 80-х гг. прошлого века и в основном за счет экспедиций по сбору материалов, пожертвований сотрудников Госбанка и коллекционеров. Часть экспонатов поступила из обменного фонда Киевского Государственного исторического музея УССР (ныне — Национальный музей истории Украины). Именно тогда была сформирована бонистическая коллекция, которая в 1986 г. стала базовой для Музея истории Республиканской конторы Госбанка СССР. Значительную помощь в ее комплектовании оказал Петр Рябченко — известный коллекционер, автор многих каталогов по бонистике.

В мае 1999 г. постановлением Правления Национального банка Украины № 222 “О работе Музея денег” были утверждены положения о Музее денег и фондово-закупочной комиссии. Последнее определяло основные источники комплектования фондов предметами музейного значения:

- приобретение экспонатов в различных учреждениях, организациях, у частных лиц, на аукционах, в комиссионных магазинах и т. д.;
- поступления в музей после экспедиций и командировок с целью комплектации фондов;
- дарение музею от предприятий, учреждений, организаций или физических лиц;
- приобретение на специализированных рынках;
- передача Государственной сокровищницей, таможней и правозащитными органами.

Этим же постановлением предписывалось “передать Музею денег по 2 экземпляра монет из выпускаемых в обращение Национальным банком, 2 экземпляра банкнот национальной валюты нового дизайна, а также 2 экземпляра памятных, юбилейных и инвестиционных монет и медалей, заказчиком которых является Национальный банк”.

В вопросах формирования, пополнения, совершенствования музейной коллекции предусматривалось тесное сотрудничество со структурными подразделениями Национального банка, его территориальными управлениями, другими банками Украины, а также с нумизматическими обществами, коллекционерами.

Начиная с 1999 г., во исполнение соответствующих документов Министерства финансов и Национального банка Украины, в Музей передаются также изъятые из обращения иностранные банкноты 1-й, 2-й и 3-й групп по Классификатору, которые не подлежат обмену в стране-эмитенте.

Как показало время, из всех возможных источников комплектования фондов реальными и доступными для Музея денег оказались поступления из Сокровищницы и закупка предметов музейного значения у коллекционеров-нумизматов, бонистов и других лиц. Для этих целей в смете Национального банка Украины предусмотрены расходы по определенной статье. За период 1999—2009 гг. таким способом было приобретено большинство экспонатов, пополнивших музейную коллекцию. На сегодняшний день она насчитывает 11 тысяч единиц, из которых почти 4 тысячи составляют предметы нумизматики и более 2 тысяч — бонистики.

Широко представлены монеты греческих полисов Северного Причерноморья VII в. до н.э. — III в. н.э. и Римской империи I — III вв. н.э. Всесторонне отражена эпоха средневековья, которую иллюстрируют мо-

неты Византии VII — XII вв., куфические дирхемы Арабского халифата VIII — XI вв., пражские гроши, монеты киевской и львовской чеканки XIV — XV вв. Привлекает к себе внимание интересная подборка талеров, обращавшихся на денежном рынке Украины в XVI — XVIII вв. Особой гордостью коллекции является шраубталер XVII в. с яркими вкладышами — цветными рисунками на слюде и шелке. Период освободительной борьбы украинцев 1917—1920 гг. представляет национальная валюта тех лет: карбованцы, гривны, шаги, которые выпускались Центральной радой, правительствами гетмана Павла Скоропадского и Директории. О денежном обращении советского периода рассказывает подборка денег от первых расчетных знаков 1919 г. до банкнот, выпущенных в ходе проведения денежной реформы Павлова 1991 г.

Кроме современных государственных денежных знаков в нашей экспозиции представлена полная коллекция памятных и юбилейных монет независимой Украины, выпуск которых начался с 1995 г. Так, Музей осуществляет популяризацию современного банкнотного и монетного производства Национального банка Украины.

Благодаря активному участию в Международном конгрессе музеев денег, состоявшемся в Мадриде в октябре 1999 г., налаженным в ходе конгресса контактам и дальнейшему сотрудничеству с музеями центральных банков других стран музейные фонды за период 1999—2000 гг. пополнились многочисленными образцами мировых валют. Эта коллекция на сегодняшний день составляет весьма познавательный для посетителей эксклюзивный раздел экспозиции.

В планах сотрудников Музея — представить отдельным разделом образцы банкнот национальной валюты с дефектами производителя, которые были переданы в 2009 г. из Центрального хранилища Национального банка Украины специальным распоряжением на ответственное хранение в музейные фонды.

Возвращаясь к закупкам как основному источнику формирования коллекции, следует отметить, что за годы существования Музея денег сформировался определенный круг специалистов, с которыми мы постоянно сотрудничаем, проводим консультации. Это известные нумизматы, бонисты, эксперты в области антиквариата — Владлен Анохин, Петр Рябченко, Константин Хромов, Дмитрий Харитонов, Юрий Покрасс, Вячеслав Дубовик и другие. Они знают о наших проблемах и оказывают всяческую помощь в приобретении материалов, необходимых для заполнения тематических пробелов.

Весомый вклад в формирование коллекции монет Северного Причерноморья VII в. до н.э. — III в. н.э. внес Анохин Владлен Афанасьевич — известный ученый, специалист по античной нумизматике. При его содействии Музей приобрел в 2007 г. интересную подборку свинцовых пломб (60 единиц), иллюстрирующих так называемый “безмонетный период” XII — XIV вв. в истории денежного обращения Украины. По мнению многих исследователей, пломбы использовались не только для клеймения связок распространенных тогда в Восточной Европе суррогатных меховых и кожаных денег. Их применяли для пломбирования тюков с товарами, а также в качестве актовых печатей, что позволяет говорить о полифункциональности этих предметов.

*Экспозиция Музея денег
Национального банка Украины.*

Как известно, в советское время находки пломб были весьма немногочисленны. Методика проведения археологических раскопок в то время не позволяла фиксировать такие мелкие артефакты, поэтому даже ведущие украинские музеи не имеют в своих запасах подобных предметов. С развитием “черной” археологии и применением металлоискателей в последние годы частные коллекции пополнились значительным количеством свинцовых пломб, найденных на территории Украины. Однако они еще недостаточно изучены, не классифицированы, не атрибутированы и являются весьма перспективным материалом для исследователей. Свинцовые пломбы с изображениями святых, различных княжеских знаков, букв кириллического и латинского алфавитов являются гордостью музейной экспозиции и вызывают у посетителей неизменный интерес.

Благодаря сотрудничеству с известным нумизматом, совладельцем Интернет-аукциона “Дукат” Вячеславом Дубовиком Музей значительно пополнил свою коллекцию римскими монетами II—III вв., западноевропейскими XIV—XV вв., рядом монет Российской империи. В комплектовании подборки монет Арабского Халифата, Золотой Орды и Крымского ханства большую помощь оказал Константин Хромов — специалист в области восточной нумизматики.

Значительным источником поступлений в музейные фонды на сегодняшний день являются также представительские подарки, за их счет пополняется и обновляется, в частности, раздел экспозиции с образцами современных мировых валют.

В Музее денег довольно часто проходят телевизионные съемки, журналисты готовят на основе музейных материалов сюжеты, посвященные истории становления гривны, деятельности Национального банка и Банкнотно-монетного двора, различным выпускам памятных и юбилейных монет. Телепередачи являются своеобразной рекламой Музея, и после эфира к нам часто обращаются зрители, предлагая закупить предметы нумизматики, бонистики и другие материалы. Так появились в нашей коллекции дукаты XVII в., ряд монет Российской империи, дефектные и фальшивые банкноты Украинской Народной Республики 1917—1918 гг., копилка конца XIX — начала XX в.

Экспозиция Музея денег
Национального банка Украины.

С целью активизации процесса комплектования фондов мы разместили на Интернет-сайте Национального банка Украины соответствующее объявление. Но, к сожалению, ожидаемого результата пока не получили. В этой связи хотелось бы отметить сложности, с которыми сталкивается Музей в ходе формирования коллекции.

В первую очередь это невозможность прямых закупок за наличные деньги. В то же время процесс оформления купли-продажи предметов музейного значения по безналичному расчету довольно длительный, что не всегда устраивает потенциального продавца.

Определенные трудности испытывает Музей в деле комплектования материалов и по некоторым другим позициям. Это касается, в частности, российских монет XVII — XVIII вв. и банкнот XVIII — XIX вв., что объясняется неослабевающим интересом россиян к собственной истории и стабильно высокими ценами на украинском рынке.

Сложности подстерегают также непосредственно в процессе закупки, предусматривающей всестороннее изучение приобретаемых предметов. Последнее включает в себя подтверждение их подлинности, для монет — обязательную экспертизу металла в Центральном казенном предприятии пробирного контроля и, как результат, подготовку экспертного заключения с обоснованием исторической ценности материалов, необходимости закупки, а также приемлемости цены исходя из аукционных каталогов.

Как показывает опыт, сегодня крайне осторожно следует подходить к вопросу установления оригинальности закупаемых предметов. Современные технологии достигли столь высокого уровня, что нынешним «новоиспеченным мастерам» совсем не трудно изготовить древнерусский златник, сребреник и другие особо востребованные монеты. То же самое можно сказать и о бумажных деньгах. В связи с этим при появлении малейших сомнений необходимы консультации с экспертами со стороны. Так, к примеру, Музею недавно предлагали на закупку сребреник Владимира довольно хорошей сохранности и по цене, существенно ниже рыночной. Проведенные со специалистами

консультации подтвердили наши подозрения — монета оказалась современной фальшивкой. Подобная история произошла с серебряным ножом для разрезания бумаги, якобы изготовленным 1-й Киевской артелью в начале XX в. Нож прекрасно вписывался в обстановку рабочего уголка старого банка, но, к большому нашему сожалению, тоже оказался весьма искусной подделкой. На сегодняшний день подделывается все — от мебели, картин, икон до монет, когда практически воспроизводится вся технология их изготовления. И весьма слабым утешением может служить тот факт, что технологии определения подлинности предмета с каждым годом совершенствуются, поскольку производители фальшивой «старины» всегда идут на шаг впереди.

Можно говорить еще о многих проблемах, с которыми сталкивается Музей в процессе формирования коллекции, но музейная деятельность, как известно, не ограничивается комплектованием фондов. Первоочередная задача Музея — представить собранные материалы в экспозиции, чтобы максимально заинтересовать посетителя, донести до него историческую правду.

Оформление музейной экспозиции — сложный и чрезвычайно интересный процесс, требующий творческого подхода и тесного сотрудничества с художниками. С этой задачей Музей денег Национального банка Украины справляется, на наш взгляд, весьма успешно. Для облегчения восприятия материала посетителями в ходе экскурсии предметы нумизматики и бонистики дополняют экспонаты так называемого «второго ряда». Среди них женские украшения, счетные машины, статистические сборники, ценовые таблицы разных лет, сувенирная продукция и т. д. Особо выделяется керамическая посуда, изготовленная современными художниками по образцам античной и средневековой.

Радуют глаз великолепные витражи, иллюстрирующие основные вехи истории денежного обращения на украинских землях — домонетные формы денег эпохи бронзы и трипольской культуры, Киевскую Русь, времена казачества XV — XVIII вв., освободительные войны 1917—1920 гг. и период независимой Украины с 1991 г. В тандеме с экспозиционным рядом Музея витражи составляют предметно и образно выстроенную художественную структуру, они согласованы и взаимосвязаны, поскольку подчинены единственному замыслу.

Музей денег также предоставляет посетителям возможность собственноручно отчеканить металлический жетон с логотипом Национального банка Украины и проверить подлинность современных банкнот на детекторе валют. Кроме того, в зале имеется необходимая аппаратура для просмотра документальных фильмов об истории денежного обращения в нашей стране.

В ближайшем будущем планируется создание еще одного раздела экспозиции, посвященного становлению банковского дела и развитию Национального банка Украины. Накопление материала по данной теме — одно из важнейших направлений деятельности музея.

Музейно-экспозиционный фонд Банка России

Александр БУГРОВ

Кандидат исторических наук

Торжественное открытие Государственного банка, учрежденного по указу Александра II 31 мая 1860 г.¹, состоялось 1 июля того же года. Оно стало заметным событием не только в жизни столичного С.-Петербурга, но и в истории России. Страна входила в сложную эпоху буржуазных преобразований, и создание Государственного банка стало венцом одного из них — финансовой реформы.

Спустя полвека современники высоко оценивали эту реформу. В начале XX в. Государственный банк снискал заслуженную славу главного банка страны, ее “золотого резервуара” (в нем хранился золотой запас Российской империи), учреждения, успешно решавшего непростые задачи, от которых зависело дальнейшее развитие экономики страны.

В 1902 г. было торжественно отмечено 100-летие российских министерств, включая Министерство финансов, в ведении которого находился Государственный банк. Именно тогда возникла идея увековечить финансовую историю страны через создание ведомственного музея, тем более что к тому времени в банке накопились подлинные раритеты. Эти планы представил управляющему банком Э.Д. Плеске Николай Николаевич Казин², работавший бухгалтером в отделе процентных бумаг. Движимый прежде всего интересом к истории учреждения, он предлагал создать музей в одном из помещений³ здания банка, построенного Дж. Кваренги, которое само по себе было памятником архитектуры эпохи Екатерины II.

В своей докладной записке Н.Н. Казин писал: “Большинство учреждений, имеющих широкое общественное значение, по мере своего существования мало-помалу накапливали массу разнородных предметов, представляющих большой интерес для будущих поколений: как для назидания и поучения, так и по воспоминаниям. Для большего удобства и легкости нахождения таковых наиболее существенные из них выделялись и собирались вместе — и таким образом полагалось основание музею данного учреждения”⁴.

К началу XX в. были созданы ведомственные музеи Министерства путей сообщения, почтовый, полицейский, таможенный и другие. По мнению Н.Н. Казина, история Государственного банка и его предшественников — Коммерческого и Заемного банков — нисколько не уступала истории этих ведомств. Поэтому “образование при Государственном банке музея в настоящее время является совершенно своевременным и крайне желательным”⁵. Музей предполагалось сделать доступным не только для чиновников Министерства финансов, но и для широкой публики.

Понимая, что за короткое время создать полноценную музейную экспозицию невозможно, Н.Н. Казин предложил начать эту работу со сбора сохранившихся в банке раритетов. Потенциальными экспонатами музея были портретная галерея управляющих Государственным банком, фотографии и планы зданий банка и его учреждений, книги, написанные его сотрудниками (включая управляющего Ю.Г. Жуковского и директора Н.С. Пеглина), автографы царей, министров финансов и управляющих банком, сохранявшиеся в архиве канцелярии Государственного банка. Кроме того, музею планировалось передать: из библиотеки — собрание ежегодных отчетов банка (“которое служило бы для всевозможных справок о постепенном развитии и деятельности банка”); из отдела процентных бумаг — образцы государственных и частных ценных бумаг; из отдела кредитных билетов — альбомы бумажных денег, ранее бывших в употреблении, фальшивые кредитные билеты, ценные бумаги и купоны. В банке имелось также “собрание разных монет”, в том числе фальшивых⁶.

Сам Н.Н. Казин готов был передать создаваемому музею принадлежавшие лично ему рукописи министров финансов Е.Ф. Канкрин, А.М. Княжевича и

¹ Дата основания Государственного банка здесь приводится по старому стилю (юлианскому календарю), принятому в Российской империи.

² Казин Николай Николаевич (1867—?), бухгалтер первого разряда отделения процентных бумаг (1899—1904), старший бухгалтер того же отделения (с 1904 г.). Работал в Государственном банке с 1887 г. после окончания Коммерческого училища.

³ Предполагалось, что музей будет размещаться на третьем этаже здания, у домово́й церкви.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 42. Оп. 1. Д. 30. Л. 6—6 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же, л. 8—9 об.

Здание Государственного банка в Санкт-Петербурге.

М.Х. Рейтерна, фотографию здания Нижегородского отделения банка, коллекцию старых бумажных денег за период с 1815 г. по 1886 г., несколько книг о Государственном банке, включая “Назначение, устройство и очерк деятельности Государственного банка” Н.С. Петлина (издана в С.-Петербурге в 1892 г.).

Через некоторое время после представления общего проекта создания музея Н.Н. Казин направил Э.Д. Плеске записку о первоначальном комплектовании фондов. Из этого можно сделать вывод, что идея создания собственного музея заинтересовала управляющего Государственным банком. Однако дальнейших шагов по созданию музея не последовало. По-видимому, это было связано с тем, что 16 августа 1903 г. Э.Д. Плеске оставил должность управляющего банком в связи с назначением его на пост министра финансов. Как относился к проекту новый управляющий банком С.И. Тимашев, неизвестно.

По тем или иным причинам свое 50-летие, торжественно отмечавшееся в 1910 г., Государственный банк встретил без собственного музея. Что касается судьбы перечисленных раритетов, то они по-прежнему хранились в архиве и библиотеке банка. Сегодня их часть находится в Российском государственном историческом архиве (в С.-Петербурге), куда после 1917 г. было передано собрание документов Государственного банка Российской империи.

В советское время не признавалась преемственная связь Госбанка СССР с Государственным банком Российской империи, и датой основания главного банка страны считалось 7 октября 1921 г. В рамках подготовки к празднованию 60-летия Госбанка СССР в 1981 г. вопрос о создании музея обсуждался на правлении Российской республиканской конторы банка. Организация музея была включена в список мероприятий к празднованию 60-летия банка, что было оформлено специальным приказом⁷.

Работа по созданию музея началась осенью 1980 г. Рабочее название “Музей боевой и трудовой славы банковских работников РСФСР” позднее стало официальным.

В основу создаваемого музея легли личные архивы ветеранов банка, материалы и экспонаты из территориальных учреждений Российской республиканской конторы. В музей сдавались также подарки конторе (как правило, это были образцы продукции предприятий-клиентов и сувениры).

В территориальные учреждения конторы еще в октябре 1980 г. были разосланы соответствующие письма с Программой подбора сведений и материалов для Музея боевой и трудовой славы банковских работников РСФСР. Особое внимание обращалось на материалы, относящиеся к довоенному периоду и периоду Великой Отечественной войны, а также на сведения о работниках Госбанка, награжденных высокими правительственными наградами (медалью Героя Советского Союза, орденом Ленина или орденами Славы трех степеней) или “особо отличившихся в банковском труде”. Поощрялся и сбор материалов по объектам, построенным на кредиты Госбанка.

Известно, что музей планировалось открыть в октябре 1981 г., однако сохранившиеся документы говорят о том, что он начал работу лишь с 1982 г. (в двух помещениях на 8-м этаже здания Российской республиканской конторы в Москве по ул. Житной, 12). Созданная экспозиция включала фотографии банковских работников, зданий отделений Госбанка СССР, а также счетную технику. В отдельной комнате размещались подарки Российской республиканской конторе.

Музей был рассчитан на гостей Госбанка СССР, в том числе на иностранные делегации. В соответствии с традициями того времени изложение истории банка открывалось стендом с фотографией взятия Зимнего дворца в 1917 г. По всей комнате мозаично располагались черно-белые фотографии, которые рассказывали о становлении и развитии Госбанка СССР. В музее демонстрировались типичные образцы наглядной агитации — “Кредитная система становится орудием укрепления сельского хозяйства” (из директив XV съезда ВКП(б), “Уголок почетного клиента банка — колхозника”. Заботливо сохранялись и другие “срезы времени” — почетные грамоты, диаграммы роста промышленности и сельского хозяйства. Среди интересных экспонатов можно отметить американский комптометр 1928 г. и советскую счетную машину “Феликс” (выпущена курским заводом “Счетмаш” в 1940-е гг.).

С 1991 г. этот музей прекратил свою деятельность. Для представительских целей использовался так называемый Выставочный фонд, созданный при правлении Госбанка СССР в 1987 г. (в те годы он располагался в помещении валютного хранилища Внешторгбанка на втором этаже корпуса “В”, по адресу: ул. Неглинная, 12). В него входили старинные денежные знаки (с конца XVIII в.), памятные монеты и самородки.

Существующий в настоящее время Музейно-экспозиционный фонд Банка России начинает свою историю с 2000 г. До этого времени экспонаты музея были бессистемно сложены в запасниках. К моменту передачи музея в Департамент внешних и общественных связей Банка России в нем значилось по описи 48 альбомов, 42 стенда, 19 книг, 30 фотографий, 34 сувенира, а также документы (в том числе в копиях), бюсты и иные экспонаты — всего 173 единицы хранения.

⁷ См.: приказ Российской республиканской конторы Государственного банка СССР от 16 сентября 1981 г. № 01-81.

В ходе подготовки торжественных мероприятий к 140-летию Государственного банка вновь встал вопрос о создании в Банке России собственной музейной экспозиции. Было получено разрешение руководства Банка России на приобретение части коллекции АвтоВАЗбанка — одного из наиболее крупных частных собраний в России, посвященных финансовой истории страны.

Коллекция была создана в начале 1990-х гг. по инициативе президента банка П.А. Нахмановича. Ее экспонаты закупались на крупнейших антикварных рынках страны, в том числе в Москве и С.-Петербурге.

Покупка Банком России коллекции АвтоВАЗбанка состоялась осенью 2001 г., 1075 экспонатов этой коллекции образовали ядро Музейно-экспозиционного фонда Банка России, который к 2004 г. насчитывал 1301 единицу хранения, включая 1128 экспонатов АвтоВАЗбанка (излишек в 53 экспоната образовался в результате составления новой описи, когда объединенные в одну единицу хранения комплексы документов были разбиты на несколько номеров) и 173 экспоната Музея боевой и трудовой славы банковских работников РСФСР.

Музейно-экспозиционному фонду Банка России из АвтоВАЗбанка было передано 199 старых книг, 12 агитационных плакатов начала XX в., 22 литографии XIX—XX вв., 16 копилочек конца XIX — начала XX в., 185 денежных знаков, 62 акции и пая, 61 облигация, 204 старинных векселя, заемных и вкладных документов, 13 обязательств Государственного казначейства начала XX в., 40 расчетных, сберегательных и чековых документов, 11 товарных карточек 1920—1940-х гг., 77 открыток и почтовых документов начала XX в., 28 лотерейных билетов, 23 документа страхования (включая страховые полисы начала XX в.), 26 документов покладам, а также 96 счетов, квитанций, свидетельств и других документов.

Большая часть экспонатов датируется началом XX в., хотя в коллекции есть и более ранние документы. К уникальным экземплярам относятся книга Н.С. Мордвинова «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (СПб., 1829 г.) с автографом автора, «наполеоновские подделки» ассигнаций (1812 г.), справочные издания периода проведения денежной реформы 1839—1843 гг.

Соединение двух коллекций — Банка России и АвтоВАЗбанка — позволило наметить ориентиры собрания будущего музея и концепцию его пополнения. Прежде всего интересна подборка ценных бумаг (акций, облигаций, паев, свидетельств государственного казначейства) и векселей (всего 340 штук), которая хронологически охватывает период с 1860-х гг. по 1930 г., а также подборка денежных знаков периода с 1790-х гг. по 1991 г. В 2001—2003 гг. в здании Банка России по адресу: ул. Житная, 12 располагалась временная экспозиция, включавшая экспонаты из обеих коллекций.

Приказ «О создании в Банке России музейной экспозиции» (ОД-84) был подписан 20 февраля 2002 г., в этом же году вышло распоряжение «О порядке хранения Музейно-экспозиционного фонда Банка России», а год спустя — оформлена и утверждена инструкция по порядку работы фонда.

Большой выставочный зал экспозиции «Русский рубль: веки истории». Фото 2008 г.

Согласно концепции создания экспозиции Музейно-экспозиционного фонда Банка России были сформированы четыре раздела, освещающие историю государственной кредитной системы России с середины XVIII в. по настоящее время. Первый раздел посвящен развитию кредита и становлению государственной кредитной системы с XI в. по 1860 г.; второй освещал деятельность Государственного банка (1860—1917 гг.), третий — Народного банка, Государственного банка РСФСР и Госбанка СССР (1918—1991 гг.). Четвертый раздел показывает деятельность Банка России на современном этапе.

В ряде крупных музеев (например, в Государственном Историческом музее и Государственном Эрмитаже) также существуют коллекции, отражающие отечественную историю денежных знаков, поэтому перед Музейно-экспозиционным фондом Банка России не ставилась задача комплектования исчерпывающей коллекции монет и банкнот. Для освещения истории денежного обращения достаточно было собрать коллекцию образцов — подлинных денежных знаков различных эпох (X—XX вв.) в хорошем состоянии.

Билет Государственной комиссии погашения долгов, выписанный на имя сыновей В.И. Шелухина. 1847 г.

Главный упор сделан на историю государственных банков в России, поэтому приоритетными экспонатами стали документы с автографами министров финансов и управляющих банками, ценные бумаги, закладные документы, счетная техника, личные вещи и другие раритеты, так или иначе связанные с историей государственных банков.

С 2003 г. сотрудники музея приступили к плановым закупкам экспонатов. Покупались преимущественно денежные знаки и предметы обстановки банковских зданий. С 2005 г. ведется “точечная” закупка недостающих раритетов — золотых и крупных серебряных монет XVIII—XIX вв., автографов выдающихся деятелей кредитно-финансовой сферы страны. В частности, приобретены редкие документы с автографами наследника престола, будущего императора Александра II, управляющего главным банком империи Э.Д. Плеске и министра финансов П.Л. Барка. В 2006 г. Банком России также приобретена уникальная коллекция российских ценных бумаг в количестве 2567 единиц хранения, а в 2008 г. — парадный портрет императора Александра II (холст, масло, 99 x 78 см, 1860-е гг.).

Музейно-экспозиционный фонд Банка России, подобно музеям других центральных банков, включает в себя представительскую и учебно-просветительскую экспозиции. Работы по монтажу представительской экспозиции были завершены к 25 декабря 2004 г. (открыта с января 2005 г.). При этом использовались новации ведущих музейных экспозиций Москвы последних десятилетий, которые, в свою очередь, учитывали мировой опыт музейного дела. В залах, где разместились экспонаты, был применен направленный свет, усложненная геометрия витрин, амальгамированные фоновые плоскости и т. п.

На этой выставке, получившей название “Русский рубль: веки истории”, были представлены как экспонаты из бывшей коллекции АвтоВАЗбанка и Музея боевой и трудовой славы Российской республиканской конторы Госбанка СССР, так и предметы, закупавшиеся специально для музея в 2003—2008 гг. Следует также отметить, что значительная часть раритетов поступила из Центрального хранилища Банка России (г. Москва): 2 декабря 2004 г. оттуда были переданы для экспозиции денежные знаки XVIII—XX вв. и памятные монеты Банка России из драгоценных металлов в количестве 1618 штук (в том числе 614 монет из золота, серебра и платины). Благодаря этому Музейно-экспозиционный фонд обогатился такими экспонатами, как ассигнации конца XVIII в., бумажные денежные знаки 1850—1880-х гг., образцы денежных знаков периода денежной реформы 1895—1897 гг., золотые червонцы 1923 г., пробные (не вышедшие в обращение) монеты 1941 г. и 1958 г. и др. Значительный объем и высокое качество собранного материала позволили составить экспозицию только из подлинников, без использования копий и муляжей.

Вторая часть музея, предназначенная для широкого круга посетителей, была открыта в начале 2008 г. (размещается по адресу: Москва, ул. Неглинная, 10) и по-

Таблица

Рост числа экспонатов Музейно-экспозиционного фонда Банка России

Дата	Количество единиц хранения
Начало 2000 г.	173
Начало 2003 г.	1301
Начало 2005 г.	2919
Начало 2007 г.	8765
Начало 2008 г.	13 232
Начало 2009 г.	15 591
Сентябрь 2009 г.	15 680

лучила название “Страницы истории Банка России”. Она в большей мере носит учебно-просветительский характер, раскрывая историю главного банка страны. При ее создании применялись новейшие музейные средства интерактивного общения, включая ролевые игры и учебные фильмы по банковской тематике.

В коллекции Банка России можно выделить несколько групп экспонатов: монеты и медали, бумажные денежные знаки, старинные ценные бумаги, автографы финансовых деятелей, агитационные плакаты военных займов и т. д.

Коллекция монет и медалей в Музейно-экспозиционном фонде Банка России начала формироваться с момента его создания в 2000 г. Она состоит в основном из типичных образцов денежных знаков, циркулировавших на территории страны в различные исторические периоды.

К интересным экспонатам этой части коллекции относятся новгородская серебряная гривна XIII в. (вес 204 г, длина 146 мм, максимальная ширина 15 мм, максимальная высота 8 мм), серебряный поволжский сом начала XV в. (вес 200,64 г, длина 114 мм, ширина ок. 17 мм, высота ок. 18 мм), а также три экземпляра монет Нижегородского княжества рубежа XIV—XV вв. Из монет XVIII в. выделяется золотой рубль для дворцового обихода, отчеканенный в 1756 г. (вес 1,6 г, диаметр 16 мм). Коллекция русских монет XIX в. представлена почти всеми основными типами медных, серебряных и золотых монет. Среди них в разряде редких выделяются первые памятные серебряные рубли 1834 г. и 1839 г., посвященные открытию Александровской колонны в С.-Петербурге и памятника-часовни на Бородинском поле. Из монет советского периода представляют интерес золотые червонцы 1923 г. (2 экземпляра), а также пробные медно-никелевые монеты 1941 г. (38 шт.) и 1958 г. (достоинством 10, 20 и 50 копеек — всего 77 шт.)⁸.

Собрание бумажных денежных знаков охватывает период с конца XVIII в. по настоящее время. Период до 1890-х гг. представлен главным образом ассигнаци-

⁸ Подробнее о коллекции монет и медалей в собрании Музейно-экспозиционного фонда Банка России см. в статье 15-го выпуска Люблинских нумизматических ведомостей (Alexander V. Bugrov. Kolekcja monet i medalii w Wydziale Muzealno-Wystawienniczym Banku Rosji // Lubelskie Wiadomości Numizmatyczne, XV. Lublin, 2009. S. 7—19).

ями и кредитными билетами мелких номиналов, среди которых выделяются ассигнации в 5 руб. 1794 г. и 10 руб. 1798 г. Особенно ценной является обширная подборка денежных знаков периода Гражданской войны (1918—1922), в которой представлены все более или менее значительные эмитенты этого периода.

Коллекция ценных бумаг в Банке России насчитывает около 3 тысяч единиц хранения и представляет всех важнейших участников российского фондового рынка XIX — начала XX в. По своей полноте она является одной из лучших в Российской Федерации. В настоящее время составляется каталог этого собрания, который выйдет в следующем году. Среди уникальных экземпляров коллекции — облигация займа Московской торговой компании 1717 г., свидетельства на долги польского короля Станислава-Августа Понятовского и польского магната Винцента Потоцкого, отпечатанные на голландском языке в 1798 г. (2 шт.).

В коллекции Банка России имеется небольшая подборка автографов известных государственных и финансовых деятелей, в которой выделяются автографы президента Вольного экономического общества Н.С. Мордвинова, министра финансов Е.Ф. Канкрин и великого князя Александра Николаевича (будущего императора Александра II).

Граф Николай Семенович Мордвинов (1754—1845) одним из первых популяризировал в России идеи известного английского экономиста Адама Смита. Экземпляр его книги “Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков” (издана в С.-Петербурге в 1829 г.) имеется в собрании Банка России с авторской подарочной надписью на имя дворянки Н.В. Сергеевой.

В 2008 г. был приобретен автограф известного министра финансов России Егора Францевича Канкрин (1774—1845). Его подпись стоит на письме 1833 г., адресованном адмиралу и члену Государственного совета А.С. Грейгу и сообщающем об увеличении последнего жалования. Кроме того, 1849 г. датировано письменное распоряжение об оплате купленных в Европе книг для царской библиотеки, которую осуществляла известная петербургская банкирская контора “Штиглиц и К”. Ее владелец барон Александр Людвигович Штиглиц в 1860 г. стал первым управляющим Государственным банком. В верхней части документа — распоряжение великого князя Александра Николаевича оплатить эти покупки из денег, “причитающихся” царскому воспитателю — известному русскому поэту В.А. Жуковскому.

В собрании Банка России хранятся также автографы управляющих Государственным банком Российской империи А.В. Цимсена, Э.Д. Плеске, С.И. Тимашева, И.П. Шипова, а также автографы П.Л. Барка, в 1914—1917 гг. занимавшего должность министра финансов царской России. В большинстве случаев это их подписи на документах и письмах, адресованных банковским чиновникам.

Среди наград, хранящихся в Музейно-экспозиционном фонде Банка России, примечателен нагрудный знак “Отличник Госбанка”. Такие знаки были введены Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 6 сентября 1942 г. № 1488; до 1991 г. ими награждали наиболее отличившихся работников системы Госбанка СССР. Известно несколько вариантов этого знака, самый ранний из которых представлен в

Монисто. Западная Сибирь. Третья четверть XIX в.

Наградной знак “Отличник Госбанка”. 1942 г.

экспозиции Банка России. На его лицевой стороне изображена купюра в один червонец, обрамленная колосьями; сохранились следы серебрения и позолоты. На обороте знака выгравирован номер “98”.

В 1942 г. отдельный знак был учрежден для работников Народного комиссариата финансов СССР (“Отличник финансовой работы” НКФ СССР), который также представлен в экспозиции. Им награждались служащие Гострудсберкасс, Госстраха и государственных банков долгосрочных вложений.

Отдельные памятные знаки для награждения отличившихся банковских работников были выпущены в связи с 50-летием и 60-летием основания Государственного банка СССР (в 1971 г. и 1981 г. соответственно, оба этих знака имеются в Музейно-экспозиционном фонде Банка России).

Интересна и имеющаяся небольшая коллекция агитационных плакатов военных займов. Известно, что к наглядной агитации Государственный банк прибегал в 1916 г., когда на него было возложено распространение таких займов. По примеру европейских стран в России была изготовлена серия агитационных

Копилка. Изготовлена на фабрике "Труд" в Варшаве. Начало XX в.

плакатов и почтовых открыток, призывавших подписываться на военный заем. Они были выполнены по эскизам художников Р.Г. Заррина (Зарринша), автора дизайна отдельных российских купюр и почтовых марок, И.А. Владимирова, А.Р. Эберлинга, Е.М. Чепцова и других. В собрании Банка России имеются 9 плакатов и две открытки, посвященные военным займам 1916 г.

Кроме того, в собрании хранятся агитационные почтовые открытки "Займа Свободы" 1917 г. (2 шт.), открытки с рекламой Гострудсберкасс конца 1929 г. (3 шт.) и второго займа индустриализации 1928 г. (1 шт.).

Из плакатов советского времени выделяется "Помогай страховой кассе обнаруживать укрывателей рабочей силы" 1920-х гг., а также плакаты Третей денежно-вещевой лотереи помощи фронту 1943 г. (1 шт.) и Второго государственного займа восстановления народного хозяйства 1947 г. (1 шт.).

В Музейно-экспозиционном фонде Банка России представлены некоторые интересные образцы старинной счетной техники. Первые счетные механизмы были известны уже в античности, когда получил распространение прототип счетов — абак. Счеты вплоть до начала XX в. оставались основной счетной техникой большинства российских банкиров и торговцев. Среди экспонатов старинной счетной техники в Банке России имеются счета начала XX в., первый отечественный арифмометр системы инженера В.Т. Одера (начала XX в.), советские арифмометры "Феликс" (1940-е гг., 2 шт.), а также американская суммирующая машина "Комптометр" (1920—1930 гг., 2 шт.).

Среди сейфов выделяется продукция известной петербургской фирмы Сан-Галли, которая в конце XIX в. была поставщиком для многих контор и отделений Го-

сударственного банка. Сейф этой фирмы из собрания Банка России изготовлен в конце XIX в. и, по-видимому, находился в здании Московской конторы банка в Неглинном проезде с момента ее открытия (1894 г.).

Также обращают на себя внимание два металлических сундучка для хранения ценностей, изготовленные в начале XX в. в селе Лысково Нижегородской губернии — российском центре жестяного промысла. Они по сравнению с сейфами представляли более доступный по цене вариант оборудования для хранения денег. И все же в банковских учреждениях отдавали безусловное предпочтение сейфам — "несгораемым шкафам", как нередко их называли в старину.

В коллекции Банка России имеется 17 копилкок — специальных приспособлений для хранения монет. Самые ранние из них относятся к концу XIX в. Они самой разнообразной формы: от маленьких сейфов и сундучков до домиков с помещенными на них надписями и без них. К копилкам примыкали и накопители разменных монет. Они были известны еще до революции, а традиция их изготовления продолжилась и в советское время.

В Музейно-экспозиционном фонде Банка России собраны многочисленные платежные, расчетные, сберегательные и страховые документы. К наиболее ранним из них относится квитанция об уплате казначейской пошлины 1826 г. Однако большинство квитанций, счетов, сберегательных книжек и страховых полисов относится к началу XX в. Среди них выделяются документы, связанные с крупными российскими фирмами и банками, такими, как страховое общество "Россия" и финансово-промышленный концерн Л.С. Полякова.

Отдельную группу экспонатов фонда составляют подарки Госбанку СССР и Банку России. Основная часть их относится к 1970—1990 гг. В 1971 г. и 1981 г. отмечались 50-летие и 60-летие основания Государственного банка СССР. По случаю этих событий многочисленные клиенты Госбанка, министерства и ведомства дарили его руководству сувениры и подарки. Среди них — модели машин, кораблей, механизмов и космических аппаратов, создание которых осуществлялось на кредиты главного банка страны.

Иностранные делегации, главным образом представители крупных зарубежных банков, дарили памятные монеты и медали, сувенирные серебряные подносы, шкатулки, гравюры, статуэтки и скульптурные композиции.

В преддверии 150-летия в Банке России проводится большая работа по популяризации его истории. В этой связи важное место занимает обновление экспозиции "Русский рубль: вехи истории", которая представит посетителям редкую возможность увидеть подлинные раритеты по истории отечественного банковского дела. Также создается раздел Музейно-экспозиционного фонда на сайте Банка России в сети Интернет, где можно будет ознакомиться с наиболее интересными экспонатами и совершить виртуальную прогулку по музею. Кроме того, в настоящее время Музейно-экспозиционный фонд Банка России располагает 50 экспозициями по истории территориальных учреждений. Это дает возможность ознакомиться с его историей далеко за пределами Москвы — от Новгорода и С.-Петербурга до Хабаровска и Владивостока.

О начале собирательства античных монет в Польше

Мариуш МЕЛЬЧАРЕК

Президент
Польского
нумизматического
общества,
профессор,
доктор
исторических наук

Среди древних денег, которые находят на территории Польши в виде кладов и единичных находок, наиболее широко представлены греческие и кельтские экземпляры римских монет. Благодаря новым находкам на территории Моравии¹ известно, что самые ранние из них греческие. В Центральную Европу они попали прежде всего при посредничестве кельтов², которые не только распространяли на польских землях собственные монеты³, но также чеканили их, по крайней мере, в двух центрах. Количество рим-

ских монет, найденных на территории Польши, уже наверняка превысило 100 тыс. экземпляров, о которых писал А. Куниш более сорока лет тому назад⁴.

Первые свидетельства нахождения римских монет на польских землях относятся к X в. Так следует трактовать присутствие серебряных римских монет, целых и их обломков, в кладах раннего средневековья. Только экземпляры, найденные в земле⁵, могли попасть в денежный оборот в X, XI и XII вв.⁶. Больше всего римских монет находится в кладах, датированных XI в.⁷. О том, что римские монеты не были в постоянном обращении на этих землях, можно судить хотя бы по малонаселенности территории Польши в античности⁸. Трудно также поверить в то, что их привозили в эпоху раннего средневековья из бывших территорий Римской империи. Однако, с другой стороны, как считает Р. Керсновски (R. Kiersnowski), в средневековье на руках у местного населения могло быть значительно большее количество денег, чем об этом свидетельствует количество монет, идентифицированных в крупных находках, — часть могла быть переплавлена или перечеканена с новым штемпелем⁹. В кладах раннего средневековья отсутствуют бронзовые и золотые монеты¹⁰, что может указывать на сознательную селекцию денег, вводимых в оборот в Польше в период раннего средневековья.

Присутствие римских монет в кладах раннего средневековья в Польше не является индивидуальным явлением. Они также встречаются на юге — рим-

¹ E. Kolníková. Význam mincí z moravského laténskeho centra Némčice nad Hanou pre keltskú numizmatiku. "Numismatický sborník", 21, 2006, s. 3—56; eadem, Fundmünzen vom Keltenzentrum Némčice (Mähren) — Beitrag zum keltischen Münzumlaufl im Mitteldonaugebiet. (w:) Money Circulation in Antiquity, the Middle Ages and Modern Times. Time, Range, Intensity, ed. S. Suchodolski, M. Bogucki, Warszawa—KraKów 2007, s. 21—32.

² M. Mielczarek. On Greek Coin Finds from the Central European Barbaricum. (w:) Roman Coins outside the Empire. Ways and Phases. Contexts and Functions, Wetteren 2008, s. 11—29. Cp. M. Mielczarek. Ancient Greek Coins Found in Central, Eastern and Northern Europe, Wrocław 1989.

³ Z. Woźniak. Monety celtyckie z ziem polskich. "Wiadomości Numizmatyczne", XI, 1967, 4, s. 201—231.

⁴ A. Kunisz. Numizmatyka cesarstwa rzymskiego. (w:) Vademecum historyka starożytnej Grecji i Rzymu, ed. E. Wipszycka, I/II, Warszawa 2001, s. 353. Постоянно публикуются новые клады (в последние годы чрезвычайно многочисленные), старые находки подвергаются новым разработкам. Перечисление литературы, даже последних двух лет, не представляется целесообразным. В качестве примера пусть послужат работы: R. Ciolek. Die Fundmünzen der Römischen Zeit in Polen: Pommern, Wetteren 2007; eadem, Die Fundmünzen der Römischen Zeit in Polen: Schlesien, Wetteren 2008; A. Dymowski. Recording Recent Roman Coin Finds from Poland (2004—2007). "Wiadomości Numizmatyczne", LII, 2008, 2, s. 195—208 [Polish Numismatic News VIII, 2009]; A. Zapolska, Roman Denarii in the Bogaczewo and Sudovian Cultures. "Wiadomości Numizmatyczne", LII, 2008, 2, s. 136—165 [Polish Numismatic News VIII, 2009].

⁵ Стоит обратить внимание на то, что в кладе раннего средневековья из Опаленя в Поморском воеводстве было пять топориков из бронзового века. Они не могли попасть туда иначе, чем после извлечения их из земли. Т. і R. Kiersnowscy. Wczesnośredniowieczne skarby srebrne z Pomorza. Materiały, Warszawa—Wrocław 1959, nr 117 (s. 77—78); R. Kiersnowski. Monety rzymskie w polskich znaleziskach wczesnośredniowiecznych. "Wiadomości Numizmatyczne", II, 1958, 2, s. 7.

⁶ R. Kiersnowski, Monety ..., s. 5—14; idem, Pieniądz kruszcowy w Polsce wczesnośredniowiecznej, Warszawa 1960, s. 89. Об участии динаров в денежном обращении в Польше раннего средневековья может свидетельствовать факт их разрезания. См. также A. Mikolajczyk. Antyczne monety w znaleziskach nowożytnych. "Biuletyn Numizmatyczny", 1975, 5, s. 81—82.

⁷ R. Kiersnowski, Monety ..., s. 11—12; Ego же, Pieniądz ..., s. 88.

⁸ Что также подтверждает небольшое количество находок на территории Польши ранневизантийских монет. Это может свидетельствовать об ограниченной потребности в использовании денег в виде монет, которые были заменены другими "средствами платежа". См. J. Adamczyk. Placidia w Europie Środkowej i Wschodniej w średniowieczu, Warszawa 2005, а также в отношении железных средств платежа: R. Pleiner, Slovenské sekerovité hřivny. "Slovenská Archeológia", IX, 1—2; 1961, s. 405—444; J. Pošvař. Plátno i železo jako placidla na zemiach českých. "Kwartalnik Historii Kultury Materialnej", XIII, 1965, 4, s. 747—754; K. Zaitz. Frühmittelalterliche Axtförmige Eisenbaren aus Kleinpolen, "Slovenská Archeológia", XXXVI, 1988, 2, s. 261—276; idem, Wczesnośredniowieczne grzywny siekiero podobne z Malopolski. "Materiały Archeologiczne", XXV, 1990, s. 142—178.

⁹ R. Kiersnowski, Pieniądz ..., s. 87.

¹⁰ На этот факт обратил внимание уже Р. Керсновски. Monety ..., s. 9.

ский динарий был в кладе XI в. из Кельчи в Моравии¹¹.

Вторичному введению римских монет на денежный рынок раннего средневековья¹² способствовали потребность в руде и определенное разнообразие серебряных монет в обращении. Римский динарий своими размерами, иконографией, языком надписей (а скорее формой букв и знаков) в определенной степени походил на монеты, чеканившиеся в то время.

Также можно предположить, что римские монеты в раннем средневековье не были повсеместно идентифицированы как деньги античной *imperium romanum*. Хотя в определенных кругах, таких, как костел, возможно, существовало представление о том, как выглядели римские деньги. Так, в чешских источниках сохранилось свидетельство первой половины XIV в., записанное аббатом ордена Цистерсов и подтверждающее его познания в области римских денег¹³. В собрании книг XII в. Краковского кафедрального собора также были произведения античных авторов¹⁴, хотя это не свидетельствует о знакомстве с римскими деньгами.

Со временем римским динариям было дано определение *головки святого Яна*. Сложно точно определить, когда этот термин был принят в Польше. Самое раннее упоминание о *монетах св. Яна* относится к 1445 г. и связано с поручением, которое получил краковский ювелир Мартин, — он, в частности, должен был позолотить три перстня (*annulos*) с монетами св. Яна¹⁵.

Мощное развитие интереса к античным деньгам, прежде всего римским, подтвержденное печатными источниками, наступило в Польше в период Ренессанса¹⁶. Огромное влияние на это имели визиты поляков в Италию и знакомство с развивающимся в то время изучением истории античного Рима. Благодаря путешествиям в Италию в Польше более популярным ста-

ло коллекционирование римских монет. Из Италии привезли монеты Станислав Решка (Stanisław Reszka, 1544—1600)¹⁷ и первый известный в Силезии коллекционер-нумизмат Иоганн Хесс¹⁸ (Johann Hess, данные относятся к 1537 г.). В Кракове в XVI в. римские монеты были у историка, географа, врача, ректора Краковской академии Матея из Мехова (Maciej z Miechowa, 1457—1523), врача и гебраиста Вацлава Колера (Wacław Koler, умер в 1546 г.), доктора Станислава Ружанко (Stanisław Różanka, около 1522 — после 1580), а также профессора Краковской академии Станислава Гжепского (Stanisław Grzepskie, 1523—1570)¹⁹. Подобная картина была типичной для всей средневековой Европы²⁰.

С. Гжепский считал очевидным то, что в древней Польше пользовались римскими деньгами, поскольку это подтверждали многочисленные монеты, найденные на полях²¹. Некоторые из них даже попали в собрание краковского ученого²². Аналогичной точки зрения придерживался Станислав Сарницки (Stanisław Sarnicki, около 1532—1597)²³.

Данное направление продолжил Матея из Мехова, который первым в печатной работе определил *головки св. Яна* как римские динарии, а также высказался о причинах и обстоятельствах, благодаря которым на польских землях появились римские монеты²⁴. Его мнение было представлено в труде *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana et de contentis in eis ...*, опубликованном в Кракове в 1517 г.²⁵. Это издание сразу после появления было признано выдающимся трудом и переведено на ряд иностранных языков. Он был также автором первого печатного очерка по истории Польши — *Chronica Polonorum...*²⁶. Древностями и античной нумизматикой Матея из Мехова заинтересовался, скорее всего, как и большинство вышеназван-

¹¹ J. Skutil. *Antické mince v počátcích čl. sběratelství*. Brno 1949, s. 6.

¹² Вероятно, часть монет переплавлялась. На это указывает открытие монеты Гаприана в ювелирной мастерской раннего средневековья в Камюнке Надбужной. L. Rauhut. *Sprawozdanie z badan wczesnosredniowiecznej osady rzemieślniczej we wsi Kamionka Nadbużna, pow. Ostrów Mazowiecka*. "Wiadomości Archeologiczne", XXVI, 1959, s. 31; A. Gupieniec, T. i R. Kiersnowscy. *Wczesnosredniowieczne skarby srebrne z Polski środkowej, Mazowsza i Podlasia. Materiały*, Wrocław—Warszawa—Kraków 1954, s. 29

¹³ J. Skutil, o.c., s. 6—8.

¹⁴ A. Vetulani. *Krakowska biblioteka katedralna w świetle swego inwentarza z r. 1110*. "Slavia Antiqua", IV, 1953, s. 163—192; M. Plezia. *Księgozbiór Katedry Krakowskiej wedle inwentarza z r. 1110*, (w:) *Silva Rerum*, ed. T. Ulewicz, Kraków 1981, s. 16—29, в частности, s. 26—28, но в Z. Budkova, *Księgozbiór polskiego uczonego z XII/XIII wieku*. "Studia Źródloznawcze", I, 1957, s. 117, в описи книжного собрания произведений античных авторов отсутствуют.

¹⁵ A. Grabowski. *Skarbniczka naszej archeologii*, Lipsk 1845, s. 194. См. также Z. Zabiński. *Zapiski numizmatyczne Ambrożego Grabowskiego*. "Wiadomości Numizmatyczne", XXII, 1978, 3—4, s. 234—236. Из многих других работ: A. Abramowicz. *Dzieje zainteresowań starożytnych w Polsce, Część I. Od średniowiecza po czasy saskie i świat Oświecenia*, Wrocław 1983, s. 21—23; *Początki zainteresowań monetą antyczną w Polsce*, "Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi", seria numizmatyczna i konserwatorska, I, 1981, s. 82; M. Mielczarek. *Macieja z Miechowa wiedza o pieniądzu antycznym*. "Notae Numismatice Zapiski Numizmatyczne", III/IV, 1999, s. 245.

¹⁶ A. Abramowicz. *Początki ...*, s. 81—91; *Urny i ceramie*, Łódź 1979, s. 28 i n.

¹⁷ M. Mielczarek. *Z dziejów polskiego kolekcjonerstwa monet antycznych. Od początków po pierwsze lata II Rzeczypospolitej*, (w:) *Rozwój muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego — dawniej i dziś — na Białorusi, Litwie, w Polsce i na Ukrainie*, red. K. Filipow, Warszawa 1997, s. 96.

¹⁸ H. Rusek. *Dzieje kolekcjonerstwa numizmatycznego na Dolnym Śląsku*, (w:) *Rozwój muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego — dawniej i dziś — na Białorusi, Litwie, w Polsce i na Ukrainie*, red. K. Filipow, Warszawa 1997, s. 73.

¹⁹ О всех упомянутых лицах. M. Mielczarek. *Z dziejów ...*, s. 95—96 также s. 102—104.

²⁰ J. Skutil, o.c., *passim*.

²¹ A. Abramowicz. *Początki ...*, s. 83.

²² S. Skowronek. *W poszukiwaniu kolekcji monet starożytnych Stanisława Grzepskiego (1524—1570)*. "Studia archeologiczne", I, 1981, s. 205—211; *W poszukiwaniu kolekcji monet starożytnych Stanisława Grzepskiego (1524—1570)*. "Rocznik Naukowo-Dydaktyczny, Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie", 59, *Prace Historyczne*, VIII, 1977, s. 61—67.

²³ A. Abramowicz. *Początki ...*, s. 85—86.

²⁴ M. Mielczarek. *Macieja z Miechowa ...*, *passim*; *Ego же, Dux Wandalorum, Misico nomine and the Beginnings of Interest in Roman Coins Found In Poland*, (w:) *Moneta mediaevalis. Studia numizmatyczne i historyczne ofiarowane Profesorowi Stanisławowi Suchodolskiemu w 65. Rocznicę urodzin*, ed. B. Paszkiewicz, Warszawa 2002, s. 467—472.

²⁵ См. Maciej z Miechowa. *Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej, wstęp H. Barycz, tłum. T. Bienkowski, postł. W. Voisé*, Wrocław—Warszawa—Kraków. 1972.

²⁶ *Chronica Polonorum ... Cracoviae 1519; wydanie drugie, 1521*.

ных ученых, во время пребывания в Италии²⁷. В Риме он встретил²⁸ Помпониуса Лаэтуса (Pomponius Laetus, 1428—1498), выдающегося гуманиста, знатока истории и археологии древнего Рима²⁹. Также под итальянским влиянием он создал коллекцию, в которой были золотые и серебряные римские монеты (в ней были экземпляры, найденные на польских землях)³⁰. Его нумизматические интересы были связаны с увлечением прошлым Польши³¹.

В своем трактате Матей писал, что вандалы, объединившись с аланами, вступили на территорию римского государства, в Паннонию, а затем, возвращаясь, принесли с собой много монет императора Адриана. Об этом свидетельствуют изображения на монетах и надписи на обеих сторонах монет. Вандалы оставались здесь до времен Стилихона (кстати, сына вандала и римлянки), т. е. до IV в. Деньги также находили после половецких, ливневых дождей и во время возделывания земли. Крестьяне называли их динариями св. Яна, поскольку портрет императора на монете был подобен голове св. Яна на блюде³².

Отметим тот факт, что появление римских монет в Польше он связал с вандалами, а также то, что среди них в большом количестве были динарии Адриана. На рубеже XV—XVI вв. убеждение о происхождении поляков от вандалов было всеобщим. Эта точка зрения зародилась в X в.³³, развили ее Викентий Кадлубек (около 1150—1223)³⁴ и Ян Длугош (Jan Długosz, 1415—1480)³⁵.

Таким образом, первый интерес к римским монетам, которые находили на территории Польши, связан не только с проблематикой древнего Рима, но, прежде всего, с дискуссией по вопросу генеалогии поляков и славян в целом. Это имело очевидное влияние на польскую нумизматику следующих веков.

С XV в. в Польше набирала популярность новая идея, согласно которой поляки произошли не от вандалов, а от сарматов³⁶. Начало этой концепции идет от раннего средневековья³⁷. Первым распространителем идеи о сарматских корнях поляков был Ян Длугош³⁸. Эта точка зрения была необыкновенно популярна в Польше в XVII в.³⁹. В то время и в последующее столетие идентификация поляков и сарматов была повсеместно распространена (так же, как и выведение дворянских гербов из сарматских тамг⁴⁰).

В самой большой коллекции польских монет XIX в., собранной Эмериком Гуттен-Чапским (Emeryk Hutten-Czapski), было шесть античных. Это были римские деньги — две монеты Марка Аврелия (161—180) и четыре Константина I Великого (306—337)⁴¹. Их связывает то, что в легендах упоминались сарматы, а скорее императорские победы над ними, а также Сарматия⁴². Титул SARMATICVS⁴³ в первый раз появился на монетах Марка Аврелия в июне 175 г. в связи с римскими победами над сарматами⁴⁴ в ходе марокканских войн. В собрании Э. Гуттен-Чапского было два сестерция императора Марка Аврелия с такой легендой. Они были опубликованы в *Catalogue de la Collection des Médailles et Monnaies Polonaises*⁴⁵ (т. IV № 8300, т. III № 6168). Деньги Марка Аврелия попали в коллекцию польских монет, т. к. еще в XIX в. тезис о сарматском происхождении поляков имел приверженцев среди выдающихся польских нумизматов, в том числе Кароля Бейера (Karol Beyer)⁴⁶, работы которого многократно использовал Э. Гуттен-Чапский⁴⁷. Эти римские монеты причислялись ими к самым ранним монетам, связанным с Польшей⁴⁸. Возможно, как это определил Й. Колендо, с монет Марка Аврелия с титулом SARMATICVS в легенде начинается польская нумизматика⁴⁹.

²⁷ H. Barycz. *Życie i twórczość Macieja z Miechowa*, (w:) *Maciej z Miechowa ...*, s. 27; A. Abramowicz. *Początki ...*, s. 83.

²⁸ H. Barycz, o.c., s. 27; A. Abramowicz. *Początki ...*, s. 83.

²⁹ R. Pfeiffer. *History of Classical Scholarship 1300—1850*, Oxford 1976, s. 51 i n.

³⁰ L. Hajdukiewicz. *Biblioteka Macieja z Miechowa*. Wrocław 1960, s. 147, 220—221, 224, 231; A. Abramowicz. *Początki ...*, s. 82; J. Czarniecka. *Maciej z Miechowa. Pierwszy polski kolekcjoner monet rzymskich*, "Filomata", 336, 1980, s. 292—303.

³¹ H. Barycz, o.c., s. 22; A. Abramowicz. *Dzieje ...*, s. 53 u dp.

³² *Maciej z Miechowa. Opis ...*, s. 48.

³³ A.F. Grabski. *Polska w opiniach obcych X-XIII w.*, Warszawa 1964, s. 13—136, 14—149; M. Mielczarek. *Dux ...*, s. 467—468.

³⁴ *Mistrza Wincentego Kronika Polska*, ks. I, 7, tłum. K. Abgarowicz i B. Kürbis, Warszawa 1974; A.F. Grabski, o.c., s. 140—141.

³⁵ Jan Długosz. *Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego*, ks. I i II, red. i wstęp J. Dąbrowski, Warszawa 1961, s. 94, 95, 137, 195.

³⁶ T. Ulewicz. *Sarmatia ...*, *passim*; *Ego же, Zagadnienie Sarmatyzmu w kulturze i literaturze polskiej. Problematyka ogólna i zarys historyczny*, *Zeszyty Naukowe UJ, Prace Historyczno-Literackie*, z. 5, Filologia, z. 9, Kraków 1963. См. также L. Niederle. *Słowanskie starożytności*, I, 2, Praha 1904, s. 512—517.

³⁷ T. Ulewicz. *Sarmacja ...*, s. 18; H. Lowmiański, *Sarmacja*, (e:) *Słownik Starożytności Słowiańskich*, t. 5, Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, s. 70.

³⁸ T. Ulewicz. *Sarmacja ...*, s. 4, 27—32.

³⁹ S. Cynarski. *Sarmatyzm — ideologia i styl życia*, (w:) *Polska XVII wieku. Państwo — społeczeństwo — kultura*, ed. J. Tazbir, Warszawa 1974, s. 269—295.

⁴⁰ T. Sulimirski. *Sarmaci*, Warszawa 1979, s. 201—204.

⁴¹ J. Bodzek. *Monety rzymskie w zbiorze Emeryka Hutten-Czapskiego*. "Notae Numismaticae Zapiski Numizmatyczne", I, 1996, s. 23—36.

⁴² H. Lowmiański, o.c., s. 62—71.

⁴³ B. Koehne. *Die Römischen auf die Deutschen und Sarmaten bezüglichen Münzen*. "Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkunde", III, 1843, s. 257—310, 325—357, IV, 1844, s. 1—45.

⁴⁴ Их упоминал также Матей из Мехова в "Chronica Polonorum". — J. Bodzek, o.c., s. 34. См. K. Baluza. *Trumfator. Triumf i ideologia zwycięstwa w starożytnym Rzymie epoki cesarstwa*, Poznań 2005, s. 176.

⁴⁵ *Tomy I—V*, Petersburg—Kraków, 1871—1916.

⁴⁶ E. Triller. *Karol Beyer — numizmatyk i archeolog (1818—1877)*. "Wiadomości Numizmatyczne", VIII, 1964, 3—4, s. 189—200. См. также E. Triller. *Wykopalska monet Karola Beyera*. "Wiadomości Numizmatyczne", XXXV, 1991, 1—2.

⁴⁷ На эту тему J. Bodzek, o.c., s. 29—36; M. Kocójowa. *Pamiętkom oczyszczonym z burzy dziejowej*. Kraków 1978, s. 112 i n.

⁴⁸ J. Kolendo. *Praca Georga Wende z roku 1699 o monetach rzymskich bitych z okazji zwycięstw nad Sarmatami*. "Notae Numismaticae Zapiski Numizmatyczne", III/IV, 1999, s. 251—262.

⁴⁹ Там же, s. 252.

Сокровищница Радзивиллов из Несвижа

Кшиштоф ФИЛИПОВ

Вице-президент
Польского
нумизматического
общества,
доктор
исторических наук,
профессор
Белостокского
университета

Начало ему положил Николай VI Черный Радзивилл (1515—1565). Начало создания радзивилловской коллекции (нумизматической и медальерской) связано с его ознакомительными поездками в Аусбург (1547 г.) и Италию (1553 г.). Николай Радзивилл в молодости объездил всю Европу, его увлечения во многом сформировались во время путешествия в Италию. Собрание было размещено в специальном шкафу, купленном в 1540 г. В то время в Италии было 380 кабинетов подобного характера. Николай также принял решение об основании в своих владениях несвижского кабинета.

В этом кабинете сохранилась самая ранняя медаль, связанная с родом Радзивиллов. Сегодня не известно, по какому поводу она была отчеканена. Ее автором считается Бенвенутто Челлини (умер в 1570 г.), который ввел в Европе использование медалей с изображением личностей. На аверсе медали была изображена голова с длинной бородой и усами, повернутая влево. Надпись вокруг гласит: *“Nicolaus Radzivil. D. G. Olicae et Niesviezi Dux. Z. c.”*. На оборотной стороне был размещен княжеский герб с надписью вокруг: *“Mala Nostra Pelle Deus”*. Эта медаль вместе с изображением на обшивке украшала один из сундуков, в котором были размещены монеты из кабинета Радзивилла.

Барбара КУКЛИК

Член
правления
Польского
нумизматического
общества

Продолжил дело, начатое Николаем Радзивиллом, его сын Николай Христофор Радзивилл по прозвищу Сиротка (1549—1616). Он оставил на сундуке три своих изображения. На одном из них изображен выпуклый бюст молодого князя (анфас) в кружевном одеянии, застегнутом под шеей, на которой висел медальон с изображением отца Николая Черного. По обеим сторонам изображена дата 1554. По кругу размещена надпись: *“Nicolaus Radzivil Junior, Aetatis Suae Anno. V.”*. В XIX в. писали: *“Медаль величиной в полрубля, архиискусно на буквом дереве вырезанная, не только представляет буквы очень чисто выдолбленные, но и наименейшие кружев волокна и изгибы; так что даже в наши дни нелегко было бы что-либо выполнить”*.

На второй медали Николая Христофора Радзивилла представлен юношеский бюст князя с надписью по кругу: *“Nic. Chrus. Radzivil. D. G. Dux. De Olicae”*. На реверсе находились княжеский герб и надпись: *“Et Niesviesch Comes In Schidlovicz”*. Медаль из олова была отчеканена в итальянском Милане.

На третьей медали изображен Николай, смотрящий влево, в испанском костюме и латах, с усиками и коротко стриженной головой. Надпись вокруг гласила: *“Nic. C. Radzivil. D. G. Dux de Olicae et Niesviezi Dux z. c.”*. На оборотной стороне традиционно находились княжеский герб и надпись по кругу: *“Donec Perficiat”*. Эдвард Котлубай писал о ней так: *“Серебряная медаль размером в полрубля; кажется, что ско-*

История нумизматики, как и сама нумизматика, столетиями развивалась с опорой на богатые собрания феодалов и власть предержавших. Так было и в Великом княжестве Литовском, и Польской Короне. Одним из известнейших нумизматических, медальерских, фалеристических, библиотечных собраний, а также коллекций живописи было собрание Радзивиллов в Несвиже.

рее вырезана штихелем, чем отчеканена; что и обо всех предыдущих можно сказать”.

На том же сундуке находилась медаль, представляющая канцлера литовского Альбрехта Станислава Радзивилла. Это был односторонний медальон в золоте с надписью: “*Alb. Sta. Radzivil. S. R. I. P. Can. M. D. L. etc.*”. Один из исследователей радзивилловских собраний в XIX в. писал: “*Серьезное, покрытое морщинами лицо, с усами и маленькой бородой, длинные волосы, назад зачесанные, с цепью на шее. Из чистого золота, выпуклый, овальной формы, размером с талер, с шестью дырочками по бокам для того, чтобы пришивать на платье. Работа, лучшая, чем ранее, домыслить позволяет, что был за границей или в Гданьске отчеканен*”.

Следующий артефакт представляет виленского воеводу Христофора Радзивилла. С установлением мира (после войн со Швецией и Россией) он приказал запечатлеть связанные с этим события на медали: в палатке, окруженной войском, размещено изображение короля, сидящего на трофеех и смотрящего на двух бросающихся ему под ноги невольников. Вверху изображены птицы, бросающиеся на добычу. Вокруг этой символической сцены надпись: “*Dabo Eos In manus Tras et Jones Tentorium In Terra Forum. Unus Pellet Mille Et Volueres Coeli Pascentur Cadaveribus Forum. Sam. 17. v. 46. Vincere et Servare Eosdem Hoc Opus Est. Esach 23. v. 4*”.

Оборотная сторона была достаточно схематична. Там находилась надпись из 15 строк, окруженная венцом: “*Auspiciis et Faelici Prasentia Invictissimi Pr. Vladislai IV. Pol. Et Svec. Regis M. D. L. Consilio Ac Strenua Opera Fotissimi Ducis Christophori Radzivilii S. R. I. Pr. Pa. Vil. Smolenscum Obsidione Liberatum. Obsessores Moscii Et Auxiliares Exteri Obsesji. Ad Deditionem Coacti Castris et Omni Aparat. Bellico Exuti Vita Denique Rara Victoribus moderatione Et Libero ad Suos Recessu Donat. A. D. M. D. C. XXXIV*”. Еще во второй половине XIX в. две такие серебряные (позолоченные) медали находились в несвижском кабинете и, как предполагается, были отчеканены в Польше.

Следующая медаль, которая находилась на сундуке, но которой не было в кабинете, посвящалась Янушу, сыну Христофора II. Свою победу под Киевом он приказал увековечить медалью, на которой была изображена панорама Киева, окруженного оборонительными стенами, и печальная женщина, стоявшая у городских ворот. Вокруг надпись: “*Kiovios Arcus Fractos perstratas Raebelles Radzivil. Tradit Rex Casimire Tibi. Kijovia Recepta MDCLI*”. На оборотной стороне в венце надпись: “*Sub Auspicia Regni Joannie Casimiri Turbati Licet Per Cosacorum Insolentiam, Sed Oppressa Rebellione Felix Exercitus Lithuaniens: Duce Janussio Radzivilio Servatis Patriae Finibus Occupatio vi et Consilio Boristhenis Traiectu, Rebellium Ducibus, Nielaba Capso et Occiso Altero Antonio Profligato et Pulso atque Pestrata Hostium Cadavera Aperta Ferro via Kijoviam usque Perrupit Et Hanc Regionie Atque Rebellionis Metropolim Occupavit Anno MDCLI*”. Над надписью был помещен герб “Погоня”, а под надписью — польский орел.

Наибольшее количество своих медалей, отчеканенных по заказу и размещенных на сундуках, оставил потомкам Богуслав Радзивилл. Всего было выполнено

четыре медали последнего Радзивилла из бирманской линии.

На одной из них изображены бюст князя, обращенный вправо, с длинными уложенными волосами, на латах — пасть льва. По кругу надпись: “*D. G. Boguslaus Radzivil. Dux*”, на оборотной стороне — восходящее солнце с лучами и надпись: “*Promptitudine*”. Из облаков выступает рука с мечом, поднятым вверх, и повешенным на ней лавровым венком. Надпись “*Prudentia*”. Под изображением солнца размещено “око Провидения”. Как писали в XIX в.: “*Есть несколько таких золотых медалей, размером с монету в два злотых*”.

На следующей медали был изображен бюст князя “с ожиревшим лицом” в огромном парике, заслонящем латы, с платком на шее и надписью по кругу: “*Boguslaus D. G. Dux Radzivil*”. На оборотной стороне — бюст его жены с зачесанными локонами и переплетенный жемчугом. Медаль выполнена в серебре по случаю женитьбы и была величиной с монету в два талера. По кругу находилась надпись: “*Anna Maria D. G. Ducissa Radzivil*”.

На посмертной медали был изображен бюст князя с надписью по кругу: “*Boguslaus. D. G. Dux Radzivil*”, на оборотной стороне — корона, поднимающаяся в облака, и ниже надпись: “*Tandem*”. В центре медали размещено три обелиска, связанных с этапами жизни князя. Первый — в честь рождения, с крылатым

солнцем (символом рождения), датой на постаменте 1620 и надписью внизу: "Orbi". Второй обелиск посвящен бракосочетанию. На нем изображена пара целующихся голубков, дата на постаменте 1656 и надпись: "Sibi". Третий обелиск символизирует смерть, на нем размещен череп с крыльями, дата на постаменте 1669 и надпись внизу: "Naturae". Считается, что медаль размером с монету в два талера в "позолоченном" серебре была отчеканена дочерью.

С медалями князя Богуслава связаны медали, посвященные его дочери Людвике Каролине (1675 г.).

Известно также, что в кабинете находился малиновый сундук для богатств, собранных полевым гетманом и подканцлером Михалом Казимиром. Медали не сохранились, но мы знаем о них благодаря надписям на сундуке для хранения ценностей.

Трудно описывать сокровищницу Радзивиллов, не рассказав о ее интересной истории. Коллекция рода собиралась десятки лет. Она состояла не только из монет и медалей, в нее также входили библиотека, картинная галерея, кунсткамера и много других памятников прошлого.

Еще Николай Радзивилл во время своих заграничных путешествий собрал большую коллекцию монет. Это, несомненно, были античные монеты, модные в Европе, а также сокровища, собранные в подчиненных князю волостях и обнаруженные подданными во время работ.

Во времена надворного маршала литовского и воеводы троцкого и виленского Николая Христофора Радзивилла Сиротки Несвиж стал уникальной сокровищницей бесценных памятников истории и культуры не только Великого княжества Литовского, но и Польской Короны. В 12 залах (Королевском, Гетманском, Золотом, Мраморном, Охотничьем и других) с прекрасной и роскошной мебелировкой находилась картинная галерея, содержащая более чем тысячу полотен. Принадлежащая сокровищнице библиотека насчитывала более 50 тыс. томов. Все было украшено бюстами философов. В других залах находилась известная во всем мире оружейная, а в Гетманском зале — коллекция слуцких поясов и других произведений прикладного искусства.

Однако важнее всего была сокровищница. Там хранились драгоценности, слитки металлов, золотая и серебряная посуда, а главное, дорогие сердцу Радзивиллов личные памятные вещи: подарки римских пап, монархов и тысячи других предметов.

В специальном месте, так называемой кунсткамере, хранились монеты и медали. Коллекция монет содержала прежде всего античные греческие и римские монеты. С течением времени туда были включены монеты всех номиналов Польской Короны, Великого княжества Литовского и иностранных государств. Как пишут исследователи, в конце XVIII в. нумизматическая коллекция несвижских сборов достигала 12 952 экземпляров.

Коллекция вызывала зависть далеко за пределами Речи Посполитой. Захватчики охотно "обирали" сокровищницу Радзивиллов. После разделов Польши земли, являющиеся собственностью Радзивиллов, оказались во владении России, а большая часть библиотеки и архивов была вывезена из Несвижа в качестве военной добычи. Воровали все, кто имел эту возможность, все стремились завладеть сокровищами Радзивиллов. Наибольшая трагедия радзивилловских собраний связана с периодом наполеоновских войн. Во время военных действий в 1812 г. вывезено 13 возов несвижских сокровищ. Это касалось не только монет и медалей, но также библиотеки и собрания картин.

Часть радзивилловских собраний оказалось в петербургском Эрмитаже, Успенском соборе в Москве. Наиболее ценные памятники обнаружены в Кремле в Оружейной палате. Монеты и медали передали университету в Харькове. Пропала коллекция драгоценных камней, редких колец, табакерок, а также гетманские булавы, гобелены и много других предметов. Не все они пропали окончательно, их находят, и мы знаем, где они.

Манеты караля Стэфана Баторыя ў зборы Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея

Іна КРАЙНЕВА

Старшы
навуковы супрацоўнік
аддзела фондаў
Гродзенскага
дзяржаўнага
гісторыка-археалагічнага
музея

Баторы Іштван (Bathory Istwan) належаў да старажытнага венгерскага магнатацкага роду з Сяміградзя (Трансільванія), якое ў XVI ст. было самастойнай дзяржавай, асобнай ад Венгрыі, але знаходзілася ў васальнай залежнасці ад Турцыі.

У Аўстрыі і Польшчы яго называлі Стэфан Баторый (Stefan Batory). Пад гэтым імем ён і ўвайшоў у гісторыю. 25 мая 1571 г. ён быў абраны князем Трансільваніі. А 12 снежня 1575 г., дзякуючы ўплыву польскіх магнатаў Збароўскіх і іншых, элекцыйны (выбарчы) сейм Рэчы Паспалітай абраў Стэфана Баторыя каралём польскім і вялікім князем літоўскім. Каранаваны ён быў 29 красавіка 1576 г. у каралеўскім замку Вавель, а 1 мая ажаніўся з Ганнай Ягелонкай (1523—1596), сястрой апошняга Ягелона — Жыгімонта II Аўгуста. Такім чынам, як бы законна працягвалася панаванне дынастыі Ягелонаў.

У хуткім часе, пасля таго як Стэфан Баторый стаў каралём, яму давалося сутыкнуцца з вельмі забытанай грашовай сістэмай Рэчы Паспалітай. Насельніцтва зямель гэтай краіны адчувала востры недахоп сродкаў плацяжу. Крызіс паглыбляўся яшчэ і з прычыны масавага вывазу за мяжу ў буйных колькасцях паўнаважных віленскіх і гданьскіх манет і ўвозу на тэрыторыю Рэчы Паспалітай лёгкаважных ішаземных грошаў.

Манеты ад імя трансільванскага князя Стэфана Баторыя з'явіліся яшчэ да выбарання яго каралём Рэчы Паспалітай. У Сяміградзі на манетным двары ў г. **Нагі Бане** з 1572 г. па 1576 г. былі выбіты дукаты Баторыя. Пасля выбарання яго каралём Рэчы Паспалітай на гэтым манетным двары ў 1585—1586 гг. былі выпушчаны талеры, а ў 1586 г. — дукаты Стэфана Баторыя. Для тэрыторыі Беларусі яны з'яўляюцца вельмі рэдкімі. У зборы Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея (ГДГАМ) іх няма.

Кракаўскі сейм 1579—1580 гг. уніфікаваў манетныя сістэмы Польшчы і ВКЛ, усталяваў адзіныя якасныя і метралагічныя нормы для іх эмісій.

Олькушскі манетны двор быў адкрыты ў 1578 г., а ў 1579 г. ужо выпусціў значную колькасць манет розных наміналаў: каронныя шэлегі, паўгрошы, грошы і траякі. А з 1580 г. да 1587 г. былі выбіты яшчэ і каронныя дэнарыі, партугалы і талеры.

З наміналаў, якія выпускаліся на Олькушскім манетным двары ў часы Стэфана Баторыя, у зборы ГДГАМ прадстаўлены шэлег каронны 1583 г., грош каронны 1581 г. і грошы трайныя каронныя 1582 г., 1585 г. і 1586 г. Усе манеты, якія разглядаюцца ў даным артыкуле, вызначаны згодна каталогу-вызначальніку Эдмунда Капіцкага [2].

Шэлег каронны 1583 г. Kopicki-471 (КП-9973)¹:

Аверс (Av.): у полі манеты — каралеўская манаграма Стэфана Баторыя ў выглядзе літары “S” пад каронай, з літарамі “I—D” па баках; кругавая легенда ўнізе падзелена гербам “Przegonia” на тэрчы: “STEPHA[NVS] · D[EI] · G[RATIA] — REX · PO[LO]NIAE] · M[AGNI] · D[VCATVS] · LIT[VANIAE] · ” (малюнак 1). Ініцыялы “I—D” і герб “Przegonia” ў выглядзе простага мяча з двума паўмесяцамі па баках належалі падскарбію кароннаму ў 1581—1590 гг. Яну Дульскаму (Jan Dulski) [1, s. 210].

Шэлег каронны 1583 г. Kopicki-471 (КП-9973).

¹ У дужках пазначаны ўліковыя нумары манет Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея.

Рэверс (Rv.): у полі манеты — тарчы з гербамі Польшчы “Арол” і ВКЛ “Пагоня” пад каронай; кругавая легенда ўверсе падзелена крыжыкам, унізе — гербам Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы: “SOLIDVS · REG[N]I — POLON[IAE] · 1583”.

У 1581 г. выбіты два варыянты грошаў каронных, якія лічацца вельмі рэдкімі (R7 і R8). **Грош каронны 1581 г.** *Kopicki-499* (КП-24182/100):

Ав.: правы профіль Стэфана Баторыя ў кароне; кругавая легенда: “STEPHANVS · D[EI] G[RATIA] · REX · POLO[NIAE]”.

Rv.: герб Польшчы “Арол” з гербам Баторыяў “Воўчыя зубы” на грудзях; кругавая легенда падзелена каронай на галаве “Арла”: “GROSSVS · NO[VY] · REX · POLO[NIAE] * 1°5·8°1” (*малюнак 2*).

Трайныя грошы каронныя Олькушкага манетнага двара ў зборы ГДГАМ прадстаўлены трыма манетами **1582 г.** *Kopicki-519* (КП-24423/1080), **1583 г.** *Kopicki-522* (КП-24423/1082) і **1585 г.** *Kopicki-533* (КП-24423/1083) выпуску (*малюнак 3*).

Аверс у трох манет падобны, хаця і выкананы рознымі штэмпелямі: правы профіль Стэфана Баторыя ў кароне; кругавая легенда: “STEPHAN[VS] · D[EI] G[RATIA] · REX · POLO[NIAE] · M[AGNVS] · D[VX] · L[ITVANIAE] · ”.

Рэверс таксама падобны ў трох манет: пад лічбай “III”, якая азначае намінал манеты (3 грошы), герб Польшчы “Арол”, герб ВКЛ “Пагоня” і паміж імі на тарчы пад каронай — герб Баторыяў “Воўчыя зубы”; пад гербамі — легенда ў 3 радкі: “GROS[SVS] · ARG[ENTVS] / TRIP[LEX] · REG[N]I / POLONIAE”; унізе **чатыры** лічбы, якія азначаюць дату выпуску манеты; паміж імі на тарчы герб — “Przegonia”.

Адрозніваюцца рэверсы трайных грошаў каронных 1582 г., 1583 г. і 1585 г. наступным: у трайнога гроша кароннага 1582 г. *Kopicki-519* словы ў легендзе аддзелены **пяціпалесткавай** **веткай і кропкай**; у трайнога гроша кароннага 1583 г. *Kopicki-522* словы ў легендзе аддзелены **прамымі крыжыкамі**, пад датай літары “I — D” — ініцыялы Яна Дульскага [1, s. 210; 6, с. 660]. У трайнога гроша кароннага 1585 г. *Kopicki-533* словы ў легендзе аддзелены **кропкамі**, пад датай — літары “I — D”, а па баках ад гербаў — літары “N — H” — ініцыялы Нікалаўса Хэвель дэ Кальпіна (Nicolaus Hövel de Colpino), які быў мінцмайст-

рам Олькушкага манетнага двара ў часы Стэфана Баторыя [1, s. 210].

Каронныя шэлегі, траякі і дукаты Стэфана Баторыя ў 1583—1587 гг. выпускаліся і на **манетным двары Познані**. У зборы ГДГАМ толькі адна манета, выпушчаная ў часы Стэфана Баторыя на гэтым манетным двары, — **грош трайны каронны 1586 г.** *Kopicki-538* (КП-24423/1084). Афармленне аверса і рэверса падобнае да афармлення трайных грошаў, адчаканеных у Олькушы. Адрозніваецца познаньская манета ад олькушскіх наступным: дата выпуску пазначана толькі **дзвюма лічбамі** — “86”, якія знаходзяцца з аднаго боку ад герба “Przegonia”, а з другога боку ад яго — знак у выглядзе **двух перакрываючыхся сяжкоў з косым крыжыкам пад імі** (*малюнак 4*). Гэтым знакам карыстаўся мінцар Познаньскага манетнага двара ў 1584—1587 гг. і 1590—1592 гг. **Тэадор Буш** (Teodor Busch) [1, s. 212; 6, с. 630 (Т. 8—2), 643].

Вольны горад Гданьск не спыняў сваю дзейнасць нават падчас аблогі горада ў 1577 г. Манеты Стэфана Баторыя тут пачалі біць у 1578 г., калі былі выпушчаны гданьскія дэнарыі (біліся па 1586 г.), шэлегі (па 1584 г.), грошы (па 1579 г.) і дукаты (па 1588 г.). У 1579 г. і 1582 г. эмітаваліся гданьскія трайныя грошы. **Грошы гданьскія ў часы Стэфана Баторыя** выпускаліся ў **1578—1579 гг.**, абодва прадстаўлены ў зборы ГДГАМ.

Аверсы абедзвюх манет падобныя: правы профіль Стэфана Баторыя ў кароне; кругавая легенда падзелена кропкамі: “ · STEPHAN[VS] · D[EI] · G[RATIA] · REX · POLO[NIAE] · D[VX] · P[RVSSIAE] · ”.

На рэверсах аднолькавыя кругавыя легенды: “ · GROSSVS · CIVI[TATIS] · GEDANENSIS · ”. На рэверсе гроша гданьскага 1578 г. *Kopicki-7432* (КП-9804) змешчаны герб Гданьска (два крыжы пад каронай) з лічбамі даты выпуску “15” і “78” па баках; кругавая легенда ўверсе падзелена **крыжыкам**, словы аддзелены **8-канцовай і 10-канцовай зоркамі**. На рэверсе гроша гданьскага 1579 г. *Kopicki-7433* (КП-10228) (*малюнак 5*) змешчаны **на картушы** герб Гданьска (два крыжы пад каронай) з лічбамі даты выпуску “7” і “9” па баках; кругавая легенда напрыканцы мае герб “Пярсцёнак”, які належаў трымальніку Гданьскага манетнага двара ў 1578—1587 гг. **Гансу Гаэблю** (Hans Goebel) [4, s. 19]. Гданьскіх дэнарыяў,

Малюнак 2.
Грош каронны 1581 г.
Kopicki-499 (КП-24182/100).

Малюнак 4.
Грош трайны каронны познаньскі 1586 г.
Kopicki-538 (КП-24423/1084).

Малюнак 3.
Грош трайны каронны олькушскі 1586 г.
Kopicki-533 (КП-24423/1083).

Малюнак 5.
Грош гданьскі 1579 г.
Kopicki-7433 (КП-10228).

шэлегаў, трайных грошаў і дукатаў Стэфана Баторыя ў зборы ГДГАМ няма.

У 1584 г. (па Гумоўскаму — у 1585 г.) брат Ганса Гаэбля Каспар (Kaspar Goebel) адчыніў манетны двор у Мальбарку, куды пераехаў у 1587 г. пасля закрыцця Гданьскага манетнага двара. З 1591 г. ён кіраваў манетным дваром у Мальбарку і яшчэ ў 1602 г. займаў там пасаду войта [4, s. 19—20]. У 1584—1585 гг. на Мальбаркскім манетным двары былі выпушчаны шэлегі прускія Стэфана Баторыя. У 1584 г. былі выбіты прускія грошы, а ў 1585 г. — прускія трохграшовікі і дукаты. Прускія манет, выбітых у Мальбарку ў часы Стэфана Баторыя, у зборы ГДГАМ няма.

Манеты Стэфана Баторыя на Рыжскім манетным двары пачалі выпускаць яшчэ ў 1580 г. У 1581 г. Баторый захапіў Лівонію, манетны двор якой у Рызе пачаў выпуск манет па польска-літоўскай стапе. Былі выбіты шэлегі (біліся па 1586 г.) і траякі (па 1586 г.). У 1581 г. пачалі выпускаць грошы рыжскія (па 1584 г.). Толькі на працягу аднаго 1582 г. выпускалі рыжскія дэнары. З 1584 г. па 1586 г. эмітавалі рыжскія дукаты. Вядома некалькі экзэмпляраў рыжскага партугала, які выпускалі ў 1586 г.

У зборы ГДГАМ ёсць шэлег рыжскі 1584 г. *Коріcki-8074* (КП-9815).

Ав.: манаграма Стэфана Баторыя ў выглядзе літары “S” пад каронай і гербам Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы; кругавая легенда падзелена ўверсе каронай: “STEP[HANVS] · D[EI] · G[RATIA] · REX · POL[ONIAE] · ” (малюнак 6).

Рв.: на картушы герб Рыгі (перакрыжывання ключы пад крыжам) з лічбамі даты выпуску “8” і “4” па баках; кругавая легенда ўверсе падзелена наверхам картуша, напрыканцы — герб “Лілея”: “SOLIDVS · CIVI[TATIS] · RIGE[NSIS]”. Герб “Лілея” належаў Герману Вульффу (Herman Wulff), які трымаў манетны двор Рыгі ў 1582—1609 гг. [6, с. 629 (Т. 6—1), 641].

У зборы ГДГАМ ёсць 2 рыжскія грошы: 1581 г. *Коріcki-8083* (КП-24182/101) і 1582 г. *Коріcki-8085* (КП-9860) (малюнак 7). Афармленне ў іх аднолькавае.

Ав.: правы профіль Баторыя ў кароне; кругавая легенда: “STEP[HANVS] · D[EI] · G[RATIA] · REX · POL[ONIAE] · M[AGNVS] · D[VX] · LI[TVANIAE] · ”.

Рв.: герб Рыгі ў выглядзе брамы пад перакрываваемымі ключамі і крыжам, з колцамі па баках; па баках ад герба лічбы, якія азначаюць дату выпуску манеты; пад гербам лічба “1”, якая азначае намінал манеты (1 грош) з дзвюма 5-пялёсткавымі кветкамі па баках; кругавая легенда: “GROSSVS · CIVITATIS · RIG[ENSIS]”.

Адрозненні толькі ў напісанні даты выпуску. На грошы 1581 г. яны пазначаны чатырма лічбамі — “15” і “81”, а на манеце 1582 г. — дзвюма — “8” і “2”.

Трайныя грошы рыжскія Стэфана Баторыя прадстаўлены манетами 1582 г. *Коріcki-8091* (КП-24423/1090), 1583 г. *Коріcki-8092* (КП-24423/1092), 1584 г. *Коріcki-8093* (КП-24423/1123), пяццю варыянтамі манет 1585 г. *Коріcki-8094a* (КП-24423/1156), *Коріcki-8094в* (КП-24423/1162), *Коріcki-8095* (КП-24423/1130) (малюнак 8), *Коріcki-8096a* (КП-24423/1147), *Коріcki-8096в* (КП-24423/1127) і манетами 1586 г. выпуску *Коріcki-8097* (КП-24423/1218), *Коріcki-8098* (?) (КП-24423/1201).

У 1582—1584 гг. на Рыжскім манетным двары былі выбіты па адным варыянце трайных грошаў. Афармленне манет падобнае:

Ав.: правы профіль Стэфана Баторыя ў кароне; кругавая легенда: “ · STEP[HANVS] · D[EI] · G[RATIA] · REX · PO[LONIAE] · D[VX] · LI[TVANIAE] · ”.

Рв.: герб Рыгі ў выглядзе брамы пад перакрываваемымі ключамі і крыжам; па баках ад герба лічбы, якія азначаюць дату выпуску манеты; над гербам Рыгі лічба “III”, якая азначае намінал (3 грошы); легенда ў 4 радкі, словы аддзелены кропкай і колцамі: “GR — OS[SVS] / ARG[ENTVS] · TRIP[LEX] / CIVI[TATIS] · RI / GEN[ESIS] · ”. На рэверсе па баках лічбы “III”, якая азначае намінал, на манетах 1582 г. *Коріcki-8091* (КП-24423/1090) і 1584 г. *Коріcki-8093* (КП-24423/1123) выбіты дзве 5-пялёсткавыя кветкі, на манеце 1583 г. *Коріcki-8092* (КП-24423/1092) — дзве 5-канцовыя зоркі.

У манет 1585 г. выявы аверса падобныя, рэверсы ж адрозніваюцца знакамі, якія размешчаны па баках ад лічбы “III”, якая азначае намінал:

1. *Коріcki-8094a* (КП-24423/1156) — дзве 5-пялёсткавыя кветкі;
2. *Коріcki-8094в* (КП-24423/1162) — дзве 3-пялёсткавыя кветкі;
3. *Коріcki-8095* (КП-24423/1130) — два гербы “Лілея”;
4. *Коріcki-8096a* (КП-24423/1147) — два прамыя крыжыкі;
5. *Коріcki-8096в* (КП-24423/1127) — два прамыя крыжыкі і два гербы “Лілея”.

Легенда на рэверсе манеты *Коріcki-8095* (КП-24423/1130) размешчана ў 3 радкі, на астатніх манетах 1585 г. — у чатыры.

Згодна каталогу-вызначальніку Эдмунда Капіцкага трайныя рыжскія грошы ў 1586 г. былі выпушчаны двух відаў: *Коріcki-8097* (КП-24423/1218) і *Коріcki-8098*. Манеты, якія класіфікуюцца нумарам 8098, адрозніваюцца ад папярэдніх адсутнасцю лічбы

Малюнак 6.
Шэлег рыжскі 1584 г.
Коріcki-8074 (КП-9815).

Малюнак 7.
Грош рыжскі 1582 г.
Коріcki-8085 (КП-9860).

Малюнак 8.
Грош трайны рыжскі 1585 г.
Коріcki-8095 (КП-24423/1130).

“ІІІ”, якая азначае намінал, і з’яўляюцца вельмі рэдкімі (R 8). У зборы ГДГАМ ёсць некалькі трайных грошаў рыжскіх 1586 г., на рэверсе якіх адсутнічае лічба “ІІІ”. Але, пэўна, іх нельга класіфікаваць нумарам *Kopicki-8098* (КП-24423/1201), таму што, хутчэй за ўсё, лічба “ІІІ” папросту на іх сцёрта.

Найвялікшыя змены сярод тых, што адбываліся ў часы Стэфана Баторыя, закранулі манетную сістэму Вялікага княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага. Па сутнасці, яна была ліквідавана і стала аднолькавай з польскай манетнай сістэмай.

Пасля таго як у 1570 г. на Віленскім манетным двары былі выбіты апошнія дваіныя дэнары, зноў манетны станок запусцілі толькі ў 1579 г. З прычыны цяжкасцяў з наборам персаналу, набыццём абсталявання, матэрыялу і г. д. у ВКЛ у 1579 г. у Вільні выпусцілі толькі пробныя шэлегі.

На Варшаўскім сейме 5 студзеня 1580 г. кароль выдаў статут, які тычыўся ўсіх манетных двароў у Рэчы Паспалітай. Ён не толькі змяніў манетную стапу, якая існавала дагэтуль, але і адрэгуляваў прадпрымальніцкую дзейнасць адміністрацый манетных двароў. Статут зацвердзіў выпуск наступных манет: талеры, паўталеры, шасціграшовікі, грошы трайныя, грошы, паўгрошы, шэлегі, тэрнарыі і дэнарыі — кожны з наміналаў павінен быў чаканіцца згодна адпаведнай стапе. Усе гэтыя загады тычыліся толькі выпускнай срэбнай манеты.

Не ўсе наміналы, якія прадпісаў статут, былі выбіты ў Вільні. Не выбіты паўталеры, паўгрошы і тэрнарыі літоўскія. Былі выбіты: дэнарыі, шэлегі, грошы, трайныя грошы, шасціграшовікі і талеры срэбныя, а таксама залатыя дукаты. У зборы ГДГАМ адсутнічаюць літоўскія дэнарыі, грошы, шасціграшовікі, талеры і дукаты Стэфана Баторыя.

Шэлегі літоўскія ўпершыню пачалі біць у часы Стэфана Баторыя і выпускалі з 1579 г. па 1585 г. У зборы ГДГАМ гэты намінал прадстаўлены адной манетай 1581 г. *Kopicki-3348* (КП-9914):

Av.: у полі манеты — каралеўская манаграма Стэфана Баторыя ў выглядзе літары “S” з гербам Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы; кругавая легенда падзелена ўверсе каронай: “STEP[Н]A[NVS] · D[E]I · G[RATIA] · REX · POL[ONIAE]”.

Rv.: у полі манеты пад каронай — тарчы з гербамі Польшчы “Арол” і ВКЛ “Пагоня” і герб “Ляліва”; кругавая легенда ўверсе падзелена “Трыліснікам”: “SOLIDVS · MAG[NVS] · D[VX] · L[ITVANIAE] 1581” (малюнак 9). Герб “Ляліва” ў выглядзе зоркі над маладзіком (ражкамі ўверх), які належаў Яну Хлябовічу (Jan Hlebowicz), вялікаму падскарбію літоўскаму ў 1580—1583 гг. [6, с. 630 (Т. 8—12), 643]. “Трыліснік” — знак невядомага мінцмайстра, гравёра і медальера Віленскага манетнага двара з ініцыяламі “PP”, якімі пазначаліся манеты ВКЛ у 1579—1591 гг. [3, s. 102].

Малюнак 9.
Шэлег літоўскі 1581 г.
Kopicki-3348 (КП-9914).

Цікава, што на манеце ВКЛ у тытуле Стэфана Баторыя не пазначана, што ён вялікі князь літоўскі.

Грошы трайныя літоўскія Стэфана Баторыя выпускаліся ў 1580—1586 гг. і мелі найбольш разнастайнасцяў у параўнанні з іншымі наміналамі манет Віленскага манетнага двара гэтага часу. У зборы ГДГАМ гэты намінал прадстаўлены найбольш поўна. Ёсць манеты ўсіх гадоў, якія выпускаліся ў часы Стэфана Баторыя, за выключэннем найбольш рэдкіх варыянтаў.

На аверсе ўсіх трайных грошаў літоўскіх Стэфана Баторыя: правы профіль Стэфана Баторыя ў кароне; кругавая легенда пачынаецца зверху: “STEP[HANVS] · D[E]I · G[RATIA] · REX · POL[ONIAE] · M[AGNVS] · D[VX] · L[ITVANIAE]”. Менавіта так аформлены аверсы манет 1580 г. *Kopicki-3359* (КП-24423/0905), 1584 г. *Kopicki-3372* (КП-24423/1032) і *Kopicki-3373* (КП-24423/1044), 1585 г. *Kopicki-3374* (КП-24423/1045), 1586 г. *Kopicki-3379a* (КП-24423/1078) і *Kopicki-3379b* (КП-24423/1079). На аверсах гэтых манет адсутнічаюць яшчэ якія-небудзь знакі.

Асаблівасцямі ў афармленні аверсаў трайных грошаў літоўскіх Стэфана Баторыя з’яўляюцца наступныя:

1. На манеце 1580 г., якая класіфікуецца як *Kopicki-3359* (КП-24423/0905), тытул Стэфана Баторыя пазначаны як “STEP[HANVS] · D[E]I · G[RATIA] · REX · POL[ONIAE] · M[AGNVS] · D[VX] · L[ITVANIAE]”. Гэта азначае, што на манеце ВКЛ у тытуле яе ўладара не пазначана, што ён вялікі князь літоўскі.
 2. На манетах 1580—1581 гг. *Kopicki-3360* (КП-24423/0918), *Kopicki-3361* (КП-24423/0906), *Kopicki-3363* (КП-24423/0974) кругавая легенда аверса ўнізе падзелена лічбай “ІІІ”, якая азначае намінал манеты. На манетах 1580 г. *Kopicki-3360* (КП-24423/0918) і 1581 г. *Kopicki-3363* (КП-24423/0974) лічба змешчана ў авальную рамку, а на манеце 1580 г. *Kopicki-3361* (КП-24423/0906) — у фігурную.
 3. Кругавая легенда аверса на манетах 1581 г. *Kopicki-3365* (КП-24423/0954) і *Kopicki-3366* (КП-24423/0967), 1582 г. *Kopicki-3368* (КП-24423/0995) і 1583 г. *Kopicki-3370* (КП-24423/1018) ўнізе падзелена гербам вялікага падскарбія літоўскага ў 1580—1583 гг. Яна Хлябовіча “Ляліва”.
 4. Кругавая легенда аверса на манетах 1585 г. *Kopicki-3375* (КП-24423/1048); *Kopicki-3376* (КП-24423/1054) і *Kopicki-3377* (КП-24423/1050) і 1586 г. *Kopicki-3378* (КП-24423/1062) ўнізе падзелена гербам “Ліс” (у выглядзе вертыкальнай стралы з дзвюма перакладзінамі) падканцлера ВКЛ у 1585—1589 гг. Льва Сапергі [6, с. 630 (Т. 7—9), 642]. На манеце 1585 г. *Kopicki-3375* (КП-24423/1048) герб “Ліс” з перакладзінай замест стралы. На манеце 1585 г. *Kopicki-3376* (КП-24423/1054) герб “Ліс” з кароткай і доўгай перакладзінамі. На манетах 1585 г. *Kopicki-3377* (КП-24423/1050) і 1586 г. *Kopicki-3378* (КП-24423/1062) выява герба “Ліс” пададзена класічна — з аднолькавымі перакладзінамі.
- На рэверсе ўсіх трайных грошаў літоўскіх Стэфана Баторыя змешчаны: уверсе герб Польшчы “Арол” і герб ВКЛ “Пагоня”; легенда ў 3 радкі: “GROS[SVS] ·

ARG[ENTVS] / TRIP[LEX]. M[AGNI] D[VCATVS] / LIT — VA[NIAE].”; паміж лічбамі, якія азначаюць дату выпуску манеты, на тарчы — герб Баторыяў “Воўчыя зубы”.

Рэверсы трайных грошаў літоўскіх Стэфана Баторыя мелі шмат варыянтаў у сваім афармленні. Разгледзім іх па гадах выпуску.

У зборы ГДГАМ з пяці магчымых ёсць 3 варыянты трайных грошаў літоўскіх Стэфана Баторыя 1580 г.: *Коріскі-3359* (КП-24423/0905), *Коріскі-3360* (КП-24423/0918) і *Коріскі-3361* (КП-24423/0906).

На рэверсе трайнага гроша літоўскага 1580 г. *Коріскі-3359* (КП-24423/0905) уверсе змешчана лічба “III”, якая азначае намінал. Па баках ад “Арла” і “Пагоні” — **трохпялёстнікі**. Унізе, пад легендай, — лічбы “15” і “80”, якія азначаюць 1580 г. — дату выпуску манеты, паміж якімі на тарчы — герб Баторыяў “Воўчыя зубы”.

У трайных грошаў літоўскіх 1580 г. *Коріскі-3360* (КП-24423/0918) і *Коріскі-3361* (КП-24423/0906) лічба “III”, якая азначае намінал, на рэверсе адсутнічае, а ў манеты *Коріскі-3361* (КП-24423/0906) адсутнічаюць і **трохпялёстнікі** па баках ад “Арла” і “Пагоні”.

У зборы ГДГАМ ёсць 3 варыянты з чатырох трайных грошаў літоўскіх Стэфана Баторыя 1581 г.: *Коріскі-3363* (КП-24423/0974), *Коріскі-3365* (КП-24423/0954), а таксама *Коріскі-3366* (КП-24423/0967), які адносіцца да вельмі рэдкіх (R 7) (*малюнак 10*). Лічба “III”, якая азначае намінал, змешчана ўверсе на рэверсах трох манет. Герб Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы з лічбамі “15” і “81” па баках на манеце *Коріскі-3363* (КП-24423/0974) змешчаны пад легендай, а на трайных грошах літоўскіх *Коріскі-3365* (КП-24423/0954) і *Коріскі-3366* (КП-24423/0967) — пад “Арлом” і “Пагоняй”. На манеце *Коріскі-3366* (КП-24423/0967) паміж “Арлом” і “Пагоняй” змешчаны “Лісцік” — знак невядомага гравёра, медальера і мінцмайстра Віленскага манетнага двара ў 1579—1591 гг. з ініцыяламі “PP” [3, s. 102].

У зборы ГДГАМ ёсць па адным варыянце трайных грошаў літоўскіх з двух варыянтаў, выбітых у 1582 г., *Коріскі-3368* (КП-24423/0995) і з трох варыянтаў, выбітых у 1583 г., *Коріскі-3370* (КП-24423/1018). На рэверсах гэтых манет лічба “III”, якая азначае намінал, змешчана ўверсе, а герб Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы з лічбамі даты выпуску манеты — пад “Арлом” і “Пагоняй”.

У зборы ГДГАМ ёсць абодва варыянты трайных грошаў літоўскіх, выбітых у 1584 г. На іх, як і на папярэдніх, лічба “III”, якая азначае намінал, змешчана ўверсе, а герб Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы з лічбамі даты выпуску манеты па баках — пад “Арлом” і “Пагоняй”. На манеце *Коріскі-3372* (КП-24423/1032) герб Баторыяў “Воўчыя зубы”, як і ўсе вышэйапісаныя варыянты трайных грошаў літоўскіх, не мае кароны, а на манеце *Коріскі-3373* (КП-24423/1044), як і на ўсіх трайных грошах літоўскіх 1585 г. і 1586 г., яна ўжо ёсць. На трайным грошы літоўскім *Коріскі-3373* (КП-24423/1044) унізе змешчаны 2 сэрцападобныя лісцікі на галінках — знак невядомага мінцмайстра Віленскага манетнага двара ў 1579—1591 гг. з ініцыяламі “PP”.

У зборы ГДГАМ ёсць усе 4 варыянты трайных грошаў літоўскіх, выбітых у 1585 г.: *Коріскі-3374* (КП-

24423/1045), *Коріскі-3375* (КП-24423/1048), *Коріскі-3376* (КП-24423/1054) і *Коріскі-3377* (КП-24423/1050). Адрозненні ў гэтых манет толькі на аверсах. Рэверсы ж у іх аднолькавыя: лічба “III”, якая азначае намінал, змешчана ўверсе, а герб Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы пад каронай з лічбамі даты выпуску манеты “15” і “85” па баках — пад “Арлом” і “Пагоняй”. Унізе, пад легендай, змешчаны 2 сэрцападобныя лісцікі — на галінках.

У зборы ГДГАМ ёсць усе 3 варыянты трайных грошаў літоўскіх, выбітых у 1586 г.: *Коріскі-3378* (КП-24423/1062), *Коріскі-3379а* (КП-24423/1078) і *Коріскі-3379в* (КП-24423/1079). Рэверсы ў іх амаль аднолькавыя: лічба “III”, якая азначае намінал, змешчана ўверсе, а герб Баторыяў “Воўчыя зубы” на тарчы пад каронай з лічбамі даты выпуску манеты “15” і “86” па баках — пад “Арлом” і “Пагоняй”. Унізе, пад легендай, змешчаны 2 сэрцападобныя лісцікі. На манеце *Коріскі-3378* (КП-24423/1062) лісцікі на галінках, а на манетах *Коріскі-3379а* (КП-24423/1078) і *Коріскі-3379в* (КП-24423/1079) — без галінак. Манеты *Коріскі-3379а* (КП-24423/1078) і *Коріскі-3379в* (КП-24423/1079) адрозніваюцца толькі дыяметрам. Дыяметр манеты *Коріскі-3379а* (КП-24423/1078) — 19,1 мм, а манеты *Коріскі-3379в* (КП-24423/1079) — 20,7 мм.

Вядомыя дзвудэнарыі 1578—1579 гг. з манаграмай Стэфана Баторыя на адным баку і “Пагоняй” ВКЛ — на другім. У зборы ГДГАМ ёсць такі дзвудэнарый літоўскі 1579 г. *Коріскі-4004* (КП-56467). Пад каралеўскай манаграмай змешчаны герб Готарда Кетлера (Gotard Kettler) — **конскія цуглі**, што сведчыць аб тым, што гэта манета не літоўская, а **курляндская**, зробленая на манетным двары ў Мітаве па аналогіі з дзвудэнарыямі Жыгімонта Аўгуста (*малюнак 11*). Не маглі гэтыя манеты быць выбітымі ў Вільні яшчэ і таму, што маюць на штэмпелі толькі выяву “Пагоні”, а не “Арла” і “Пагоні”, што было абавязковым для манет ВКЛ з часоў Люблінскай уніі.

Пасля замацавання Стэфана Баторыя на троне караля Рэчы Паспалітай, ва ўмовах, калі працягвалася Лівонская вайна, усходні накірунак знешняй палітыкі становіцца галоўным. Гародня з усіх буйных гарадоў ВКЛ, за выключэннем занятага тады маскоўскім войскам Полацка, была бліжэй размешчана да старажытных шляхоў у Інфлянты (Лівонія). Да таго ж кароль імкнуўся палепшыць адносіны паміж Ка-

Малюнак 10.
Грош трайны літоўскі 1581 г.
Коріскі-3366 (КП-24423/0967).

Малюнак 11.
Дзвудэнарый літоўскі 1579 г.
Коріскі-4004 (КП-56467).

ронай і Княствам. Гэта і стала прычынай пераносу каралеўскай рэзідэнцыі з Кракава ў Гародню ў 1579 г. Горад на нейкі час становіцца неафіцыйнай сталіцай не толькі ВКЛ, але і ўсёй Рэчы Паспалітай. Адсюль ідуць шматлікія прывілеі, загады аб скліканні войска і іншыя афіцыйныя дакументы. Тут распрацоўваліся планы новых ваенных паходаў на Усход.

Кароль быў уражаны прыгажосцю Гародні і яе ваколіц. Ні адзін з каралёў польскіх і вялікіх князёў літоўскіх не надаваў столькі ўвагі развіццю і дабрабыту Гародні, як Стэфан Баторый. Нездарма не толькі яго сучаснікі, але і іх нашчадкі называлі Гародню “горадам Баторыя”.

Стэфан Баторый у 1576 г. пацвердзіў усе прывілеі, падараваныя раней Гародні вялікімі князямі літоўскімі. Такім чынам, юрыдычна было замацавана становішча горада як аднаго з важных цэнтраў дзяржавы. Замест гатычнага замка Вітаўта для сваёй рэзідэнцыі Стэфан Баторый загадаў пабудаваць замак у стылі рэнесанс. У Гародню былі запрошаны архітэктары, будаўнікі і рамеснікі з іншых гарадоў ВКЛ і з-за мяжы. Узначаліў будаўніцтва дойлід Санці Гучы з Фларэнцыі. У 1580 г. замак быў перабудаваны і прытасаваны не толькі для абарончых мэт, але і для пражывання. Урэшце, у 1585 г. Стэфан Баторый прыбыў у Гародню на доўгі час. Афіцыйна — каб кіраваць упрыгожваннем замка, а фактычна — каб рыхтаваць новую вайну супраць Маскоўскай дзяржавы. Тут, у Гародні, 12 снежня 1586 г. Стэфан Баторый памёр. На думку яго асабістага лекара Шымона Сымоніуса — ад пнеўманіі і сардэчнай недастатковасці. Паўтары гады астанкі караля знаходзіліся ў яго любімым горадзе. Потым, насуперак яго волі, бо ён хацеў быць пахаваным у Гародні, 29 красавіка 1588 г. жалобны картэж рушыў праз Варшаву у Кракаў. Там 24 мая 1588 г. астанкі караля былі пахаваны ў Вавельскім замку [4, с. 24—27].

За некалькі стагоддзяў свайго існавання гарадзенскі замак Стэфана Баторыя шмат пацярпеў падчас руска-польскай вайны і шведскага нашэсця сярдзіны XVII ст., а таксама падчас Паўночнай вайны 1700—1721 гг. У 1706 г. і 1708 г. ён быў зруйнаваны шведамі. У 1729 г. яго будынкі з боку Нёмана абрынуліся ў раку, а ў 1735 г. страты нанеслі моцны пажар.

У 1729 г. у сувязі з правядзеннем у Гародні кожнага трэцяга сейма Рэчы Паспалітай было прынята рашэнне аб узвядзенні новай каралеўскай рэзідэнцыі на Ніжнім замку, побач з гарадзенскай Замкавай гарой. У Старым замку Стэфана Баторыя быў зроблены буйны рамонт, пасля якога ў ім размясцілі частку каралеўскай світы і розныя службы. Пасля 3-га падзелу Рэчы Паспалітай і ад’езду Станіслава Аўгуста Панятоўскага з Гародні ў Санкт-Пецярбург у Старым замку Стэфана Баторыя адбылася чарговая рэканструкцыя, у выніку якой дэкор фасадаў палаца быў знішчаны.

У Старым замку з 1930 г. месціцца Гродзенскі дзяржаўны гісторыка-археалагічны музей. З таго часу выгляд палаца практычна не змяніўся. У 2008 г. быў зацверджаны план рэканструкцыі Старога замка, якую будучы праводзіць згодна праекту, створанаму архітэктарам У. Бачковым. У выніку рэканструкцыі замак зноў будзе выглядаць амаль як у часы Стэфана Баторыя.

Усяго у зборы ГДГАМ налічваецца 383 манеты (39 варыянтаў) часоў Стэфана Баторыя, выпушчаныя на манетных дварах у Олькушы, Познані, Гданьску, Рызе, Вільні і Мітаве. З іх толькі 13 манет адзінкавыя. Гэта КП-9804, КП-9815, КП-9860, КП-9883, КП-9889, КП-9900, КП-9902, КП-9914, КП-9916, КП-9973, КП-10228, КП-10235/23 і КП-56467. Астатнія ўваходзілі ў склад двух скарбаў. Тры манеты, КП-24182/099—101, паходзяць са скарба, знойдзенага ў 1953 г. на беразе Нёмана ля вёскі Дубна (усяго ў скарбе 395 манет). Астатнія 367 манет з’яўляюцца часткай скарба манет XVI ст., знойдзенага ля вёскі Баяры Гродзенскай вобласці ў чэрвені 1954 г. на глыбіні 10 см ад паверхні зямлі. Гэты скарб з уліковым нумарам КП-24423 складаецца з 1660 манет.

Данае даследаванне манет Стэфана Баторыя ў зборы Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея можа выкарыстоўвацца пры паўненні калекцыі нумізматыкі ГДГАМ.

(Аўтар выказвае падзяку за дапамогу падчас збору матэрыялаў і падрыхтоўкі данага артыкула супрацоўнікам АРКіС ГДГАМ Л.В. Фёдаравай і А.А. Данілевіч.)

Спіс літаратуры:

1. Szwaagrzyk, J.A. Pieniądz na ziemiach Polskich X — XX w. / Józef Andrzej Szwaagrzyk. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1973. — 360 s. + tablice.
2. Kopicki, E. Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z Polską związanymi / Edmund Kopicki. — Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. Zarząd główny. — Warszawa, 1995.
3. Gumowski, M. Mennica Wileńska w XVI i XVII wieku. Tom II / M. Gumowski. — Warszawa, 1921. — 200 s.
4. Gumowski, M. Medale Stefana Batorego / Marian Gumowski. — Kraków, 1913. — 64 s.
5. Грыцкевіч, А. Стэфан Баторый і Гародня // *Беларускі гістарычны часопіс*, 1994. — № 4. — С. 22—27.
6. Рябцевіч, В.Н. Нумізматыка Беларусі / В.Н. Рябцевіч. — Мінск: Полымя, 1995. — 687 с.

Комплексы бон — депозиты периода Гражданской войны и интервенции

Юлия ЛАТУШКОВА

Старший научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь

Основа большинства коллекций Национального исторического музея Республики Беларусь заложена в 1957 г. сотрудниками созданной организационной группы краеведческого музея (позже музей был несколько раз переименован). В состав орггруппы вошли энтузиасты, поставившие своей целью формирование музейного фонда, по возможности полно отражающего историю страны. Одним из сотрудников, стоявших у истоков музея, был В. Рябцевич. Благодаря его активной работе уже в первые годы существования музей приобрел несколько интересных монетных кладов. Не остались вне поля зрения сотрудников отдельные монеты и бонны.

Именно сотрудники орггруппы музея начали формирование коллекции “Бонистика”, которая к моменту его открытия (1967 г.) насчитывала более 4000 единиц хранения (более 3700 единиц — основной фонд). В настоящее время основной фонд данной коллекции насчитывает более 5000 единиц хранения. Она включает в себя бумажные денежные знаки, ценные бумаги, лотерейные билеты, знаки пожертвований. Основную ее часть составляют бумажные денежные знаки — более 4000 единиц.

Специфика музея, создававшегося изначально как краеведческий, обусловила и основные направления комплектования коллекции бонистики. В музей поступали отдельные денежные знаки, вышедшие из обращения и сохранившиеся у населения, реже — частные коллекции. Поэтому основную часть собрания составляют денежные знаки Российской империи, России, РСФСР, СССР, Польши и Германии, в разное время находившиеся в денежном обращении на территории Беларуси (*рисунок*).

К сожалению, длительное время коллекция бонистики не была востребована в выставочной и научной работе музея. Это объясняется тем, что до начала 1990-х гг. бонистика на территории СССР развивалась усилиями коллекционеров-любителей, которых было не так уж и много. Недостаточно выпускалось и литературы, а найти ее, не говоря уж о том, чтобы приобрести, было фактически невозможно. Без специалистов, к которым можно обратиться за помощью, без каталогов и Интернета плодотворная работа со столь крупной коллекцией была невозможна.

В последние годы ситуация изменилась. Возникли объединения бонистов, проводятся конференции, появились и литература, и возможность консультаций со специалистами, что значительно облегчило работу как в целом с коллекцией бонистики, так и с отдельными предметами, входящими в ее состав. Так, за последние годы проведен анализ коллекции, уточнена атрибуция ряда предметов, благодаря новой литературе удалось уточнить место и дату выпуска многих денежных знаков.

При проведении анализа коллекции внимание привлекли три акта поступления, три комплекса. Все они были найдены в разное время в Минске (адреса строений приводятся на момент находки).

Комплекс № 1. Обнаружен в Минске по ул. Чкалова, д. 6 в 1965 г., в доме частной застройки, при разборке строения для его перевозки в другой населенный пункт. Более подробной информации об условиях находки в акте не зафиксировано. Не указано, были ли упакованы денежные знаки, в какой части дома

Состав коллекции "Бонистика"

Рисунок

они обнаружены. Комплекс содержал следующие денежные знаки (всего 566 единиц).

1. Государственные Кредитные билеты Российской империи (далее — “царские”, “николаевские”) номиналом:

- 500 руб. образца 1912 г. — 5 ед. (все за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.);
- 100 руб. образца 1910 г. — 5 ед. (из них: 4 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; 1 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 50 руб. образца 1899 г. — 2 ед. (все за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.);
- 25 руб. образца 1909 г. — 11 ед. (из них: 9 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; 2 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 10 руб. образца 1909 г. — 58 ед. (из них: 48 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; 10 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 5 руб. образца 1909 г. — 65 ед. (из них: 56 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; в том числе: 41 купюра — упрощенные номера, выпуск после 1915 г.; 9 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.);
- 3 руб. образца 1905 г. — 47 ед. (из них: 26 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; в том числе: 4 ед. — выпуск Российской империи, до 1917 г.; 9 ед. — Временного правительства; 13 ед. — советской власти; 20 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1910 г. — апрель 1914 г.; 1 ед. — за подписью С. Тимашева, выпуск 1905—1909 гг.);
- 1 руб. образца 1898 г. — 95 ед. (из них: 93 ед. — за подписью И. Шипова, выпущены после апреля 1914 г.; в том числе: 17 ед. — полные номера, выпуск до 1915 г.; 74 ед. — упрощенные номера, выпуск после 1915 г.; в том числе: 11 ед. — выпуск Российской империи, до

1917 г.; 19 ед. — Временного правительства; 44 ед. — советской власти; 2 ед. — за подписью Э. Плесске, выпуск 1898—1903 гг.);

- бумажный разменный казначейский знак (билет) номиналом 50 коп. образца 1915 г. — 13 ед.

2. Государственные Кредитные билеты России номиналом (далее — “думские”):

- 5000 руб. образца 1918 г. — 1 ед.;
- 1000 руб. образца 1917 г. — 2 ед.;
- 250 руб. образца 1917 г. — 8 ед., 1918 г. — 1 ед.;
- 10 руб. образца 1918 г. — 1 ед.

3. Казначейские знаки (далее — “керенки”) номиналом:

- 20 руб. образца 1917 г. — 246 ед.;
- 40 руб. образца 1917 г. — 36 ед.

Исходя из полного отсутствия в комплексе денежных знаков Польши и Германии, а также учитывая высокий процент казначейских знаков (“керенок”) и мелких номиналов “царских” купюр, можно предположить, что комплекс сокрыт примерно в 1918 г.

Комплекс № 2. Поступил в музей в июне 1966 г., был найден в Минске, в доме по ул. Захарова, 28. Можно предположить, что он обнаружен при сносе либо реконструкции здания, но более подробная информация об обстоятельствах находки, месте, упаковке и т.д. в акте приема не зафиксирована. Комплекс содержал следующие денежные знаки (всего 57 единиц).

1. Государственные Кредитные билеты Российской империи номиналом:

- 500 руб. образца 1912 г. — 10 ед.;
- 100 руб. образца 1910 г. — 1 ед.;
- 10 руб. образца 1909 г. — 38 ед.

2. Государственный Кредитный билет России номиналом 1000 руб. образца 1917 г.

3. Билеты польской краевой кассы потребительской номиналом:

- 100 польских марок образца 15.02.1919—4 ед., 23.08.1919—1 ед.;
- 20 польских марок образца 17.05.1919—1 ед.;
- 10 польских марок образца 23.08.1919—1 ед.

Все Государственные Кредитные билеты Российской империи, входящие в этот комплекс, имеют подпись Управляющего Государственным банком И. Шипова (то есть выпущены после 1914 г.).

Учитывая высокий процент 10-рублевков и относительно малый процент “царских” купюр высоких номиналов, можно предположить, что данный комплекс сокрыт в период с сентября 1919 г. по март 1920 г., в конце весны уровень цен существенно вырос, и в котировках валют указываются в основном “царские” купюры крупных номиналов.

Комплекс № 3. Поступил в музей в августе 1985 г., найден в Минске по ул. Коммунистической, 84, под крышей дома. Обстоятельства находки зафиксированы в акте приема: денежные знаки были завернуты вместе с вексельной бумагой (бланк на сумму до 400 руб. Российской империи образца 1913 г. по цене 60 коп.) и документом (“Приказ № 8 Народного Комиссариата Продовольствия Белоруссии. г. Минск, 8 марта 1921 года”) в носовой платок фабричной ткани и упакованы в металлическую банку из-под какао. Комплекс содержал следующие денежные знаки (всего 67 единиц).

1. Государственные Кредитные билеты Российской империи номиналом:
 - 500 руб. образца 1912 г. — 12 ед. (из них: 1 ед. — за подписью А. Коншина, выпуск 1912—1914 гг.; 11 ед. — за подписью И. Шипова, выпуск после 1914 г.);
 - 100 руб. образца 1910 г. — 18 ед. (6 ед. — за подписью А. Коншина; 12 ед. — И. Шипова).
2. Государственные Кредитные билеты России номиналом:
 - 1000 руб. образца 1917 г. — 1 ед.;
 - 250 руб. образца 1917 г. — 2 ед.
3. Билеты польской краевой потребительской кассы номиналом:
 - 100 польских марок образца 23.08.1919 — 1 ед.;
 - 20 польских марок образца 17.05.1919 — 3 ед.;
 - 5 польских марок образца 17.05.1919 — 10 ед.;
 - 23.08.1919 — 12 ед.
4. Денежные знаки Варшавского генерал-губернаторства номиналом 1/2 марки образца 09.12.1916 — 2 ед.

Данный комплекс датирует документ, упакованный вместе с денежными знаками — уже упомянутый “Приказ № 8 Народного Комиссариата Продовольствия Белоруссии. г. Минск, 8 марта 1921 года”. Следовательно, комплекс сокрыт уже после марта 1921 г., при советской власти.

Таким образом, все три комплекса сокрыты после 1917 г. и содержат высокий процент “царских” (“николаевских”) денежных знаков, в основном — купюры за подписью Управляющего Государственным банком И. Шипова (занимал пост Управляющего с 14.04.1914 по 24.11.1917; купюры за его подписью выпускались до 1921 г.). *Комплекс № 1* выделяется полным отсутствием бон Польши и Германии и высоким содержанием “керенок”. Как уже говорилось, можно предположить, что он был сокрыт ранее двух

других, а именно примерно в 1918 г. *Комплексы № 2* и *3* близки по составу, содержат относительно высокий процент польских денежных знаков и “царских” купюр. “Думские” во всех трех комплексах идут лишь как незначительная примесь.

Ни в одном из трех комплексов нет советских расчетных знаков. И это не удивительно. Ведь, как правило, тезаврируют денежные знаки, к которым испытывают доверие (согласно закону Грэшема — Коперника “плохие” деньги вытесняют из обращения “хорошие”).

В перечне котировок валют Минской биржи второй половины 1919 г. — марта 1920 г. фигурируют: “царские” рубли, польские марки крупных номиналов (от 100), “думские”, “керенки”, “совзнаки”, ост-рубли, немецкие марки, карбованцы, доллары, франки, фунты стерлингов. Подробно расписаны котировки на “царские”: отдельно упоминаются купюры номиналом в 500 и 100 руб., “мелкие”, “новые”, “ветхие”. Указываются также отсутствие спроса либо низкий спрос на “керенки” и “совзнаки”¹. В конце мая 1920 г. в публикуемых котировках валют фигурируют “царские” 500 руб., 1000-рублевки “думские”, 100 немецких марок, франки, доллары, фунты стерлингов. Расчеты приводятся в царских рублях и польских марках.

Легко объяснимо нежелание населения принимать “керенки”: мелкие размеры, низкое качество оформления, необходимость самим разрезать листы, равно, как и колоссальное количество подделок, вызвали вполне понятное недоверие к ним. Естественно и отсутствие спроса на “совзнаки” — воспринимались населением как деньги ненадежные, региональные, имеющие сбыт и цену только на территории “под советами”. В остальных местах хранение и сбыт этой валюты были сопряжены с серьезными сложностями. Сама же советская власть представлялась явлением временным, преходящим. Часто “совзнаки” совсем не упоминаются в перечне валют.

Депозиты бумажных денег для Беларуси — феномен новейшего времени. Основная масса подобных комплексов сокрыта с 1917 г. по 1922 г., в период стремительного, небывалого роста инфляции. Исходя из самого определения бумажных денег как номинальных знаков стоимости, наделенных принудительным курсом и не имеющих самостоятельной стоимости (приобретают представительную стоимость лишь в процессе обращения), тезаврирование бумажных денег в период высокой инфляции — нонсенс.

Более того, из истории экономики известно, что бумажные деньги обесцениваются в случае потери доверия населения к правительству, вплоть до отказа принимать их в платежи по номиналу. В период гиперинфляции деньги, как средство накопления, теряют свою привлекательность, несмотря на их высокую ликвидность. При гиперинфляции национальная валюта может частично не использоваться как средство накопления и мера стоимости. Люди сразу обменивают деньги своего государства на устойчивую валюту. После этого устойчивую иностранную валюту они обменивают на национальные деньги по мере возникновения необходимости в совершении покупок.

¹ “Варшавская биржа за 24 сентября” // *Минский курьер*. 28 сентября 1919 г.

В ситуации, сложившейся в период Гражданской войны и интервенции, на территории нашей страны роль устойчивой валюты, как это ни странно на первый взгляд, была отдана населением “царским” (“николаевским”) деньгам — Государственным Кредитным билетам Российской империи. Данные купюры наиболее высоко котировались на внутреннем рынке, отличались устойчивым спросом на них на бирже.

В чем же причины популярности “царских” купюр? Правительство, эмитировавшее их, — низложено, государство — уничтожено. Но при этом и Временное, и советское правительства продолжают печатать значительные партии “царских” рублей. Эмиссии их продолжались вплоть до 1919 г. (мелкие номиналы) и 1921 г. (крупные купюры)².

Оккупационные власти охотно принимают “царские” купюры в платежи. В некоторых случаях возникают проблемные ситуации. Так, в местных средних школах плату за обучение требуют в царской валюте, а родители учеников получают зарплату в польских марках³. Иностранцы и варшавские купцы требовали оплату за товары только в царской или зарубежной валюте, однако ряд товаров первой необходимости продавались только за “царские”⁴.

Еще одной причиной популярности “царских” купюр стало то, что их принимали по всей территории бывшей Российской империи, причем часто по завышенному курсу. В ситуации, сложившейся в данный период на территории Беларуси, это было важно, так как во время польской интервенции многие квалифицированные специалисты и рабочие выехали за пределы оккупированных территорий, оставив там, по разным причинам, свои семьи. Например, Иосиф Голубев — столяр мастерских Минского депо Александровской железной дороги, коммунист, выехал из оккупированного Минска, но оставил в нем большую семью, вынужден был передавать ей деньги именно в царской валюте, о чем пишет в своем дневнике. Так, в записи от 7 ноября 1919 г., станция Славное, он пишет: “Приготовил письмо семейству и деньги 200 руб. николаевскими, потому что там советские без цены”. В записи от 2 февраля 1920 г.: “А меня то сильно печалит, что мало николаевских денег расстарался, всего одну тысячу, да керенок тысячу, а там (в Минске) она идет всего за 100 руб., а советских совсем нету. А где взять этих проклятых николаевских денег, когда нам дают только советскими?”. Еще одна запись от 11 марта 1920 г., четверг, станция Орша: “В первую очередь продал соль, намерен получить николаевскими, чтобы детям перепроводить. Оказалось, что получить их невозможно, даже в малом количестве, поневоле пришлось получить советскими. За 27 ф. соли получил 13 500 руб., а детям послать нечего”⁵.

В подобной ситуации оказались и были вынуждены так поступать очень многие. Таким образом, деньги, эмитировавшиеся, по сути, советской властью, продолжали поступать под эгидой “николаевских” на оккупированную территорию и принимать самое ак-

тивное участие в денежном обращении, в том числе тезаврироваться населением. При частой смене власти они оказывались наиболее безопасными и надежными, отличались высоким качеством полиграфии и бумага, их сложнее было подделать. И в отличие от выпусков местных властей эти деньги принимались на всем пространстве бывшей Российской империи.

Если с “николаевскими” купюрами более-менее понятно, то как объяснить тезаврацию польских марок, официально выведенных из обращения на территории, освобожденной от польской армии и перешедшей под советскую власть? “Приказ № 8 Народного Комиссариата Продовольствия Белоруссии. г. Минск, 8 марта 1921 года”, сокрытый вместе с комплексом № 3, недвусмысленно датирует его — самое раннее мартом 1921 г. А ведь уже 31 августа 1920 г., сразу после временного установления советской власти, был обнародован приказ Минской Чрезвычайной комиссии о сдаче польских марок в Казначейство и репрессивных мерах в случае его невыполнения⁶. Политика советской власти в отношении польских марок после окончательного освобождения Минска и прекращения боевых действий на советско-польском фронте осталась в целом прежней. Что могло побудить горожанина продолжать хранить знаки, не только вышедшие из обращения, но и небезопасные в случае обнаружения властями? В данном случае можно лишь отметить, что доверие к деньгам — доверие к правительству. Хранение польских марок показывает как мнение минского обывателя в 1921 г. о крепости и котировке “совзнаков”, так и его отношение к новой власти. Приученные к ее частой смене в недавнем прошлом и тревожной жизни в “приграничной столице” в своем настоящем (советско-польская граница по Рижскому мирному договору прошла в непосредственной близости от Минска), минчане не спешили избавляться от польских марок, приберегая их, несмотря на все распоряжения и заявления советских органов власти.

Следует отметить, что комплексы-депозиты бумажных денег новейшего времени лишь недавно привлекли внимание исследователей. С одной стороны, в отличие от кладов монет здесь не приходится ждать сенсационных находок. В основном они содержат наиболее популярные у населения купюры. С другой — материальная ценность подобных комплексов невысока. Все это, равно, как и относительная “свежесть” событий, вызывало часто пренебрежительное отношение к ним не только со стороны коллекционеров, но и со стороны ученых и музейных работников. В лучшем случае подобные комплексы включались в музейное собрание, как правило, без фиксации обстоятельств находки. К счастью, в настоящее время ситуация изменилась.

Комплексы — депозиты бумажных денежных знаков являются ценным источником в изучении истории денежного обращения и экономики нового и новейшего времени и требуют исследования наравне с монетнымикладами.

² *Наше денежное обращение. Сборник материалов по истории денежного обращения в 1914—1925 гг. / Под ред. проф. Л.Н. Юровского. М., 1926.*

³ “У тутэйшых сярэдных школах” // *Беларусь. 1920.*

⁴ “Многіе прыватныя і грамадзянскія ўстановы” // *Беларусь. 1920.*

⁵ *Счастье мое. Дневники Иосифа Голубева 1916 — 1923 гг. — Минск, 2002. С. 290, 321, 333.*

⁶ *Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси. — Минск, 1995. С. 323.*

Из истории собирательства монет на Могилевщине

Начальный этап развития нумизматики на Могилевщине, как и в целом в Беларуси, был связан с любительским собирательством богатой знати. И если в западных регионах Великого княжества Литовского первые крупные собрания произведений искусства и древностей, в том числе коллекции монет, появляются в XVI в. [8, с. 31; 9, с. 21; 6, с. 16] или XVII в. [21, с. 5—6], то в восточных землях нумизматические кабинеты возникают значительно позднее.

Так, богатством и разнообразием отличалась коллекция (в том числе нумизматическая) в местечке Гомель Белицкого уезда Могилевской губернии. Ее владельцем был “энтузиаст изучения древностей” [9, с. 25] граф Н.П. Румянцев (1754—1826), который, по мнению В.Н. Рябцевича, был “первым собирателем старинных монет в Белоруссии” [22, с. 170].

В гомельское собрание входили “целые клады и отдельные монеты, которые были выявлены на территории Белоруссии” [9, с. 78], в том числе клад кофических дирхемов, найденный в Гомеле в 1822 г. [2, с. 179; 21, с. 6]. Вывезенная в Петербург коллекция стала основой созданного в 1831 г. Румянцевского музея [9, с. 109], а книжное собрание, как известно, положило начало Российской государственной библиотеке в Москве [32, с. 132].

Следующий владелец Гомеля — граф И.Ф. Паскевич (1782—1856) также собрал в своем дворце обширную и разнообразную коллекцию произведений живописи, декоративно-прикладного искусства начиная с античных времен [9, с. 78], а также “коллекцию из нескольких тысяч монет различных стран и эпох” [22, с. 170].

Первые упоминания о собраниях монет могилевских учебных заведений относятся к 1809—1850 гг. В отчетах Могилевской мужской гимназии (в 1789—1809 гг. — Главной четырехклассное народное училище) упоминается, что в кабинете естественных наук наряду с гербарием, раковинами и прочим “по нумизматике есть малое собрание монет медных и серебряных, в числе 191” [24, с. 212; 6, с. 64, 107]. Краткие сведения об имеющихся монетах есть также по Климовичской мужской гимназии и Мстиславской духовной семинарии [6, с. 66].

С накоплением нумизматического материала неизбежно возникла необходимость его обработки и исследования. В первой половине — середине XIX в. появляются публикации по литовской нумизматике. Одна из таких работ — “Монетное дело в Литве” была издана в 1869 г. Ее автор — Адам-Ганорий Киркор (1818—1886), историк, археолог, краевед, уроженец Климовичского уезда Могилевской губернии [10].

Первые публикации в Могилеве на основе местных монетных находок принадлежат М.В. Фурсову и Е.Р. Романову.

М.В. Фурсов (1825—1901) — историк, директор Могилевской мужской гимназии, редактор неофициальной части “Могилевских губернских ведомостей”, является автором двух изданий “Описания Могилевского музея” (1891 г. и 1898 г.) [30; 31]. В историческом отделе каталога содержится перечень монет, хранящихся в музее, что в определенной степени позволяет реконструировать нумизматическую часть первого музейного собрания.

Е.Р. Романов (1855—1922) стоял у истоков музейного дела на Могилевщине. Занимаясь изучением археологических памятников, работая над составлением археологической карты Могилевской губернии, он одновременно фиксировал сведения о монетных находках, которые упоминались затем в некоторых из его работ. Это видно как из архивных источников [16, с. 36—37], так и из публикаций. В 1898—1900 гг. на страницах “Могилевских губернских ведомостей” были опубликованы пять заметок Е. Романова о монетных кладах [3, с. 287—289].

Первый музей в Могилеве был основан 15 ноября 1867 г. при губернском статистическом комитете. Нумизматические находки стали поступать в музей, видимо, с начала 1870-х гг. К 1910 г. в отчете зафиксировано “до 746 номеров старинных монет, вещей ...” [15, с. 84].

В 1897 г. в Могилеве было открыто Епархиальное древлехранилище, которое с 1904 г. стало публичным, а в 1916 г. было переименовано в Могилевский музей церковно-патриотических древностей [13, с. 1]. Инициатива создания древлехранилища принадлежала инспектору народных училищ Могилевской губернии Е.Р. Романову [14.1897 (часть неофиц.): № 33, с. 461]. В этом музее был и нумизматический отдел, расположенный в “палате слева от входа” [13, с. 5]. Правда, никаких конкретных сведений о его составе путеводитель не содержит. “Собранные в этом отделе кресты, ордена, медали, жетоны и печати напоминают о выдающихся событиях, лицах и учреждениях религиозной, церковной, политической, военной и общественной жизни России и Западного края. Денежные знаки принадлежат многим главнейшим государствам древнего и нового времени; русские монеты имеются от времени всех царствований Дома Романовых” [13, с. 5]. Более конкретные сведения можно найти в перечнях поступлений предметов для древлехранилища, опубликованных в 1898 г. В частности, тогда поступили “... от Е.Р. Романова: медные рус-

¹ Эта работа не упоминается ни в Библиографии литовской нумизматики [Remecas, E. Lietuvos numizmatikos bibliografija, 1815—1999. — Vilnius LMN, 2001], ни в энциклопедии “Археологія і нумізматыка Беларусі”.

ские монеты XVIII в. числом 88 (№ 437) [14.1898 (часть неофиц.): № 15—16, с. 125].

Таким образом, ни в одном из могилевских музеев не было серьезного монетного собрания, хотя отдельные, и весьма важные, нумизматические памятники имелись.

Во всех музейных отчетах тех лет сообщалось, что “вследствие отсутствия средств, музей не может обогащаться интересными предметами, кроме приносимых кем-либо в дар” [15, с. 301], либо “древлехранилище испытывает крайнюю нужду и в средствах материальных, необходимых для его благоустройства” [14.1897 (часть неофиц.): № 33, с. 463].

Как известно, по существовавшему в то время порядку найденные предметы археологии и клады монет вначале направлялись в Императорскую археологическую комиссию. Наиболее ценные из них оставались в столице, некоторые возвращались назад, часть монет шла в переплавку. Для учета и описания монетных находок такой централизованный подход имел положительное значение. Однако направленные в Петербург предметы крайне редко возвращались в провинциальные музеи. Так, М.В. Фурсов отмечал, что найденный в 1885 г. “на дороге в местечко Горы Чаусского уезда” новгородский слиток “по требованию Археологической Комиссии отослан ей и не возвращен” [30, с. 46; 31, с. 50].

Важными памятниками нумизматики, хранившимися в Могилеве, были части средневековых кладов XI в. из имения Поречье помещика Хоментовского в Оршанском уезде², а также д. Стражевичи Сенненского уезда [12, с. 95—97: № 45, 46; 17, с. 68—69: № 86, 87].

В 1919 г. все сохранившиеся ценности из дореволюционных музеев были собраны в Губернском историческом музее, который в 1924 г. получил статус отделения Белорусского государственного музея, а с 1928 г. был переименован в “Беларускі Дзяржаўны Акруговы Краязнаўчы Музей” [5, с. 30—32, 80].

По словам известного могилевского краеведа И.И. Филипповича (1912—1998), работавшего в музее в 1930—1933 гг., “... после революции экспозиция и фонды музея пополнились предметами живописи, скульптуры, графики, обстановки за счет изъятия их из особняков помещиков, дворянства, духовенства и церквей” [29].

В середине 1920-х гг. предпринимались попытки закупки музейных предметов. Так, в сметах расходов на приобретение экспонатов в 1924 г. фигурирует сумма в 60 рублей для покупки 20 монет. При этом Витебскому и Могилевскому музеям выделялась одинаковая сумма [1-а, с. 44].

До 1932 г. экспозиция музея занимала два этажа здания, принадлежавшего ранее Крестьянскому земельному банку. В эти годы среди музейных предметов в Могилеве числилась “коллекция только одних золотых монет, нумизматические коллекции XII—XIX веков, коллекции арабских дирхем, новгородские гривны, драгоценные камни в россыпи ...” [1-б, с. 32].

Печально знаменитые реквизиции музейных ценностей в 1930-е гг. не миновали и Могилев. Представитель союзного объединения “Антиквариат” А. Брук

отбирал музейные ценности из так называемой “стальной кладовой в Могилеве”. И.И. Филиппович, присутствовавший при их передаче, отмечал, что большая часть предметов относилась к “католическому и иудейскому культурам”. Среди изъятых числились и 11 золотых монет: дукат 1758 г., голландский дукат 1761 г., австрийские монеты 1854, 1878, 1913 гг., монеты в 5, 10 и 15 рублей Российской империи [1-б. № 586, лл. 184, 187—188; 32].

В июле 1941 г. здание музея сгорело вместе с экспозицией, фондами и всей учетной документацией. В послевоенных документах, фиксирующих ущерб времен войны, количество нумизматических предметов упоминается либо как “18 тысяч шт.” (акт от 1944 г.), либо как “коллекция монет всех времен и народов до 6 кг, в числе которых до 10 штук было золотых византийских, остальные серебряные” (акт от 1946 г.) [МОКМ. Научный архив].

Сегодня от довоенного музейного собрания в Могилеве осталась лишь одна группа монет, учтенная как “часть горелых монет клада Могилевского исторического музея”. Монеты были найдены директором И.С. Мигулиным при “раскопке разрушенного здания музея” [МОКМ: КП-5370], (рисунк 1).

Работа по формированию новой коллекции началась в конце 1940-х гг., когда после нескольких не осуществленных на практике решений областных властей (в июле 1944 г. и июле 1946 г.) работа музея была возобновлена [7, с. 27]. Сегодня в Могилевском областном краеведческом музее (далее — МОКМ) хранится самое крупное нумизматическое музейное собрание Могилевской области, включающее 36 тыс. экземпляров.

Основу нумизматического собрания составляют клады, найденные на территории области. Всего их насчитывается около 90, в основном XVI—XVIII вв. Научное описание коллекции продолжается, поэтому точное количество кладов можно будет определить только

Рисунок 1

² Есть разночтения: в каталоге Фурсова не совпадает количество возвращенных из Комиссии (88 экз.) и описанных им (64 экз.) монет [30, с. 43—45]. В.Н. Рябцевич говорит об 11 дирхемах [17, с. 67—68: № 83].

после его окончания, так как некоторые клады поступали в музей по частям и в разные годы. Больше всего кладов поступило в музей в 1960—70-е гг. К сожалению, после 1993 г. этот источник иссяк ... [28, с. 129].

Отметим, что вопросы фиксации, сохранения кладов и находок стояли, хотя не так остро, и ранее. П. Харламович, автор первого белорусского свода монетных кладов из собрания Белгосмузея, писал в 1927 г., что “у мэтах захавання ўсялякіх манэтных знаходак у межах Беларусі трэба, каб мясцовая ўлада і краязнаўчыя таварыствы прымали рашучыя меры для атрымання такіх знаходак ... Каб знаходкі не заставаліся ў знаходчыкаў, апошніх варта кампенсаваць грашовай сумай, крыху большай за запраўдную каштоўнасць скарбу” [27, с. 306].

Особое место среди частых нумизматических собраний, поступивших в МОКМ, занимает коллекция В.В. Полянского. Уроженец Могилевской области В.В. Полянский, проживавший в то время в Риге, в 1970 г. передал в дар коллекцию “дублетных серебряных монет России” в количестве более 1100 единиц, а также “полный комплект разменных билетов Могилевской губернской управы выпуска 1918 г.” [МОКМ. Архив НФО].

Основу коллекции В. Полянского составляют российские монеты начиная со времен Ивана Грозного до Николая II. Представлены и так называемые областные и национальные выпуски, чеканившиеся для Польши, Финляндии, Грузии. Хронологически завершают коллекцию советские монеты 1921—1930 гг.

Из Могилевской областной прокуратуры в МОКМ поступили коллекция И.И. Кухаренко (более 7 тыс. экземпляров, в основном советские разменные монеты всех номиналов, юбилейные монеты) и нумизматическая коллекция Клименко (более 1 тыс. экземпляров, в основном зарубежные монеты XX в.).

В середине 1950-х гг. возникла идея создания музея в мемориальной каплице д. Лесная Славгородского района на месте сражения частей Петра I с корпусом А. Левенгаупта в сентябре 1708 г. Музейных предметов, связанных с тематикой Северной войны, у музея не было, поэтому дирекция обратилась с просьбой их передачи из других музеев СССР. В конце 1956 г. стали поступать экспонаты из различных музеев БССР, а позднее — из Москвы и Ленинграда. Среди них были монеты и медали. Так, в январе 1957 г. из Государственного Эрмитажа в музей поступили 27 мемориальных медалей и 41 монета эпохи Петра I. В феврале 1958 г. из дублетного фонда Государственного Исторического музея было передано на постоянное хранение 17 медалей. В результате в открытой в 1958 г. мемориальной экспозиции было представлено около 200 экспонатов, в том числе 43 монеты [МОКМ. Архив НФО].

Сегодня в каждом районном государственном музее области присутствуют нумизматические коллекции. Наиболее значительными из них являются собрания Бобруйского краеведческого и Кричевского историко-краеведческого музеев.

Большой вклад в изучение нумизматического наследия Могилевщины внес В.Н. Рябцевич (1934—2008). Уже в первой из его работ, опубликованной в

1963 г. [4, с. 5], содержится описание 28 кладов, найденных в южных районах Могилевской области (Быховском, Славгородском, Бобруйском, Кировском), в том числе Чечевичского клада 1957 г., хранящегося в МОКМ [КП 4380].

В двух последующих публикациях, также посвященных монетнымкладам Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии, содержится описание 9 [4, с. 6] и 14 [4, с. 7] находок кладов и единичных монет в Могилевской области. Два из них определены В.Н. Рябцевичем и также хранятся в МОКМ: Глуский 1960 г. (КП 5609) и Б. Зимница 1959 г. (КП 5080).

В.Н. Рябцевич часть информации о кладах Быховского района получил от быховских коллекционеров Д.М. Абрамовича, В.С. Слижа и М.Ф. Завальникова. При этом отметим, что в 1950—70-е гг. Д.М. Абрамович передал в музей несколько монетных кладов, обнаруженных в Быховском районе.

К нумизматическим материалам Могилевщины В.Н. Рябцевич обращался и в значительной части других своих работ, посвященных разработке как общих проблем, так и узкоспециальных вопросов [20].

Принимая участие в могилевских научных конференциях, В.Н. Рябцевич сделал два обобщающих сообщения, представляющих систематизированное изложение материалов для нумизматической топографии и охватывающих временной промежуток с IX в. по XVI в. [18; 19].

В труде И.Г. Спасского (1904—1990) “Русская монетная система” есть карта-схема, дающая наглядное представление о сложном составе клада 1926 г. из д. Старый Дедин Климовичского района Могилевской области, включающем куфические и западно-европейские монеты, отчеканенные более чем на двадцати монетных дворах Азии и Европы [25]³, (рисунком 2).

В коллекции МОКМ хранится один экземпляр русского ефимка, который был найден в Славгороде в 1960-е гг. В книге И.Г. Спасского “Русские ефимки. Исследование и каталог” (1988 г.) эта монета помещена под № 74 [26, с. 58]. В этом же исследовании в разделе “Клады Белоруссии” [26, с.40—41] указано, что

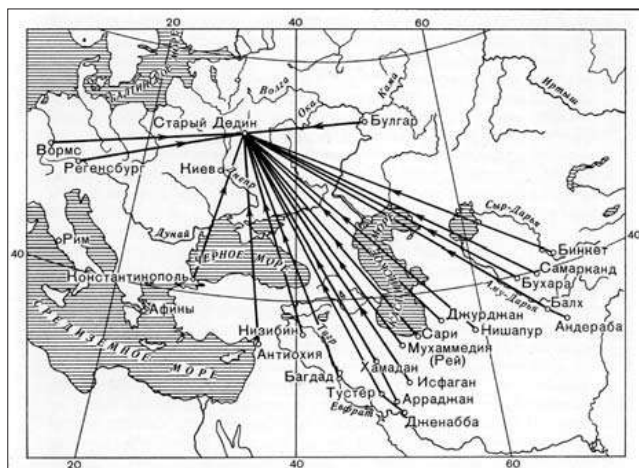

Рисунок 2

³ В.Н. Рябцевич использовал эту карту-схему в своих книгах “О чем рассказывают монеты” и “Нумизматика Беларуси”.

информацию о Чаусском кладе 1962 г., в то время самой крупной находке с ефимками на территории БССР, предоставил один из могилевских коллекционеров послевоенного времени Ю.С. Коленчиц.

В последние годы появилось несколько публикаций, связанных с богатой нумизматической историей Могилевщины. Их авторы — И.Н. Колобова, И.И. Синчук, Д.В. Рябцевич [23].

Несмотря на значительный объем проделанной работы, формирование нумизматической коллекции нельзя считать завершенным. Отдельные периоды денежного обращения на территории Беларуси в коллекции или полностью отсутствуют, или представлены недостаточно полно. В частности, это касается ан-

тичных монет, куфических дирхамов, западно-европейских денариев, памятников безмонетного периода, пражского гроша. Верим, что совместные усилия сотрудников музея и коллекционеров-любителей, членов Белорусского нумизматического общества позволят в ближайшее время хотя бы частично ликвидировать имеющиеся пробелы.

Марина ТАРАСОВА,
ведущий научный сотрудник Могилевского
областного краеведческого музея им. Е.Р. Романова
Вячеслав ФИЛИНОВ,
член правления Белорусского
нумизматического общества

Источники:

1. Национальный архив Республики Беларусь. а-Ф. 42, оп. 1, д. 539; б-Ф. 15п, оп. 4, д. № 586.
2. Археологія і нумізматыка Беларусі. Энциклапедыя. — Мн.: БелЭн, 1993. — С. 702.
3. Бандарчык, В.К. Еўдакім Раманавіч Раманаў. — Мн.: АН БССР, 1961. — С. 305.
4. Библиографический указатель основных трудов В.Н. Рябцевича // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 4. — Мн.: БДУ, 2008. — С. 260.
5. Гужалоўскі, А.А. З гісторыі музейнай справы на Беларусі // Музейныя шчыткі. Беларускія музеі. Гісторыя. Хроніка. Сучаснасць. — Мн.:БІПК, 1998. — С. 15—51.
6. Гужалоўскі, А.А. Нараджэнне беларускага музея. — Мн.: НАРБ, 2001. — С. 124.
7. Гужалоўскі, А.А. Музеі Беларусі (1941—1991 гг.). — Мн.: НАРБ, 2004. — С. 218.
8. Какареко, В. Нумизматические коллекции Гродно и Гродненщины // Rozwój muzealnictwa i kolekcjonerstwa numizmatycznego — dawniej i dziś — na Białorusi, Litwie, w Polsce i Ukrainie. Supraśl 5—7. IX. 1996. Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. Zarząd Główny. — Warszawa: 1997. — S. 31—50.
9. Каханойскі, Г.А. Археологія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX ст. — Мн.: Навука і тэхніка, 1984. — С. 120.
10. Киркор, А. Монетное дело в Литве // Древности. Труды Московского Археологического Общества. Выпуск 2. — М.: Синодальная типография, 1869. — С. 87—115.
11. Кондратьева, Л.Ф. История музейного дела в Могилеве в хронике и иллюстрациях. 1867—1997 гг. // МОКМ: научный архив.
12. Корзухина, Г.Ф. Русские клады IX—XIII вв. — М.—Л., 1954.
13. Краткий путеводитель по Могилевскому Музею церковных древностей. — [Могилев: Губ. типография], 1916. — С. 6.
14. Могилевские епархиальные ведомости. [Части официальная и неофициальная]. — Могилев: Губ. типография.
15. Обзор Могилевской губернии за 1910. — Могилев: Губ. типография, 1911.
16. Романов, Е.Р. Записки Е.Р. Романова по исследованию этнографии, топонимики и археологии на территории Могилевской губернии. Старинные монеты // Е.Р. Раманаў. З гісторыка-археалагічнай спадчыны. Выбраныя творы. — Магілёў: БДУ імя А.А. Куляшова, 2006. — С. 8—57.
17. Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X—XIV вв. // Гістарычна-археалагічны зб. — Мн., 2000. — № 15. — С. 66—72.
18. Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты IX — начала XIV в. на территории Могилевщины // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зб. навук. прац удзелны. II Міжнар. навук. канф. “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць”. — Магілёў: УПКП “Магіл. абл. узб. друк.”, 2001. — С. 18—21.
19. Рябцевич, В.Н. Денежные депозиты XIV—XVI вв. на территории Могилевщины // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: зборнік навуковых прац удзелныкаў III Міжнар. навук. канф. “Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць” у 2 ч. Частка I. — Магілёў: УПКП “Магіл. абл. узб. друк.”, 2003. — С. 14—19.
20. Рябцевич, В.Н. “Севский чех” на восточнобелорусском рынке конца XVIII в. (из истории денежного обращения) // Старонкі гісторыі Магілёва: Зб. праца ўдзелны. навук. канф. “Гісторыя Магілёва. Мінулае і сучаснасць”. — Магілёў: Абл. друкарня, 1998. — С. 86—89.
21. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси. — Мн.: Полымя, 1995. — С. 868.
22. Рябцевич, В.Н. Нумизматика // Историческое краеведение Белоруссии. — Мн.: 1980. — С. 160—200.
23. Рябцевич, Д.В. Монеты России в кладах XVIII в. на территории Могилевщины // Старонкі гісторыі Магілёва: Зб. праца ўдзелны. навук. канф. “Гісторыя Магілёва. Мінулае і сучаснасць”. — Магілёў, 2001.
24. Созонов, М. Историческая записка Могилевской мужской гимназии. 1809—1909. — Могилев: Губ. типография, 1909. — С. 213.
25. Спасский, И.Г. Русская монетная система. — М., 1970.
26. Спасский, И.Г. Русские ефимки. Исследование и каталог. — Новосибирск: АН СССР, 1988.
27. Харламповіч, П.В. Манетныя скарбы, знойдзеныя ў Беларусі, у зборах Беларускага дзяржаўнага музея // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 1. — Мн., 1927.
28. Филинов, В.А. Клады монет XVI в. из собрания Могилевского областного краеведческого музея // Pieniadz i banki (tezauryzacja, obieg pieniezny, bankowosc). — Wspolnota dziejow — Bialorus — Litwa — Lotwa — Polska — Slowacja — Ukraina. Supraśl, 5—7 IX 2002: Materiały z V Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Polskie Towarzystwo Numizmatyczne. Zarząd Główny. — Warszawa, 2002. — S. 129—132.
29. Филиппович, И.И. К истории Могилевского музея // МОКМ: Архив И.И. Филипповича, папка 37.
30. Фурсов, М.В. Описание Могилевского музея (редактора “Могилевских губ. ведомостей” М.В. Фурсова). [Каталог. Предисл.: с. 1—6]. — Могилев, губ. тип., 1891. — С. 82.
31. Фурсов, М.В. Описание Могилевского музея. [Каталог]. Сост. М.В. Фурсовым. [Изд. 2-е]. — Могилев на Днепре, губ. правления, 1898. — С. 106.
32. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн 1. — Мн.: БелЭн, 2001.

Клады монет и банкнот в музее Банка Литвы

(с XV в. до начала XX в.)

Винцас РУЗАС

Фондохранитель
музея
Банка Литвы

В исследовании денежного обращения особое место занимает кладовой материал. В музее Банка Литвы хранятся 8 кладов и их частей как монет, так и банкнот, которые отражают денежные отношения в Литве начиная с XV в. до начала XX в. Каждый клад имеет своеобразную историю нахождения, а дальнейший его путь не всегда связан с музеем. Бывают случаи, когда меняются владельцы, и информация о кладе искажается. Часть кладов, которые приобрел музей Банка Литвы, уже опубликована [1, 2], а некоторые кладов будут публиковаться впервые.

Первый клад монет музей приобрел в начале 1999 г. Это была часть клада с 1555 медными солидами времени правления Яна II Казимира Вазы (1649—1668) из Паневежского района. В кладе находились солиды разных эмиссий и монетных дворов, в том числе и шведского правления Ливонии и Риги, которые часто встречаются в нумизматических находках северной Литвы. Медные солиды отражают финансовую пропасть, в которую попало государство [3]. Собрание солидов обогатил и клад, найденный в г. Каунасе на ул. А. Якшто.

Музею Банка Литвы удалось пополнить свои фонды и древнейшими монетами XV в. Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ). В 2008 г. музей приобрел 41 литовскую монету со столбами Гедиминовичей и всадником. Эти монеты большинство нумизматов относят к чекану времени правления Казимира Ягеллончика (1440—1492). В музей поступили 3 монеты из клада Алуонос—Шклеряй (Тракайский р-н), найденного в 1929 г., и 38 монет из клада Круминяй (Варенский р-н), найденного в 1935 г. До сих пор эти кладов являются самыми большими, в которые входят монеты такого типа. Эти монеты побывали не в одной частной коллекции. Некоторое время приобретенные музеем монеты украшали собрание шведского коллекционера. Затем их выкупил вильнюсский коллекционер, который возвратил их в Литву. Кладов Алуонос—Шклеряй и Круминяй опубликовал в 1941 г. известный литовский нумизмат П. Каразия [4].

Денежное обращение в Литве конца XVI в. — первой четверти XVII в. иллюстрируют монеты Литвы, Польши, Риги, Пруссии, Дании и разных городов Западной Европы из кладов, найденных в деревне Околицы в р-не Шальчининкай и окрестностях местечка Серяджюс (Юрбаркский р-н).

Кладов периода XVIII—XIX вв. в музее Банка Литвы нет.

Кладов Первой мировой войны долгое время не считались ценными. Поэтому они относятся к более редким нумизматическим находкам. В музее хранятся два таких кладов. Выделяется клад, найденный в Вильнюсе на проспекте Гедиминоса на территории бывшей гостиницы Георгия и состоящий из двух средств платежа — монет и банкнот. Археологические исследования проводил археолог института истории Литвы Линас Квизикявичюс, который и передал клад музею.

Спрятанными кладов интересуются не только археологи, но и нелегальные кладоискатели. Бывает, что находят клад случайные люди. По законам Литовской Республики лицо, нашедшее клад в своей земле, становится его собственником. Искать кладов на чужой земле запрещено. Найденный клад принадлежит владельцу земли. Если клад найден случайно или имелось разрешение владельца земли на поиски клада, то находчик получает одну четвертую клада, а три четверти — владелец земли. Археолог не имеет прав на обнаруженный клад. Если клад будет изъят на нужды обществу, то владелец должен быть справедливо вознагражден [5].

Далее представлен обзор кладового материала, хранящегося в музее Банка Литвы.

Часть клада, деревни Алуонос и Шклеряй (Тракайский р-н). XV в. III четверть /1929

В 1929 г. земельный собственник Й. Касперавичюс при ремонте дороги между деревнями Алуонос и Шклеряй (Тракайский р-н) нашел глиняный горшок с монетами. Не зная ценности находки, Й. Касперавичюс и работавшие вместе с ним помощники поделили монеты на память. Позже 16 монет из этого клада попали в городской музей Каунаса, о дальнейшей истории более чем 50 монет ничего не известно, часть монет приобрели разные собиратели старины. П. Каразия собрал информацию, что в клада было около 200 монет со столбами Гедиминовичей и всадником и 10 пражских грошей Вацлава IV, он опубликовал 65 литовских монет и 2 гроша Вацлава IV, 4 ранние литовские монеты из клада Алуонос—Шклеряй приобрел и Национальный музей Литвы [6, с. 198₂].

ВКЛ

Казимир Ягеллончик (1440—1492) (3 монеты)
Karaziја P. № 16 (размер 15,6 мм, масса 0,429 г);
52 (рисунок 1); 60 (рисунок 2)

Рисунок 1. Размер 15,2 мм, масса 0,353 г.

Рисунок 2. Размер 14,2 мм, масса 0,413 г.

ВКЛ

Казимир Ягеллончик (1440—1492) (39 монет)
Karaziја P. № 12 (рисунок 3); 14 (13,9 мм, 0,343 г);
20 (14,5 мм, 0,407 г); 32 (15,1 мм, 0,380 г); 39 (рисунок 4);
41 (14,6 мм, 0,352 г); 45 (13,9 мм, 0,402 г); 48 (13,9 мм, 0,350 г);
49 (14,0 мм, 0,376 г); 51 (13,9 мм, 0,349 г); 60 (14,5 мм, 0,416 г);
62 (14,5 мм, 0,444 г); 65 (14,9 мм, 0,463 г); 67 (13,9 мм, 0,400 г);
83 (14,0 мм, 0,403 г); 84 (13,8 мм, 0,271 г); 90 (15,1 мм, 0,430 г);
105 (13,1 мм, 0,427 г); 106 (15,1 мм, 0,430 г); 110 (13,9 мм, 0,417 г);
116 (14,2 мм, 0,395 г); 118 (14,5 мм, 0,414 г); 119 (13,7 мм, 0,417 г);
120 (14,8 мм, 0,431 г); 121 (14,6 мм, 0,436 г); 124 (14,3 мм, 0,343 г);
125 (13,5 мм, 0,362 г); 126 (15,0 мм, 0,367 г); 132 (13,9 мм, 0,358 г);
133 (13,9 мм, 0,367 г); 146 (15,1 мм, 0,405 г); 148 (14,0 мм, 0,337 г);
149 (13,7 мм, 0,386 г); 151 (14,3 мм, 0,441 г); 153 (14,5 мм, 0,468 г);
161 (рисунок 5); 163 (13,2 мм, 0,355 г); 165 (14,2 мм, 0,374 г).

Кроме 38 монет еще одну монету из клада Круминяй музей Банка Литвы приобрел в 2003 г. [4, № 8 (14 мм, 0,359 г); 14, с. 44, № 17].

Рисунок 3. Размер 14,0 мм, масса 0,398 г.

Рисунок 4. Размер 14,6 мм, масса 0,311 г.

Часть клада, деревня Круминяй (Варенский р-н). XV в. III четверть /1935

Клад Круминяй был найден в 1935 г. в окрестностях деревни Магуйзос (Варенский р-н). Наемный рабочий К. Версецкас, копая яму, нашел маленький горшок с монетами, которые раздарил соседям. П. Каразия собрал и опубликовал 188 монет со столбами Гедиминовичей и всадником и 20 грошей Вацлава IV. В Национальном музее Литвы тоже хранятся 5 литовских монет из клада Круминяй [6, с. 198₁].

Рисунок 5. Размер 14,2 мм, масса 0,346 г.

Часть клада, деревня Околица (Шальчининкайский р-н). 1615/1977

Клад найден в 1977 г. в деревне Околица Шальчининкайского р-на. Его нашли Яков Анковский и Станислав Озорович, которые, копая экскаватором яму у старой усадьбы, заметили глазурированный горшок с монетами (около 300—400 шт.). Однако, по сведениям нумизмата Э. Иванаускаса, в кладах было в 4 или 5 раз больше монет. Самая большая часть клада попала в руки коллекционеров. В Национальном музее Литвы хранятся 46 монет, в основном гроши и трояки. По опубликованному материалу (из Национального музея Литвы и одной частной коллекции) известно, что в кладах находились литовские полугроши Сигизмунда I (1506—1548) 1511—1526 гг., польские гроши Сигизмунда III (1587—1632) 1596 г., 1605 г., 1612 г., драйпелькеры (полтораки): 1614 г., 1615 г. и солиды Риги 1589—1621 гг. [1, с. 86—87].

С 2006 г. в музее Банка Литвы хранятся 48 монет Западной Европы (1566—1614 г.) из клада Околицы. Среди монет клада выделяются три нидерландских дуката, отчеканенных в 1587 г. (Голландия), 1596 г. и 1597 г. (два последних — в Утрехте). Талеры Эрнеста (1567—1578/1609) 1582 г. (Мансфельд), Фердинанда (1564—1595) (Ельзас, год ?), 1/2 талера Рудольфа II (1576—1612) (Кампен, год ?) (рисунки 6), 1/24 талера (грошены) — 1573—1614 гг. 24 монеты, 2 пфеннига, 1588—1595 гг. (9 монет), 3 крэйцера второй половины XVI в. — 1615 г. (9 монет).

Священная Римская империя

2 пфеннига (1/2 батцена) 1588—1595 гг. (9 монет)

Епископство Хур. Петр (1581—1601). Год ? *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 38, № 1666 (в каталоге дата 1591)*

Графство Ганау-Лихтенберг. Филипп IV (1538—1590). 1588. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 51, № 2192*

Область Пфальц-Зимерн. Ричард (1569—1598). 1589. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 48, № 2080*

Пфальц — графство Велденз. Георг Иоганн (1544—1592). 159? *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 48, № 2043 или 2044*

Город Штолберг-Конигштейн. Людвик (1535—1574). 1566. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 57 (аналогичный 1571 г. № 2391)*

Графство Валдек. Францишек, Вильгельм Эрнест, Христиан и Волрат (1588—1597). 1589. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 54, № 2286, 1595. Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 54, № 2292*

Герцогство Вюртемберг. Фридрих (1593—1608). 1590. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 36, № 1578*

Золм-Лихт. 1592. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 55, № 2333*

3 крэйцера. Вторая половина XVI в. — 1615 г. (9 монет)

Графство Ганау-Мюнценберг. Филипп Людовиг I (1561—1580). Год ? — 2 экз. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 51, № 2177*

Город Шафгаузен. 1597. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 38, № 1631*

Город Цуг. 1601 и 1604. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 40, № 1718, 1721*

Графство Ганау-Лихтенберг. Иоганн Рейнгард (1599—1625). Год ? *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 52, № 2219*

Герцогство Пфальц-Цвайбрюкен. Иоганн I (1569—1604). 1598. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 47, № 2011*
Золм-Лихт. Год ? *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 55, № 2329*

Княжество Мюнстерберг-Оелс. Карл II (1587—1617). 1615. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 7, № 277*

1/24 талера (грошены) 1573—1614 гг. (24 монеты)

Город Брауншвейк. Максимилиан II (1564—1576). 1573. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 97, № 3813*

Город Еймбек. Максимилиан II (1564—1576).

1573. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 98, № 3869*

Епископство Минден. Антон (1587—1599). 1589.

Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 80, № 3221

Епископство Гильдесгейм. Эрнест (1573—1612).

1600. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 101, № 3997*

Город Гильдесгейм. Рейнгрошен 1601 г. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 101, № 4044*

Графство Шауэнбург. Эрнест (1601—1622). 1602 г. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 79, № 3192, 1603 г. Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 79, № 3193, 1604 (2 экз.) Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 79, № 3194*

Герцогство Юлих-Клеве-Берг. Иоганн Вильгельм (1592—1609) 1603. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 75, № 3034, 1604. Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 75, № 3035, 1606. Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 75, № 3037*

Герцогство Гольштейн-Готторп. Иоганн Адольф (1590—1616). 1600. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 90, № 3542*

Померания — герцогство Вольгаст. Филипп Юлий (1592—1625). 1609 (3 экз.)

Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 122, № 4892

Померания — герцогство Вольгаст. Филипп Юлий (1592—1625). 1612 (3 экз.)

Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 122, № 4895

Померания-Барт. Филипп II (1606—1625). 1612.

Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 122, № 4903

Епископство Падеборн. Теодор (1585—1618).

1611. *Hugo von Saurma-Jeltsch, с. 77, № 3084*

Рисунок 6. Дукаты и талеры
из клада деревни Околица.

Аббатство Корвея. Теодор (1585—1616). 1614. *Hugo von Saurma-Jeltsch*, с. 77, № 3113
 Графство Липпе. Симон VII (1613—1614). 1614. *Hugo von Saurma-Jeltsch*, с. 78, № 314
 Графство Барби. Альбрехт Фридрих (ум. 1641). 1614. *Hugo von Saurma-Jeltsch*, с. 105, № 4220
 Талеры
 Мансфельд. Эрнест (1567—1578/1609). 1582.
 Эльзас. Фердинанд (1564—1595). Год ?
 1/2 талера. Рудольф II (1576—1612). Год ?
 Республика Соединенных провинций (Голландия)
 Дукаты (3 монеты)
 Голландия. 1587.
 Утрехт. 1596 г., 1597 г.

Часть клада, местечко Серяджюс (Юрбаркский р-н). 1627/1982

Клад в окрестностях местечка Серяджюс (Юрбаркский р-н) на расстоянии 140 м от дороги в сторону реки Неман нашел в 1982 г. Саулюс Юсайтис. Монеты были разбросаны по полю. Всего известно о 2095 монетах из этого клада. В кладе были такие монеты, как реал Филиппа III 1620/1621, риксдаальдеры Голландии 1600 [1, с. 90—92]. Национальный музей Литвы приобрел 458 монет.

Местечко Серяджюс, находившееся у Немана вдоль дороги Каунас—Юрбаркас, особенно процветало в первой половине XVII в. По Неману велась основная торговля Великого княжества Литовского с Пруссией, монеты которой играли важную роль в денежном обращении Литвы [7, с. 60—62]. Местечко Серяджюс было удобным для купцов, которые возили свои товары не только водным, но и сухопутным путем, оно пострадало во время войн XVII—XVIII вв.

В музее Банка Литвы хранится самая большая часть клада. В 2003 г. было приобретено 1754 монеты из этого клада. Музейные фонды пополнились монетами ВКЛ в количестве 825 штук, Риги — 615, Польского Королевства — 220, Пруссии — 82, Дании — 8, Курляндии — 1 и Тевтонского ордена — 1. Кладовый материал охватывает период от начала XVI в. до первой четверти XVII в. Самой ранней монетой клада является польский полугрош Казимира Ягеллончика (1446—1492), самыми поздними — литовские гроши 1627 г. Сигизмунда IV Вазы (1587—1632). Музеем остались и фрагменты разбитых горшков.

ВКЛ:

Сигизмунд II Август (1544—1572) (7 монет)
 двойные денарии: 1566 (1), 1570 / (4) — *рисунок 7*.
 Всего: 5

Август (1544—1572). 1570 г. Размер всех
 Ø 1,4 мм, массы 0,577; 0,550; 0,639; 0,480 г
 полугроши: 1563 (1), 1564 (1). Всего: 2

Сигизмунд III Ваза (1587—1632) (818 монет)
 двойные денарии: 1620 (190), 162? (11), 162? (9),
 1621 (91), 162? (7), 162? (8), год ? 65. Всего: 381
 солиды: 1615 (4), 1616 (12), 1617 (22), 1618 (19),
 1619 (19), 1622 (5), 1623 (34), 162? (13), 1623 / (57),
 162? (12), 162? (4), 1624 (74), 162? (10), 162? (8), 1625
 (15), 162? (6), 162? (2), 1626 (8), 1627 (6), год ? (92).
 Всего: 422

гроши: 1625 (7), 162? (3), 1626 (3), 1627 (2). Всего:
 15

*Рисунок 7. Двойные денарии (аверс).
 Сигизмунд II Август (1544—1572).*

Польское Королевство:

Казимир IV (1446—1492) полугрош
 Ян Ольбрахт (1492—1501) полугрош
 Сигизмунд I (1506—1548) полугрош: 1511
 Сигизмунд III (1587—1632) (217 монет)
 денарии: 1622 m. (2), d. n. (1). Всего: 3
 солиды: 1613 (4), 1620 ? (1), 1623 ? (1). Всего: 6
 полугрош: 1620
 грош: 1608
 драйпелькеры (полтораки): 1615 (1), 1617 (1),
 1619 (2), 1620 (27), 1621 (21), 1622 (34), 1623 (40),
 1624 (36), 1625 (7), 1626 (6), 162? (13). Всего: 188
 орты: 1621 (3), 1622 (2), 1623 (10), 1624 (1), 162?
 (2). Всего: 18

Рига: период польско-литовского правления

Сигизмунд III (1587—1632) (532 монеты)
солиды: 1595 (1), 1596 (2), 1597 (1), 1599 (1), 1600 (3), 1603 (1), 1605 (1), 1607 (2), 1610 (2), 1612 (1), 1600—1614 ? (46), 1615 (14), 1616 (24), 1617 (34), 1618 (60), 1619 (45), 1615—1619 (64), 1620 (80), 1621 / (66)—*рисунок 8*, год ? (84)

период шведского правления
Густав II Адольф (1611—1632) (83 монеты)
солиды: 1621 (1), 1622 (2), 1624 (4), 1625 (27), 1626 (10), 1627 (3), год ? (31). Всего: 78
полтора солида, 1623 м. (3)
драйпелькеры (полтораки): 1623 (1), 1624 (1). Всего: 2

Пруссия: Бранденбургский курфюрст Иоанн Сигизмунд (1618—1619) (3 монеты)

драйпелькеры (полтораки): 1620 (3)
Бранденбургский курфюрст Георг Вильгельм (1619—1640) (79 монет)
солиды: 1625 (11), 1626 (6), 1627 (21), d. n. 1625—1627 (4). Всего: 42
драйпелькеры (полтораки): 1620 (1), 1621 (3), 1622 (5), 1623 (3), 1624 (4), 1625 (10), 1626? (7), 1627 (2), год ? (1). Всего: 36

орт: 1622.
Дания: Кристиан IV (1588—1648) (8 монет)

марки: 1608 (1), 1612 (2), 1617 (4), 1618 (1)
Курляндия: Готард Кетлер (1517—1687)
солид: 1576

Тевтонский орден: Мартин Трухзес фон Ветцхаузен (1477—1489)
солид: год ?

Часть клада, Паневежский район. 1666/1997

Клад найден в 1997 г., в следующем году его предлагали приобрести Национальному музею Литвы. По неподтвердившимся данным, клад был обнаружен в Паневежском районе. Сотрудник Национального музея Литвы В. Смильгвичюс описал и опубликовал клад, в котором было 2302 монеты. Из-за коррозии много монет не было идентифицировано. Обнаружив много потертых и поздних фальшивых монет, Смильгвичюс пришел к выводу, что клад был спрятан в XVIII в. лицом среднего достатка или богатым крестьянином. Поскольку в кладе нет крупной серебряной монеты, то это лицо не занималось торговлей [8, с. 516—519]. Клад в Национальный музей Литвы не поступил. В 1999 г. часть солидов (1555 шт.) приобрел музей Банка Литвы.

Медные солиды Великого княжества Литовского (618 монет)

Ян II Казимир Ваза (1649—1668)
Монетный двор Уяздова. 1660—1661 гг. (72 монеты)

На аверсе — монограмма Тита Ливия Боратини (1616 (1617)—1682) T.L.V., на реверсе — герб “Корвин” администратора земского скарба Великого княжества Литовского Адама Матвея Саковича (1659—1661). 1660 (9), 1661 (41), год ? (22).

Монетный двор Олива. 1663 г. (19 монет)

На аверсе — инициалы Георга фон Горна G.F.H., на реверсе — герб Венява администратора земского скарба Великого княжества Литовского Беллозора (1663—1665). 1663 (19).

*Рисунок 8. Солиды (66 монет).
Сигизмунд III Ваза (1587—1632).
1621 г. Рига.*

Монетный двор Вильнюса. 1664—1666 гг. (348 монет)

На аверсе — монограмма Тита Ливия Боратини T.L.V., на реверсе — большая монограмма КНРЛ администратора земского скарба Великого княжества Литовского Иеронима Кришпина Киришенштейна. 1664 (47), 1665 (83), 1666 (48), год ? (170)

Монетный двор Бреста. 1665—1666 гг. (80 монет)

На аверсе — монограмма Тита Ливия Боратини T.L.V., на реверсе — маленькая монограмма КНРЛ администратора земского скарба И.К. Кришпина. 1665 (10), 1666 (41), год ? (29).

Монетный двор Каунаса. 1665—1666 гг. (44 монеты)

На аверсе — инициалы Георга фон Горна G.F.H., на реверсе — голова оленя (часть герба И. Кришпина). 1665 (10), 1666 (20), год ? (14)

Монетный двор не установлен (20 монет)

Фальшивые (35 монет)

Монетный двор Берзауни / (6)

Монетный двор не установлен (29)

Медные солиды Польского Королевства (907 монет)

Ян II Казимир Ваза (1649—1668)

Монетные дворы Уяздова и Кракова. 1660—1665 гг. (823 монеты)

На аверсе — инициалы T.L.V. Т.Л. Боратини, на реверсе — Шлеповрон, часть герба Польского подскарбия Яна Казимира Красинского (1659—1668). 1660 (36), 1661 (40), 1663 (106), 1664 (215), 1665 (119), 166 (?) (25), год ? (282).

Фальшивые: (84 монеты)

1660 (3), 1661 (4), 1666 (4), год ? (73)

[Солиды определены по 9, с. 107—123; 10, с. 153—159]

Солиды периода шведского правления Ливонии (11 монет)

Карл X Густав (1654—1660) 1655 (1), 1660 (1), дата не установлена (2) *Ahlström B., Almer Y., Jonsson K. 1980, с. 48*

Карл XI (1660—1665) 1664 (2), 1665 (1), дата не установлена (4) *Ahlström B., Almer Y., Jonsson K. 1980, с. 48*

Солиды периода шведского правления Риги (19 монет)

Кристина (1632—1654) 1643 (1), 1647 (1) *Ahlström B., Almer Y., Jonsson K. 1980, с. 39*

Фальшивые: 1646? (1), 1655? (1), год ? (2)

Карл XI (1660—1665) 1662 (4), 1663 (2), год ? (6) *Ahlström B., Almer Y., Jonsson K. 1980, с. 43*

Фальшивые: (1)

Клад с улицы А. Якшто, 15 (г. Каунас). 1666 /2005

Второй клад солидов найден в 2005 г. в Каунасе на улице А. Якшто, 15. Его обнаружили в погребе дома при выполнении ремонтных работ. В том же 2005 г. в музей поступили 208 медных солидов Литвы и Польши Яна II Казимира Вазы и 3 патагона Испанских Нидерландов (1624, 1657, год ?).

Солиды Великого княжества Литовского (110 монет)

Монетный двор Уяздова: 1660 (1), 1661 (11), год ? (2). Всего: 14

Монетный двор Олива: 1663 (7)

Монетный двор Вильнюса: 1664 (5), 1665 (13), 1666 (22), год ? (17). Всего: 57

Монетный двор Бреста: 1665 (3), год ? (12). Всего: 15

Монетный двор Каунаса: 1666 (1), год ? (4). Всего: 5

Фальшивые: 1666 (2), год ? (10). Всего: 12

Солиды Польского Королевства (95 монет)

Монетные дворы Уяздова и Кракова: 1660 (1), 1661 (3), 1663 (10), 1664 (20), 1665 (7), год ? (17). Всего: 58

Фальшивые: (37)

Испанские Нидерланды (3 монеты)

патагоны:

1624 (1), 1657 (1), год ? (1)

Клад деревни Калесниккай (Алитусский р-н) 1910/1995

Клад найден в 1995 г. в деревне Калесниккай в Алитусском р-не. С 1999 г. он хранится в музее Банка Литвы. Клад состоит из 288 банкнот Российской империи. Общая сумма сбережений — 4590 рублей. Российские царские банкноты последних выпусков довольно часто встречаются на рынке. Они прекрасно иллюстрируют эпоху бумажных денег начала XX в. Первая мировая война нанесла удар по системе бумажных денег. Единственной признанной валютой в то время стало золото. Этот клад — еще один пример рухнувших надежд жителей, копивших бумажные деньги. Банкноты клада в хорошем состоянии. Самый популярный номинал — 3 рубля 1905 г., в кладе их насчитывается 101 экземпляр.

Россия. Государственные кредитные билеты

Николай II (1894—1917)

1 рубль. 1898 (14)

3 рубля. 1905 (101)

5 рублей. 1909 (54)

10 рублей. 1909 (68)

25 рублей. 1909 (23)

25 рублей. 1899 (1)

100 рублей. 1910 (27)

Клад с проспекта Гедиминаса, 20 (г. Вильнюс). 1919/2004

Клад найден в 2004 г. в Вильнюсе на проспекте Гедиминаса на территории бывшей гостиницы “География”. Он состоит из 564 монет и 161 банкноты. Клад обнаружен при реконструкции гостиницы. Монеты находились в стеклянной масленке, а бумажные деньги были свернуты в ролики и вложены в бутылку вильнюсского пивоваренного завода “Шопен” (рисунк 9).

В кладе монеты России, Германии, Австро-Венгрии, чеканенные в 1821—1918 гг. Большинство монет — серебряные, общий их вес (масса) — 1 411,38 г, остальные: 2 монеты России и 2 монеты Германии из сплава меди. Самую большую часть клада составляют

Рисунок 9. Фрагменты клада с проспекта Гедиминаса, 20 (г. Вильнюс) с сосудами.

монеты России — 496, Германии — 66 и Австро-Венгрии — 2. Серебряные монеты неплохо сохранились.

Все банкноты (161 шт.) были выпущены в России в 1910—1917 гг. Общая сумма всех бумажных денег — 5230 рублей. В кладе 4 кредитных билета Российской империи 1910 г. номиналом 100 рублей. Самую большую часть бумажных денег составляют казначейские знаки (“керенки”) Временного правительства 1917 г.: 20 рублей — 146 единиц на общую сумму 2920 рублей и 40 рублей — 4 единицы. Керенки составляют 3080 рублей. Некоторые из них не были разрезаны — в отдельных листах разложены по 2—5 штук.

В кладе были и государственные кредитные билеты Временного правительства: 250 рублей — 7 единиц общей суммой 1750 рублей. Банкноты от сырости пострадали. От некоторых остались только части.

По всей вероятности, спрятанный клад принадлежал представителям правительства Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Литбел), которые жили в гостинице “География”. Литбел была создана в конце февраля 1919 г. и просуществовала до августа того же года. Законными средствами платежа Литбела являлись царские деньги и деньги Временного правительства, ценные бумаги и их купоны. Поскольку местного эмиссионного банка не было, то денежными знаками Литбел обеспечивала Советская Россия. По приказу Народного Комиссариата финансов золотые и серебряные монеты, слитки и изделия из них должны были быть переданы Народному банку. Была введена валютная монополия. Население неохотно принимало новые деньги “керенки”. На рынке, например, за “керенку” в 20 рублей платили только 11 рублей царскими деньгами, за “керенку” в 4 рубля — 3 рублями царскими деньгами [11, с. 35].

Правительство Литбела начало отступать из Вильнюса 19 апреля 1919 г. Возможно, приблизительно в это время и был спрятан данный клад [2, 46].

Монеты

Россия

1/2 копейки — 191? (1)

2 копейки — ? (1)

5 копеек. 1821—1915 гг. (45 монет)

1821 (1), 1823 (1), 1824 (1), 1838 (2), 1840 (2), 1845 (1), 1847 (1), 1848 (1), 1853 (1), 1888 (2), 1892 (2), 1893 (1), 1898 (2), 1899 (2), 1901 (2), 1902 (5), 1903

(1), 1905 (5), 1906 (1), 1908 (1), 1909 (2), 1911 (1), 1913 (2), 1914 (1), 1915 (4)

10 копеек. 1861—1915 гг. (213 монет)

1861 (2), 1862 (1), 1876 (1), 1889 (3), 1891 (1), 1895 (1), 1898 (3), 1899 (1), 1900 (3), 1901 (4), 1902 (8), 1903 (7), 1904 (5), 1905 (8), 1906 (8), 1907 (7), 1908 (5), 1909 (5), 1906—1912 ? (1), 1910 (10), 1911 (6), 1912 (16), 1913 (18), 1914 (24), 1915 (65)

15 копеек. 1877—1915 гг. (134 монеты)

1877 (1), 1899 (1), 1900 (4), 1902 (3), 1903 (2), 1904 (2), 1905 (10), 1906 (4), 1907 (14), 1908 (12), 1909 (4), 1911 (4), 1912 (5), 1913 (9), 1914 (17), 1915 (42)

20 копеек. 1850—1915 гг. (92 монеты)

1850 (1), 1868 (1), 1869 (1), 1870 (1), 1871 (1), 1873 (2), 1875 (1), 1879 (2), 1880 (2), 1891 (1), 1893 (2), 1901 (1), 1904 (1), 1905 (1), 1906 (2), 1907 (5), 1908 (2), 1909 (8), 1910 (1), 1911 (1), 1912 (5), 1913 (11), 1914 (16), 1915 (23)

50 копеек. 1896—1913 гг. (5 монет)

1896 (2), 1897 (2), 1913 (1)

1 рубль. 1896—1901 гг. (5 монет)

1896 (1), 1898 (2), 1899 (1), 1901 (1)

Германия

5 пфеннигов — 1876 (1)

10 пфеннигов — 1901 (1)

1/2 марки. 1905—1918 гг. (56 монет)

1905 (17), 1906 (6), 1907 (2), 1909 (4), 1912 (1), 1913 (1), 1914 (6), 1915 (5), 1916 (6), 1917 (6), 1918 (2)

1 марка. 1905—1918 гг. (8 монет)

1875 (1), 1876 (1), 1901 (1), 1903 (1), 1907 (1), 1914 (2), 1915 (1)

Австро-Венгрия

1 крона

1900 (1), 1904 (1)

Банкноты

Россия

Николай II (1894—1917). Государственные кредитные билеты (4 банкноты)

100 рублей. 1910 (4)

Временное правительство. Государственные кредитные билеты (157 банкнот)

20 рублей. 1917 (146)

40 рублей. 1917 (4)

250 рублей 1917 (7)

Фотографии Роландаса ГИНАЙТИСА

Источники:

1. Ivanauskas, E. 1995: Lietuvos pinigų lobiai. Paslėpti 1390—1865 metais. Vilnius.
2. Kvizikevičius, L., Sarcevičius, S. 2008: Vilniaus Gedimino prospektu pinigų lobis (1919/2004) // Numizmatika. T. 7—8.
3. Sinčiuk, I.: Nepelnytai apšmeižtas (apie Titą Livijų Boratinį — mokslininką ir verslininką) // Pinigų studijos, 2005. Nr. 2.
4. Karaziņa, P. 1941: Aluonos Šklėriū ir Krūminiū monetų lobiai. Kaunas.
5. Lietuvos Respublikos civilinis kodeksas: 4.65 straipsnis. Lobs.
6. Грималаускайте, Д., Синчук, И. 2007: Монеты Великого княжества Литовского времени Казимира (1440—1492) по материалам Национального музея Литвы // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Выпуск 2. Москва.
7. Ivanauskas, E. 1983: Seredžiaus numizmatinė medžiaga (XVI—XIX a.) // Archeologinės ir numizmatinės medžiagos komplektavimas ir konservavimas. Vilnius.

8. Smilgevičius, V. 1998: XVIII amžiaus monetų lobis iš Panevėžio rajono // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1996 ir 1997 metais. Vilnius.
9. Remecas, E. 2000: Jono Kazimiero variniai šilingai, rasti Lietuvos valdovų rūmų teritorijoje // Numizmatika T. 1. Vilnius.
10. Синчук, И. 1998: “Шеляжные” монетные дворы ВКЛ и медные солиды Яна Казимира вкладах // Mennice między Baltykiem a morzem Czarnym — Wspólnota dziejów. Supraśl 10—12 IX 1998. Materiały z V Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Warszawa.
11. Terleckas, V. 1992: Pinigai Lietuvoje 1915—1944. Vilnius.
12. Ahlström, B., Almer, Y., Jonsson, K. 1980: Sveriges besittningsmynt. Stockholm.
13. Hugo von Saurma-Jeltsch. 1986: Die Saurmasche Münzsammlung deutscher, schweizerischer und polnischer Gepräge von etwa dem Beginn der Groschenzeit bis zur Kipperperiode. Berlin.
14. Рузас, В. Коллекция древнейших литовских монет в музее Банка Литвы // Банкаўскі веснік. 2008. № 7.

Новые находки кладов и единичных монет XIV—XV вв.

Илья ШТАЛЕНКОВ

Член правления
Белорусского
нумизматического
общества

Следует отметить, что для изучения денежного обращения в ВКЛ в данный период необходимо больше внимания уделять татарским монетам, которые до появления литовских монет могли выполнять функцию разменной монеты в период обращения пражского гроша.

Также можно предположить, что до появления в денежном обращении ВКЛ пражских грошей, в конце так называемого “безмонетного периода” и позднее, функцию разменных денег могли выполнять различные фракции литовских (западнорусских) палочковидных гривен (вес — 7,20; 4,51; 8,75 г), которые достаточно часто находят на местах старых селищ (*рисунок 1*).

Основная часть находок обнаружена в Гродненской области, а также в западной части Минской области. Находки татарских монет с литовскими надчеканками были зарегистрированы только в восточной части Могилевской области.

В 2004 г. был опубликован труд В.Н. Рябцевича “Находки кладов и единичных монет XIV—XV вв. на территории Беларуси (материалы)”, подготовленный по итогам 40-летней деятельности в области нумизматики и являющийся наиболее полным сводом кладов и единичных находок в Беларуси за данный период.

Сегодня продолжение работы по фиксации и систематизации нумизматических находок на территории Беларуси, начатой В.Н. Рябцевичем, осложнено рядом причин:

- данная деятельность по-прежнему является делом энтузиастов-исследователей;
- отсутствует система подготовки квалифицированных специалистов по нумизматике;
- отсутствует государственная программа по сохранению памятников нумизматики как объектов национального достояния.

Можно по-разному относиться к деятельности огромного количества поисковиков, оснащенных самой современной техникой, но без их участия никаких значимых открытий в нумизматике на территории СНГ не было бы.

Благодаря усилиям “сознательных” поисковиков и работе Белорусского нумизматического общества на территории Беларуси за последние 7 лет были зарегистрированы находки монет и платежных слитков различных типов, находившихся в денежном обращении в Великом княжестве Литовском с середины XIII в. до конца XV в.

Рисунок 1

Брестская область

Осенью 2003 г. возле д. Черевачицы (Кобринский район) у реки Мухавец был найден денежно-вещевой комплекс (*рисунок 2*), в составе которого первоначально было около 200 (сохранилось 97) пражских грошей (в основном Карла I) и 2 платежных слитка (“татарский” ладьевидный весом 200,2 г и “новгородская” гривна весом 188 г). Место хранения — музейный фонд Национального банка Республики Беларусь.

Летом 2006 г. в Каменецком районе около реки Лесная был найден нумизматический комплекс, в состав которого входили:

- несколько сотен литовских денариев Витовта типа “Колумны / Копье с крестом”, вес — 0,26 г (*рисунок 3*);
- два литовских денария Казимира, вес — 0,26 г (*рисунок 4*);
- более 10 польских монет XIV—XV вв.

К счастью, этот комплекс был собран практически полностью. Место хранения — музейный фонд Национального банка Республики Беларусь.

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

Гродненская область

В 2008 г. в Гродно на берегу реки Неман при земляных работах найден литовский денарий Казимира. Примечательно, что годом ранее на этом месте обнаружена такая же монета.

В 2008 г. в Гродненском районе у реки Котра был найден еще один денарий Казимира. Всего за 2004—2009 гг. в Беларуси найдено не менее 8 денариев Казимира.

В 2005—2008 гг. у деревни Гольшаны (Ошмянский район) отыскивали монеты следующих типов:

— несколько (не менее 6) монет Ягайлы с более грубым портретом, вес — 0,60 г (рисунок 5);

— монета типа “Лев/Орел”, вес — 0,57 г (рисунок 6). Ранее было известно лишь о двух аналогичных экземплярах, найденных на территории Нижнего замка Вильнюса (Ремецас, № 62). К настоящему времени в Гольшанах найдено уже несколько монет данного типа;

— несколько монет (не менее 4) типа “Копье с крестом / Печать”, вес — 0,67 г (рисунок 7а).

В 2008 г. в Шучинском районе нашли еще одну монету типа “Копье с крестом / Печать”, вес — 0,81 г, диаметр — 14,2 мм (рисунок 7б).

Весной 2009 г. в Сморгонском районе была найдена монета типа “Рыба / Двойной крест”, вес — 0,45 г (рисунок 8).

Осенью 2009 г. в Гродненской области обнаружили еще несколько литовских монет разных типов, находки которых ранее в Беларуси достоверно не фиксировались:

— монета типа “Якоревидная тамга с мечом / славянская надпись”, относимая в настоящее время к новогрудской чеканке Корибута-Дмитрия, вес — 0,33 г (рисунок 9);

— не известная ранее монета “Лев без плетенки вправо / круговая славянская надпись”, вес — 1,13 г (рисунок 10);

— монета не известного ранее типа “Шагающий вправо лев ? / ? круговая надпись Печать”, вес — 0,32 г (рисунок 11).

Рисунок 5

Рисунок 6

Рисунок 7а

Рисунок 7б

Рисунок 8

В 2008 г. возле Несвижа нашли монету Ягайлы раннего типа с более детально проработанным портретом (Ремецас, № 1—2), вес — 0,86 г, диаметр — 15 мм (рисунок 13).

Около д. Литва в 2008 г. обнаружили 2 монеты типа “Двойной крест / Погоня”, вес — 0,26 г, размер — 15х10 мм (рисунок 14).

Осенью 2009 г. у этой же деревни была найдена монета типа “Лев вправо / круговая славянская надпись”, вес — 1,09 г (рисунок 15).

Рисунок 9

Рисунок 13

Рисунок 10

Рисунок 14

Рисунок 11

Рисунок 15

Минская область

В 2003 г. вблизи д. Литва (Молодечненский район) был найден комплекс, состоявший из литовской “трехгранной” гривны весом 172,18 г, литовской “трехгранной” полтины весом 88,45 г (рисунок 12) и 122 пражских грошей.

Рисунок 12

Могилевская область

Практически все находки в Могилевской области сосредоточены в Мстиславльском районе. Только одна татарская монета с литовской надчеканкой “Колюмны” была найдена возле Славгорода на реке Проне (до 2005 г.).

В 2007—2008 гг. в Мстиславльском районе были сделаны еще две единичные находки татарских монет с литовской надчеканкой “Колюмны”, вес — 0,97 г (рисунок 16).

В 2007 г. зафиксированы единичные находки еще 3 монет:

— монета “Лев с плетенкой влево / подражание славянской надписи”, вес — 0,69 г (рисунок 17);

— дирхам хана Шадибека, чекан области Азак (определение К. Хромова), вес — 1,01 г (рисунок 18а);

— подражание татарской монете (определение К. Хромова), вес — 0,94 г (рисунок 18б).

Рисунок 16

Рисунок 17

Рисунок 18а

Рисунок 18б

В 2008—2009 гг. было найдено более 10 монет с надчеканкой в виде “стрелки на полукруглом основании” (рисунок 19). Концентрация находок этих монет

в Мстиславльском районе позволяет предположить, что их контромаркирование могло быть связано с Мстиславльским княжеством. Однако значительные различия в изображении надчеканок и весе монет не позволяют сделать окончательный вывод. Необходимо дальнейшее накопление фактического материала и его правильный анализ.

При этом можно сделать вывод: древние монеты ВКЛ имели более обширную территорию обращения, чем это было принято считать ранее.

Учитывая эффективность поиска с помощью металлодетекторов, а также количество поисковиков, можно ожидать новые находки, среди которых могут быть монеты новых, ранее не описанных типов. Автор будет признателен за любую достоверную информацию о находках ранних литовских монет и платежных слитков на территории Беларуси (e-mail: ishtal@tut.by).

Рисунок 19

Источники:

1. Грималаускайте, Д. Монеты Великого княжества Литовского в свете новых открытий: Литва (конец XX — начало XXI в.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Нумизматический сборник. Выпуск 1. Москва, 2006. — С. 137—161.
2. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Выпуск 4. Мінск, 2008. — С. 5—13.
3. Рябцевич, В.Н. Находки кладов и единичных монет XIV—XV вв. на территории Беларуси (материалы) // Восточная Европа в древности и средневековье. Минск, 2004. — С. 57—67.
4. Рябцевич, В.Н. О монетах Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского (последняя четверть XIV в.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Нумизматический сборник. Выпуск 2. Москва, 2007. — С. 138—164.
5. Шталенков, И. Литовские “трехгранные” слитки-гривны // Pieniądz i wojna. Warszawa, 2004. — С. 95—103.
6. Шталенков, И. Платежные слитки-гривны в денежном обращении ВКЛ // Банкаўскі веснік, 2006. № 4 (333). — С. 26—30.
7. Шталенков, И. Новые находки ранних монет Великого княжества Литовского // Pieniądz — kapitał — praca — wspólne dziedzictwo Europy. Warszawa, 2008. — С. 37—40.
8. Ivanauskas, E. Coins of Lithuania 1386—2009. Vilnius, 2009.
9. Remecas, E. Vilniaus žemutinės pilies pinigų lobis. Vilnius, 2003.

О подольских денариях Константина Кориатовича

В составе знаменитого Сосницкого клада 1911 г. (Черниговская обл., Украина), состоящего более чем из тысячи монет XIV в., в основном киевского князя Владимира Ольгердовича, был обнаружен денарий европейского типа, не получивший изначальной атрибуции [1]. В настоящее время большинство нумизматов относят его к чеканке литовского князя Федора Кориатовича, княжившего на Подолье в 1388—1393 гг.

Монета хорошей сохранности, имеет размер 12x13,5 мм, вес 0,30 г (*рисунок 1*). Апробирование, проведенное в Национальном музее истории Украины (НМИУ) штриховым методом, показало 0,600 пробу серебра.

Иконографический анализ подольского денария провели украинские нумизматы О. Погорелец и Р. Саввов [2]. Были сделаны качественные снимки монеты, проведено дополнительное изучение с использованием бинокулярного микроскопа, что позволило прийти к окончательным выводам относительно изображений, имеющих на денарии.

На аверсе монеты под короной размещены готические маюскулы “С” и “О”. Точка, которую можно видеть между ними, на самом деле является следом центровки штемпеля при нанесении на него разметки циркулем. Следы центровки можно видеть и на обратной стороне денария в центре двойного креста. Подобные следы часто встречаются на средневековых монетах, в том числе видны и на некоторых подольских грошах (подольских полугрошках) Константина Кориатовича (ок. 1380—1388). Буквы и поле монеты имеют небольшие дефекты чеканки в виде вмятин, повторяющих очертания изображений обратной стороны. Такой эффект возникает при втяжении металла рабочими ручьями противоположного штемпеля, которым не хватает металла для их полного заполнения при нанесении сильного удара, что характерно для монет, выбитых на тонких монетных кружках с использованием штемпелей с относительно высоким рельефом изображений. Такие же вмятины, оставленные противоположным штемпелем, можно видеть и на обратной стороне монеты. Под буквами расположен орнамент в виде трех колечек. Подобный орнамент широко распространен на русских грошах и медных денариях, чеканенных во Львове.

Литовскими нумизматами Э. Иванускасом и Р. Дучисом предложено прочтение букв “СО” как “*Samenecz Oppidum*” (Каменьчик укрепление) [3]. Как справедливо заметили О. Погорелец и Р. Саввов, название города на монетах обычно обозначается одной буквой без дополнительных уточнений. “*Oppidum*” в переводе с латыни означает небольшой укрепленный пункт, провинциальное местечко, в отличие от замка “*Castrum*” или города “*Civitas*”. Это вряд ли возможно в отношении второй столицы Подолья Каменца, полу-

чившего уже в 1374 г. право на самоуправление. К тому же в отношении Каменца в документах не встречается выражение “*Oppidum*”, а используется “*Castro*” (в грамоте Владислава Ягайлы Витовту от 1394 г. [4]) или “*Civitas*” (в документах XV—XVI вв.). Украинскими исследователями были предложены свои варианты прочтения букв, как “*Samenensis Obol*” (Каменецкий обол) или же расшифровки “С” как обозначение монетного двора — “Каменьчик”, а “О” — инициал монетчика. Однако сами же авторы поставили эти гипотезы под сомнение: обозначение номинала на монетах вошло в практику гораздо позднее, а для обולה (1/2 денария) монета слишком тяжелая и высокопробная (0,30 г 0,600 пробы). Буквы велики и для служебной надписи, занимают не надлежащее им центральное поле монеты, к тому же еще и под короной. По этим причинам вопрос о прочтении букв остался открытым [5].

Таким образом, большинство исследователей так или иначе связывают прочтение букв с названием Каменца-Подольского. В связи с этим хотелось бы отметить, что Каменьчик никогда не фигурирует в титулах ни Федора, ни Константина Кориатовичей, где они себя титулуют “дедичами и господами Подольской земли” [6]. На подольских грошах Константина Кориатовича также фигурирует Смотрич — первая столица Подольского княжества Кориатовичей.

Обычно в центре монеты под короной размещался инициал правителя, от имени которого производилась чеканка. Такая практика была широко распространена в государствах Центральной Европы XIV—XV вв., в том числе и соседних с Подольем Венгрии и Польше. Инициалы правителя присутствуют на всех русских грошах Казимира III (1353—1370 гг. чеканки), Владислава Опольского (1372—1378 гг. чеканки) и Людовика Венгерского (1379—1382 гг. чеканки). Аналогичное подольскому денарию оформление аверса можно видеть на денариях маркграфа Йошта (Йодока) Моравского (1375—1411), чеканенных в Моравии в 80-х гг. XIV в. под влиянием венгерских монет. На аверсе под короной расположены готические маюскулы “Ю” — первые две буквы латинского написания имени “*Iudocus*” (Йошт) (*рисунок 2*). На оборотной стороне монеты изображена “моравская орлица” — герб Моравии. В таком же дизайне чеканились и геллеры (1/2 денария), которые отличаются от денариев изображением равноконечного креста на обратной стороне, меньшим размером и весом монеты.

Единственным князем, чья монетная чеканка на Подолье не вызывает сомнений у исследователей, является Константин Кориатович (ок. 1380—1388). На наш взгляд, буквы “СО” на подольском денарии являются начальными буквами латинского написания

имени “Constantinus” (Константин). Латинская форма написания имени присутствует на всех известных подольских грошах этого князя, чеканенных во второй половине 80-х гг. XIV в. на Подолье.

На оборотной стороне денария расположен знак в виде двойного (“патриаршего”) креста с раздвоенными концами, выходящего из середины литеры “М”.

Известно описание двусторонней печати Федора Кориатовича с изображением Св. Георгия — родового символа Кориатовичей на одной стороне и штрихового знака — на другой (рисунки 3). Печать приложена к грамоте 1403 г., в которой Федор после неудачной попытки вернуться из Закарпатья и вновь завладеть Подольем отказывается от своих прав на Подольское княжество в пользу Владислава Ягайлы [7]. Сама печать до нашего времени не сохранилась и известна лишь из описи, сделанной при инвентаризации польского королевского архива в 1595 г. Схожесть знаков на денарии из Сосницкого клада и печати Федора дали основания нумизматам для атрибуции монеты этому князю [8].

Как известно, князь Новогрудский Кориат Гединович был крещен в православие и носил христианское имя Михаил [9]. Знак на печати Федора Кориатовича в виде “М” может быть монограммой христианского имени его отца — Михаила, на что также указывает двойной крест, выходящий из центра литеры “М”.

Подобный дуализм символов можно видеть на печати представителя другого знаменитого литовского рода — Андрея Семеновича Гольшанского (1457 г.) [10]. На ней изображен родовой герб князей Гольшанских “Кентавр”, под которым расположен штриховой знак в виде буквы “М” с двойным крестом в центре (рисунки 4), схожий со знаком на монете из Сосницкого клада и печати Федора Кориатовича 1403 г. Первым известным представителем рода князей Гольшанских является Ольгимунт. В Киево-Печерском патерике упоминается и христианское имя “князя Ольггимонта, нареченого в святом крещении Михаила в иноцех Евфимия” [11]. Можно предположить, что знак в виде буквы “М” с крестом на печати Андрея Семеновича является монограммой имени крещеного предка Гольшанских — Михаила-Ольгимунта. Использование этой монограммы на печати одновременно с родовым гербом подчеркивало христианские корни рода.

Практика использования подобного рода знаков встречается и в более позднее время. Гербы в виде “М” с “латинским” крестом в центре можно видеть на печатях маршалка господарского Богдана Михайловича Семашко 1554 г. и возного повета Слонимского Гаврилы Михайловича 1571 г. [12].

Таким образом, монограмма в виде буквы “М” с двойным крестом, так же, как и родовой герб с изображением Св. Георгия Победоносца, является общим символом Кориатовичей, а не личным княжеским знаком. К тому же печать Федора Кориатовича является достаточно поздней и известна лишь с грамоты 1403 г. Федор был изгнан из Подолья Витовтом в 1393 г. и бежал в Венгрию, где владел городом Мункачем. Нельзя также исключить, что Федор мог перенять этот знак уже после смерти старшего брата Константина (между 1388—1391 гг.) или после утраты Подольского княжества.

Рисунок 1.
Подольский денарий князя Константина с “СО” (Constantinus), вторая половина 1380-х гг.

Рисунок 2.
Моравский денарий маркграфа Йошта с “IO” (Iodocus), 1380-е гг.

Рисунок 3.
Знаки на подольском денарии и печати Федора Кориатовича с грамоты 1403 г.

Рисунок 4.
Знак на печати Андрея Семеновича Гольшанского с документа 1457 г.

На подольском денарии монограмма указывает на принадлежность эмитента к роду Кориатовичей, а инициалы “СО” под короной на аверсе монеты указывают на самого князя, от имени которого производилась чеканка, — Константин. Использование простого графического символа на денариях можно объяснить малыми размерами самой монеты и простотой его исполнения по сравнению с изображением родового символа Кориатовичей — Св. Георгия на коне, поражающего кошем змея, который присутствует на всех подольских грошах Константина.

На сегодняшний день известно не менее восьми грошей Константина [13]. Гроши I типа имеют на од-

ной стороне изображение родового символа Кориатовичей — Св. Георгия, а на другой — модификацию герба венгерской королевской династии Анжу (рисунк 5). На всех присутствует легенда с именем и титулом князя на латинском языке:

+ MONETA CONSTATINI / + D N DOMINI DE SMOTRIC (+ MONETA CONSTA[N]TINI / + D[VCIS] H[EREDIS ET] DOMINI DE SMOTRIC), что означает “монета Константина / князя, дедича и господаря Смотрича” [14].

Недавно был открыт и II тип гроша Константина, на который хотелось бы обратить особое внимание. Монету впервые опубликовал и подробно описал украинский нумизмат А. Шестопал в 2007 г. [15]. На одной стороне монеты имеется изображение Св. Георгия, как и на грошах I типа, а на оборотной стороне вместо герба расположена композиция из двух корон и неопределенного изображения в центре монеты (рисунк 6). Была прочитана легенда, выполненная на латыни с сокращениями:

+ MO : CONSTANTNI / + DVCIS : D : PODOLI (+ MO[NETA] : CONSTANT[INI] / + DVCIS [HEREDIS ET] : D[OMINI DE] : PODOLI[A]) — “монета Константина / князя, [дедича и] господаря Подолья” [16].

Более детальное изучение снимка этой уникальной монеты позволяет сделать некоторые уточнения. К сожалению, состояние реверса не позволяет однозначно сказать, что изображено под короной в центре монеты, а глубокие царапины (результат некачественной грубой чистки) еще больше искажают первоначальное изображение. Нестандартность самой композиции из двух корон, расположенных под углом друг к другу, и фрагменты изображения между ними позволяют сделать предположение о наличии в центре третьей короны. Частично просматриваются три ее ветви (центральная и две боковые), из которых левая боковая с ее верхними лепестками идентифицируется наиболее четко. Пропорции и форма также соответ-

ствуют размерам и форме корон. Основание ее четко не определяется. Центральная корона расположена примерно под тем же углом, что и нижняя, но смещена немного вверх и вправо. Не совсем понятной остается сама композиция в виде трех корон. Возможно, она каким-то образом перекликается с дизайном грошей I типа, где возле герба расположены три пятиконечные звезды или три лилии (таким образом мастер заполнил свободное пространство в центре монеты, где ранее располагался герб).

Что касается прочтения легенды, на реверсе монеты слово “DVCIS” не читается целиком, как предложили украинские исследователи. При более детальном рассмотрении между “С” и “S” нет буквы “I”, вместо которой стоит разделительный знак в виде двоеточия “DVC : S :”. Такие же разделительные знаки стоят после всех сокращенных слов легенды, в том числе и после “S”. При написании слова “DVCIS” целиком необходимость в сократительном знаке после “S” была бы не оправдана. Это также может свидетельствовать о сокращенном написании слова, начинающегося на “S”. Полностью легенда, на наш взгляд, должна читаться следующим образом:

+ MO : CONSTANTNI / + DVC : S : D : PODOLI (+ MO[NETA] CONSTANT[INI] / + DVC[IS DE] S[MOTRIC] D[OMINI] PODOLI[A]) — “монета Константина / князя Смотрича, господаря Подолья”.

Таким образом, титул “князь Смотрича”, характерный для “грошей Константина” I типа, был дополнен общим титулом “господарь Подолья”, что вместе с исчезновением венгерского королевского герба с реверса монеты может указывать на повышение статуса чеканки.

Также следует отметить, что слово “MONETA” сокращено на гласной букве в виде “MO”, что дает дополнительные основания для возможности аналогичного сокращения и на денарии Константина в виде “CO”.

Еще одна деталь, на которую хотелось бы обратить особое внимание — графика исполнения короны на денарии и новой разновидности “гроша Константина”. Как отметили О. Погорелец и Р. Саввов, короны на них идентичны не только по форме, но и по размеру, что позволяет говорить об использовании одного и того же пуансона при изготовлении штемпелей обеих монет, выполненных, вероятно, на одном монетном дворе [17].

При более детальном рассмотрении денария оказалось, что кроме короны при изготовлении штемпелей были использованы и другие пуансоны. Так, верхняя часть двойного креста нанесена отдельным пуансоном в виде равноконечного креста с раздвоенными концами (рисунк 7). Можно видеть, что он слегка смещен вправо относительно основной оси двойного креста. Далее мастер резцом подправил основание нанесенного пуансоном креста, соединив его с нижней перекладиной двойного креста. Буквы “С” и “О” также нанесены отдельными пуансонами. Такие же пуансоны в виде равноконечного крестика с раздвоенными концами и буквами “С” и “О” использовались и для нанесения легенды на штемпели грошей Константина. Это дает основания предполагать, что при изготовлении штемпелей для денариев и грошей максимально использовались одни и те же пуансоны, а сами штемпеля были изготовлены одновременно или почти одновременно на одном монетном дворе. Можно предположить, что гроши и денарии Константина являются разными номи-

Рисунк 5.
Подольский грош Константина I типа:
вес 1,01 г, диаметр 18,5 мм, проба 0,900.

Рисунк 6.
Подольский грош Константина II типа:
вес 0,77 г, диаметр 18,5 мм.

Рисунк 7.
Корона на подольском гроше и денарии;
верхняя часть двойного креста, выполненная
отдельным пуансоном (фрагмент денария).

налами одной монетной системы, существовавшей на Подолье во второй половине 80-х гг. XIV в.

Время чеканки подольского денария приходится на конец правления Константина (ок. 1388 г.). К этому времени вес подольского гроша снизился с изначального 1,01—1,15 г (средний вес 1,05 г, проба 0,900) до 0,72—0,77 г [18]. Исходя из веса и пробы денария (0,30 г, 0,600) и подольского гроша последних эмиссий (0,72—0,77 г, 0,900) в пересчете на содержание чистого серебра, а также учитывая обычную практику более низкого содержания чистого металла в мелкой разменной монете, можно предположить, что 1 грош разменивался на 3 денария. Такое соотношение, вероятно, является не случайным. Монетная система Подольского княжества тесно связана с монетными системами соседних государств. Так, русские гроши, послужившие образцом для подольской чеканки, сохраняли постоянное соотношение к пражскому грошу (2 к 1) на всем протяжении своей чеканки, по сути, являясь полугрошами. Такое же соотношение к пражскому грошу, очевидно, имели и подольские гроши. В Чехии после денежной реформы Вацлава IV (1378—

1419), проведенной в конце 1384 г., пражский грош составляли 7 денариев (пенязей), или 14 геллеров. В Моравии пражский грош разменивался на 6 моравских денариев, то есть половине пражского гроша соответствовали 3 денария. В Валахии при государе Владиславе I (1364—1377) местный грош (дукат), имевший вес 1,05 г, разменивался на 3 денария (бана) весом по 0,35 г. В 80-х гг. XIV в. во время правления Дана I (ок. 1383—1386) и Мирчи Старого (1386—1418) вес валашского дуката снизился вдвое. Вес бана составлял 0,2—0,3 г, сохраняя прежнее соотношение к дукату, как 3 к 1 [19]. Подобная система существовала и в соседней Молдавии, где Петр Мушат (1375—1391) чеканил свои гроши изначальным весом около 1 г. Известна также его мелкая разменная серебряная монета денариевого типа весом около 0,24 г [20].

Подводя итог, можно сказать, что проведенное исследование денария из Сосницкого клада позволяет полностью подтвердить его отношение к Подольскому княжеству и уточнить его атрибуцию князю Смотричу и господарю Подолья Константину Кориатовичу.

При подготовке материала поступила информация о находке еще одного денария и двух грошей Константина [21]. Денарий предположительно найден возле Киева. Монета отчеканена той же парой штемпелей, что и денарий из Сосницкого клада (вес 0,22 г). Один из грошей найден в составе клада на территории Румынии. Другой подольский грош (I типа, вес 1,02 г) был выявлен в одной из частных коллекций. Таким образом, общее количество известных на сегодня монет Константина Кориатовича увеличилось до 12. Будем надеяться, что новые находки помогут разрешить все еще остающиеся вопросы в изучении этих интереснейших памятников средневековой нумизматики.

Александр ГРОМЫКО

Источники:

1. Котляр, Н.Ф. Клад монет Владимира Ольгердовича // Нумизматика и эпиграфика. Т. VIII. — Москва, 1970. — С. 100.
2. Позорілець, О., Саввов, Р. Про нові знахідки монет Подільського князівства // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 4. С. 30—31.
3. Ivanauskas, E., Douchis, R. Coins of Lithuania. 1386—1707. — Vilnius, 1999. — P. 24.
4. Tegowski, J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w koncu XIV wieku // Teki Krakowskie, 5, 1997. S. 175.
5. Позорілець, О., Саввов, Р. Про нові знахідки монет Подільського князівства // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 4. С. 31.
6. Tegowski, J. Sprawa przyłączenia Podola do Korony Polskiej w koncu XIV wieku // Teki Krakowskie, 5, 1997. S. 170.
7. Puzyna, J. Korjat i Korjatowicze // Ateneum Wilenskie R. VII z. 3—4. Wilno, 1930. S. 454.
8. Ivanauskas, E., Balčius, M. Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės lydiniai ir monetos nuo 1387 iki 1495 metų. Vilnius, 1994. P. 47.
9. Puzyna, J. Korjat i Korjatowicze // Ateneum Wilenskie R. VII z. 3—4. Wilno, 1930. S. 426.
10. Цімоў, А. Геральдыка Беларусі. Мінск, 2007. С. 40.
11. Гальшанскія // ЭВКЛ. Т. 1. Мінск, 2005. С. 492.
12. Цімоў, А. Пячаткі старажытнай Беларусі. Мінск, 1993. С. 65 № 50, С. 80 № 141.
13. Позорілець, О., Саввов, Р. “Подольский полугрошок” и упоминание о нем в литовско-русских летописях. Pieniadz — kapital —

praca — wspolne dziedzictwo Europy. Materialy z VIII Miedzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Bialystok — Augustow. 18—21 wrzesnia 2008. Warszawa, 2008. S. 54.

14. Позорілець, О., Саввов, Р. Монета подільського князя Костянтина // Нумізматика і фалеристика. 2004. № 3.

15. Шостопал, А. Монети XIV ст. карбовані на Поділлі // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 3. С. 24—26.

16. Позорілець, О., Саввов, Р. Про нові знахідки монет Подільського князівства // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 4. С. 29.

17. Позорілець, О., Саввов, Р. Про нові знахідки монет Подільського князівства // Нумізматика і фалеристика. 2007. № 4. С. 30.

18. Позорілець, О., Саввов, Р. “Подольский полугрошок” и упоминание о нем в литовско-русских летописях. Pieniadz — kapital — praca — wspolne dziedzictwo Europy. Materialy z VIII Miedzynarodowej Konferencji Numizmatycznej. Bialystok — Augustow. 18—21 wrzesnia 2008. Warszawa, 2008. S. 55.

19. Iliescu, O. The history of coins in Romania (cca. 1500 B.C. — 2000 AD) Chronology — Bibliography — Glossary. Bucharest, 2002. P. 41.

20. Iliescu, O. The history of coins in Romania (cca. 1500 B.C. — 2000 AD) Chronology — Bibliography — Glossary. Bucharest, 2002. P. 43; Бьрня, П.П., Русев, Н.Д. Монеты средневековой Молдавии // STRATUM plus № 6, 1999.

21. За предоставленную информацию выражаю благодарность Рос-тиславу Саввову.

Русская монета в кладах первой половины XVII в. на территории Гродненской области

Виктор МАЛЕЖИК

Член
Белорусского
нумизматического
общества

До настоящего времени остается малоизученным феномен появления русской монеты в кладах, датированных первой половиной XVII в., на территории Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), в частности, на территории современной Беларуси. В последнее время работа в этом направлении нумизматики активизировалась. Белорусскими нумизматами проведен общий анализ кладов, содержащих русскую монету. Однако проведение исследований по имеющимся описаниям кладовых комплексов не приносит должного результата по причине поверхностных, а порой противоречивых сведений о самих монетах. Констатация факта наличия в кладе русских монет несет минимум информации, необходимой для данного исследования. Спецификой изучения русской монеты является кропотливая работа по проведению поштемпельного и метрологического анализов, которые вкупе могут заставить “говорить” невзрачную на первый взгляд русскую проволочную копейку, обладающую свойством довольно большой информативности. Немаловажным моментом в этом исследовании стало изучение топографии находок, а также социальной составляющей образования этих кладовых депозитов.

В силу объективных причин основную сложность в изучении сохранившихся кладов, в состав которых входит русская проволочная монета, составляет разорение комплексов, некачественное описание монет и их утрата в последующем, отсутствие информации о вновь найденных кладах.

Образовавшиеся пробелы необходимо заполнять, проводя профессиональный учет обнаруженных комплексов русских монет с целью получения необходимой информации.

Относительно небольшой по объему нумизматический материал, касающийся присутствия русской средневековой монеты на территории Гродненской области, может показаться недостаточным для констатации каких-либо конкретных выводов. Однако, анализируя некоторые тенденции и закономерности, можно сделать вывод, что это воедино связанные причины и механизмы появления русской монеты в кладах рассматриваемого региона.

На международной научной конференции в Су-прасле (Польша) в 2004 г. В.Н. Рябцевич отмечал скромную роль русской монеты в кладах, сокрытых на территории ВКЛ (7,24% от общего количества кладов XVII в. на территории Беларуси и 3,91% на территории Литвы). Он связывал этот факт с отсталостью денежной системы России, указывая, однако, на имеющиеся в первоисточниках сведения об активных торговых отношениях Литвы и Московии [10].

В свою очередь, Д.В. Рябцевич в своей работе “Российская монета на рынках ВКЛ в XVI—XVII вв.” [11, с. 196—197] провел общий анализ кладов с примесью русской монеты, найденных на территории Беларуси и Литвы, и определил два основных пути проникновения русской монеты на территорию ВКЛ, основываясь на присутствии большего количества кладов в Литве, Витебской и Могилевской областях Беларуси, выделив, таким образом, северный и восточный регионы, куда русские монеты поступали с территории Брянской (Гомельская и Могилевская обл.), Смоленской (Могилевская и Витебская обл.) и Псковской (Литва, Витебская обл.) областей России. При этом западные регионы Беларуси (Гродненская и Брестская обл.) представлены наименьшим количеством кладов данной категории. На основании анализа, проведенного Д.В. Рябцевичем, также был сделан вывод о непопулярности русских денег на территории ВКЛ вследствие отсталости русской денежной системы в указанный период.

Согласно последним публикациям того же мнения придерживается и современный белорусский исследователь В.А. Кобринец. Наряду с этим он подчеркивает, что русские монеты в кладах на территории Беларуси появились вследствие войн между Речью Посполитой и Московией 1632—1634 гг. и 1654—1667 гг. и ведения боевых действий на землях ВКЛ [3, с. 60].

Белорусские исследователи, изучавшие это направление нумизматики, сходятся во мнении о непопулярности русской монеты на территории ВКЛ исходя из ее скромной роли в кладовых комплексах XVII в. и практически отсутствия в кладах XVI в., что не соотносится с историографическими сведениями об активной торговле между землями ВКЛ и России.

Учитывая существующие неразрешенные противоречия, этот вывод необходимо расценивать как предварительный, касающийся общей оценки роли русских денег в денежном хозяйстве ВКЛ.

На взгляд автора, достижение позитивного практического результата в данном направлении кроется в детальном изучении кладовых комплексов, содержащих русскую монету.

Современные реалии указывают на необходимость более точного классификационного разделения этих кладов с одновременным проведением поштатно-метрологического и топографического анализов, учитывающая неоднородность причин появления русской монеты на различных территориях ВКЛ.

В настоящее время можно провести анализ четырех известных нам кладов, обнаруженных на территории Гродненской области, которые содержали в своем составе русские проволочные монеты.

Найденный в 1953 г. на берегу реки Неман у д. Княжеводцы (Дубно) Скидельского района (теперь — территория Мостовского района Гродненской обл.) клад монет ВКЛ (далее — дубненский клад), Польши, немецких городов, Испании [18, с. 226, № 91] насчитывает 78 монет, принадлежащих русской чеканке XVI — первой половины XVII в.

В 1956 г. в д. Зачепичи Дятловского района Гродненской области школьным учителем во время сельскохозяйственных работ был найден клад (далее — зачепичский клад), насчитывающий более 5000 монет Польши, западноевропейских государств, России [18, с. 227—228, № 98]. Однако до нас дошли только 2796 монет, из которых 12 — русские монеты XVI — первой половины XVII в.

В 1997 г. у д. Макеевцы Щучинского района Гродненской области при производстве сельскохозяйственных работ был обнаружен клад монет Польши, западноевропейских государств и России (далее — макеевский клад) [1, с. 12, № 33]. Этот клад (часть из которого в настоящее время хранится в частной коллекции) в момент находки насчитывал более 1000 монет, однако до нас дошло только 340, из которых 26 — русские проволочные монеты XVI — первой половины XVII в.

Еще один крупный клад, насчитывавший в своем составе 2532 монеты, массой 2,85 кг, был найден в 1895 г. вблизи д. Озерница Слонимского района (далее — озерницкий клад) [18, с. 227, № 94]. Он имел незначительную примесь русских проволочных монет, точное описание и количество которых, к сожалению, в настоящий момент неизвестны. Однако данный клад необходимо упомянуть, учитывая его прямое отношение к рассматриваемым временным рамкам, социологии вопроса, а также отметить топографию находки относительно мест обнаружения других кладов этой категории.

Проведя общий количественный анализ кладовых депозитов XVII в., найденных на территории Гродненской области, можно повториться и также отметить небольшой удельный вес кладов, содержащих русскую проволочную монету, относительно общего количества депозитов данного промежутка времени. В настоящее время нам известно 95 кладов, обнаруженных на территории Гродненской области, сокрытие которых можно отнести к XVII в. [1, с. 2, 9—31]. Из этого количества только 4 вышеуказанных депозита

содержат русскую монету, что составляет 4,2% от общего количества кладов XVII в. Однако сокрытие всех четырех кладов можно справедливо отнести к началу XVII в., что составляет 15,3% от общего количества известных кладов первой половины XVII в. (к этой категории относят 26 комплексов). При этом русская монета присутствует только в крупных депозитах, владельцев которых на данном этапе исследований можно предварительно отнести к социальной группе торговых людей. Ее полное отсутствие в типичных кладах сельских жителей говорит не о непопулярности русской монеты, а о ее полном отсутствии во внутреннем денежном обращении на землях ВКЛ, относимых к территории Гродненщины. Из этого следует, что утверждение о непопулярности русской монеты необходимо рассматривать неоднозначно, поставив вопрос вообще о значении этого термина применительно к национальной денежной системе, при наличии тех серьезных противоречий, которые имели место в денежных хозяйствах государств. Этот термин можно сформулировать как потребность в ней у определенной социальной группы населения на данных территориях. Рассматривая проблему с точки зрения потребности, мы придем к конкретным практическим причинам появления русских денег в кладовых комплексах, учитывая инородность русской монеты в денежном хозяйстве ВКЛ.

Русская денежная система, основой которой являлась проволочная копейка с двумя ее фракциями — денгой (1/2 копейки) и полушкой (1/4 копейки), не могла идти в сравнение с развитой денежной системой Речи Посполитой или другого европейского государства, несмотря на очень высокое качество серебра, служившего сырьем при чеканке копеек. Русская копейка не могла быть популярной изначально благодаря ее высокой стоимости. Русское правительство, проводя политику закрытого функционирования своей денежной системы, получало хороший доход от перечеканки талеров в копейку (при обменном курсе 42 копейки в 1613 г., 48—50 — в 1619 г. и сохранении такого курса до 1650 г., когда был установлен фиксированный курс, равный 50 копейкам за талер, при его реальной стоимости 53—56 копеек) и до определенного времени не ставило цель выведения русских денег на международный рынок. По этой причине появление русской монеты на определенных зарубежных рынках следует связывать с особенностями товарно-денежных отношений в конкретном промежутке времени.

Отмечая отсутствие русской монеты на территории Гродненской области в известных нам кладах XVI в., можно предположить, что это обстоятельство обусловлено рядом военных конфликтов, в частности событиями Ливонской войны (1558—1583 гг.), активными боевыми действиями между войсками Речи Посполитой и России. Основной торговый центр на северо-западе России — Псков, имевший стратегическое значение в торговых отношениях с Европой, стал ареной боевых действий и практически был выведен из экономических отношений. В связи с неудачным результатом войны Россия лишилась земельных владений на Балтике и выхода к Балтийскому морю.

Заключение Тявзинского мира в 1595 г. сыграло важную роль в возрождении торговли в данном регионе. России были возвращены города Ям, Копорье, Корела, Ивангород. А такие города, как Выборг и Ре-

вель, стали пропускать иноземных купцов в русские пограничные земли. В результате произошло оживление торговли с Западом через балтийские порты. Из Голландии и Англии начал поступать основной товар русского импорта — серебро, преимущественно в виде талеров “ефимков”.

Одновременно в Пскове оживляется торговля и с литовскими землями. В наказе 1594 г. было сказано, что: “которые литовские и немецкие люди и всяких земель гости деньги русские везут во Псков, и золото, и серебро плавленое в слитках и в ефимках и в какове деле ни буди, а явят его во Пскове таможенным целовальником, и те деньги и золото и серебро писать в таможенные книги, а записав велено иноземцам на русские деньги покупать товар во Пскове, а золото б и серебро всякое меняли на псковские товары или б продавали псковичам на деньги, а на те б деньги товар же во Пскове покупали. А которые гости торговые люди деньги и золото и серебро повезут изо Пскова за рубеж, а товару не купят, и тех гостей велено обыскивать. Да у кого денги или серебро вымут, и у тех гостей у торговых людей денги и серебро, и золото и животы их имати на государя” [А.С. Мельникова, цит. по: Чистякова Е.В. 1950 г.].

Немного позже военный капитан Жак Маржерет, находившийся в России в начале XVII в., в своих записках утверждал: “Россия — государство очень богатое. Не высылая денег за границу, но ежегодно копя их, русские платят иностранцам обыкновенно товарами: мягкой рухлядью, воском, салом, кожами воловьими и оленьими, сафьяном, льном, пенькой, всякого рода веревками, икрой, соленой семгой, ворванью и другими произведениями, хлеба же не смеют вывезти со стороны Ливонии, не взирая на чрезвычайное его изобилие. Сверх того, русские променяют иностранцам поташ, льняное семя, пряжу, не покупая ничего от них на чистые деньги” [16, с. 32—33].

Эти источники как нельзя ярко показывают структуру торговли на территории России в конце XVI — начале XVII в. Кроме того, здесь мы видим еще две причины отсутствия русской копейки вкладах, датированных концом XVI — началом XVII в., в виде законодательного запрета на вывоз с территории России не только серебра и золота как металла, но и русских денег, а также наличием преимущественно натуральной торговли с иностранцами.

Несмотря на это, создаваемые препоны не могли искусственно исключить естественный процесс развития взаимовыгодных экономических отношений при наличии спроса и предложения.

А.С. Мельникова отмечала, что по мере развития экономических отношений анахронизм русской копейки не выдерживал никакой конкуренции, наряду с чем “в XVI—XVII вв. русские копейки ценились на западе главным образом как высокопробное серебро”, указывая при этом на содержание указа от 1620 г., в котором говорилось: “Из Московского государства возят (иностранцы) к себе старые деньги, чистое серебро” [5, с. 155]. Белорусским исследователем А.В. Кобриным также было отмечено, что русская проволочная монета благодаря хорошему качеству серебра пользовалась популярностью как источник металла для изготовления ювелирных изделий. Этот факт он подтвердил находками ювелирных изделий, изготовленных из русских монет, и документальными сведе-

ниями, свидетельствующими об этом [4, с. 76—77]. Однако на территории Гродненской области в отличие от восточных областей Беларуси находки ювелирных изделий, при изготовлении которых применялись русские копейки, до настоящего времени не зафиксированы.

Подытожив доводы, указывающие на причины отсутствия русской монеты вкладах XVI в. и ее скромное присутствие вкладах XVII в., можно выделить четыре фактора обоюдного отторжения рассматриваемых денежных систем, к которым можно отнести военно-политический, экономический, юридический и психологический факторы.

К *военно-политическому фактору* относятся череда военных конфликтов между Речью Посполитой и Москвой, имевших место в XVI—XVII вв., и крайне натянутые политические отношения между этими государствами, которые не могли способствовать развитию торговых отношений.

Рассматривая *экономический фактор*, можно, бесспорно, констатировать наличие принципиально разных основ денежных систем обоих государств, пресекающих внедрение мелкой разменной монеты на внутренние рынки. Хорошее качество серебра копейки и архаичная техника чеканки ставили барьер не пути ее проникновения на европейские рынки, обслуживаемые качественно выполненной билонной разменной монетой.

К *юридическому фактору* относятся многочисленные запреты на вывоз русских денег за рубеж и категоричные запреты на использование в торговле иностранной монеты на территории самой России.

Психологический фактор может вызывать различные суждения, однако немаловажную роль в денежном обращении обоих государств играла консервативность населения по отношению к национальной денежной системе, устоявшимся стереотипам денежного счета. В первоисточниках имеется множество упоминаний иностранных купцов, политических деятелей и путешественников о неудобстве русских денег при расчетах.

Все эти факторы, тесно взаимосвязанные друг с другом, предопределили автономное место русских денег в международной торговле.

Так выглядит классическая схема причин неприятия литовским рынком русской монеты, и она, безусловно, верна применительно к общей оценке роли русской монеты в денежном обращении ВКЛ.

Учитывая наличие вышеуказанных факторов как в XVI в., так и в XVII в., надо рассматривать проблему “непопулярности” русской монеты и ее неожиданного появления вкладах на территории Гродненской области более углубленно и нестандартно.

По мнению автора, необходимо разделять потребности в русской монете внутреннего рынка ВКЛ, осуществлявшего крупные международные торговые операции, и рынка, проводившего внешнеторговые сделки в приграничных районах, что особенно актуально для балтийской торговли XVII в., учитывая некоторые особенности его структуры, сложившиеся к 20-м гг. этого столетия.

Известный российский исследователь русской торговли в восточно-балтийском регионе И.П. Шаскольский структурировал этот рынок на две составляющие, выделив торговлю России непосредственно со

Шведским государством, где активную роль играли русские торговые люди, осуществлявшие поездки непосредственно в Швецию, и русско-балтийскую торговлю в Ливонии, где с XIII в. традиционно ведущую роль играло ливонское купечество и купечество ганзейских городов Германии. Введенное запрещение “гостевой торговли” (Gast mit Gast) обеспечивало этих купцов хорошей прибылью за счет транзитной торговли, выступая своеобразным мостом между Востоком и Западом [13, с. 8—9]. Ливонские и ганзейские купцы, не ограничиваясь посреднической деятельностью, активно вели торговлю и на русской приграничной территории. Благодаря сплоченности и большому капиталу они прочно удерживали в своих руках транзитную торговлю с Россией. Из владений Шведского государства в Россию приезжали торговать почти исключительно одни прибалтийско-немецкие купцы из Ревеля, Нарвы и Риги [13, с. 27]. В это же время, после заключения в 1617 г. Столбовского мирного договора, все сношения России с Европой по Балтийскому морю должны были производиться через владения Швеции. При этом все эти отношения были весьма ограничены условиями статьи 14 этого договора, которая сдерживала передвижение российских торговцев только в пределах шведских владений и накладывала запрет на проезд через эти владения в другие государства Западной Европы [12, с. 18].

Наряду с множеством убедительных фактов, свидетельствующих о “непопулярности” русской копейки среди иностранных торговцев, в историографии появляются сведения, указывающие на существующую потребность в этой денежной единице на восточно-балтийских рынках, ведущих активную торговлю с северо-западными областями России в XVII в.

А.С. Мельникова в своей монографии о чеканке русской копейки в Свее (Швеция) приводит отрывок из письма шведского короля Густава Адольфа от 29 июня 1615 г., адресованного в Швецию государственному казначейству и счетной конторе. В данном письме Густав Адольф дает подробные указания о чеканке подражаний русским копейкам и мотивирует целесообразность данной акции. “Копейки, — пишет король, — должны быть “так хороши, или даже лучше тех, которые чеканят теперь в Москве, и они могут пойти не только по всей России наравне с другими, но в Польше и в Литве, а так же в Данциге, Риге и других поморских городах” [6, с. 114].

Шведский резидент Иоганн де Родес в 1650 г. был вынужден получить от русского правительства 20 тыс. дукатов русской монетой, по 100 копеек за дукат. Родес предполагает эти деньги “выменять на дукаты на нашей границе и в лифляндских городах, где русские деньги в ходу” [5, с. 155].

Эти сведения указывают на наличие в первой половине XVII в. рынка русской монеты в зоне восточно-балтийской торговли. Его появление могло быть вызвано ростом экспортного товарного производства, характерного для посткризисной экономики России XVII в. Рост избыточной продукции сельского хозяйства был в XVII в. одной из главных предпосылок развития русской внешней торговли. Россия благодаря событиям тридцатилетней войны начинает крупные поставки хлеба в Европу через архангельские порты. Существенное значение во внешней торговле сельскохозяйственной продукцией имеют лен и пенька, кото-

рые выращивались в северо-западных и некоторых центральных уездах России. В частности, псковские и новгородские земли специализировались на выращивании льна и конопли [13, с. 5—6]. В то же время российские исследователи (А.С. Мельникова, А.П. Шорин) при анализе русских кладов северо-западных земель XVII в. отмечали смещение кладообразования из города в сельскую местность, что обуславливалось ростом торговли на селе, при этом составы русских кладов относятся к категории монетных резервов, представляющих собой кратковременные накопления, использовавшиеся населением непосредственно в обыденной жизни [7; 15].

Следует предположить, что благодаря всем этим событиям и условиям торговли образовался рынок русской монеты, необходимой немецко-прибалтийским купцам для осуществления сделок с русскими торговыми людьми как на территории Прибалтики, так и на приграничных псковских и новгородских землях (учитывая консервативность русских купцов по отношению к национальной денежной системе, что подтверждается составами кладов). Они, как и все остальные кладовые комплексы русских территорий, отличаются своей “чистотой” в плане полного отсутствия в их составах иностранной монеты [15].

Подтверждением этой версии является появление в это сложное как для России, так и для Речи Посполитой время незначительных сумм русских денег в кладах, датировка сокрытия которых приходится на 20-е гг. XVII в. К этому промежутку времени относятся и клады, найденные на приграничных польских территориях вблизи Белостока и Ломжи [19, № 350, 403, 405], включающие незначительные примеси русских монет. При этом русские комплексы гродненского региона имеют характерные признаки их формирования на территории северо-запада России. Как уже отмечалось ранее, русские проволочные монеты отсутствуют в типичных кладах сельских жителей, что и подтверждает “непопулярность” русской копейки на внутреннем рынке ВКЛ. Их присутствие отмечено в относительно крупных, смешанных кладах, имеющих неоднородный национальный состав. Несмотря на то, что русские монеты представлены в крупных кладах, их количество невелико. Наиболее условно-крупные русские комплексы представлены в макеевском и дубненском кладах (26 и 78 монет в каждом соответственно). Суммы в денежном выражении составляют: 24 копейки в макеевском кладе и 72,5 копейки в дубненском кладе, при существующем обменном курсе на территории России — 48—50 копеек за талер.

Соответствие русской монеты периодам правления царей, чеканивших ее, напрямую отражает соотношение содержания этой монеты в денежном обращении самой Руси в 10—20-х гг. XVII в. И.Г. Спасский отмечал, что: “Идея “обновления монеты” была настолько чужда русскому денежному делу, что до тех пор, пока не изменялся вес монеты, в обращении оставались любые ранее выпущенные, хотя бы на них значилось даже имя самозванца” [12, с. 118]. Так, обильная чеканка Ивана IV, обеспечившая потребность в полновесной разменной монете на многие десятилетия, объясняет большое их содержание в названных комплексах. В дальнейшем неактивная чеканка Федора Ивановича вследствие обеспеченности рынка монетой Ивана IV сменяется ее активизацией во времена прав-

ления Бориса Годунова, после смерти которого начинается знаменитый кризис, вошедший в историю Руси как Смутное время, и, как следствие, упадок денежной системы, финансовый кризис во времена правления Василия Шуйского, продлившийся до стабилизации власти при Михаиле Романове. На практике копейки делились на “новые”, облегченные, монеты и “старые”, чеканенные по нормам трехрублевой стопы.

Имея малочисленные группы монет, сложно провести количественный анализ русской монеты по материалу гродненских кладов. Однако, обратив внимание на составы макеевского и дубненского кладов, можно заметить некоторые особенности в части соотношений монет в самих “русских группах”.

Дубненский комплекс, насчитывающий 78 русских монет, содержит 44,87% (35 монет) Ивана IV; 3,85% (3 монеты) — Федора Ивановича; 30,77% (24 монеты) — Бориса Годунова; 8,97% (7 монет) — Лжедмитрия I; 10,26% (8 монет) — Василия Шуйского и 1,28% (1 монета) — шведской оккупационной власти в Новгороде.

Комплекс макеевского клада, состоящий из 26 русских монет, содержит 38,46% (9 монет) — Ивана IV; 7,69% (2 монеты) — Федора Ивановича; 11,54% (3 монеты) — Бориса Годунова; 3,85% (1 монета) — Василия Шуйского; 11,54% (3 монеты) — шведской оккупационной власти в Новгороде; 26,92% (7 монет) — Михаила Федоровича Романова.

На представленных диаграммах интенсивность чеканки русских монет отражена в количественном содержании монет разных правителей (рисунки 1, 2). Эти перепады, вызванные различными историческими обстоятельствами, отражают их количественное содержание и в самой русской денежной системе.

А.С. Мельникова отмечала, что в русских кладах вплоть до начала 20-х гг. XVII в. значительную часть составляли монеты трехрублевой стопы. К середине 20-х гг. количество старых монет заметно убывает, а в кладах конца правления Михаила Федоровича они насчитываются единицами. Данное обстоятельство было обусловлено активной скупкой у населения старых монет трехрублевой стопы с “наддачей” [5, с. 158]. Население России благодаря выгодному курсу обмена (110—112 “новых” копеек за 100 “старых”) легко приняло облегченные монеты Михаила Федоровича, хотя в северо-западных областях России этот процесс затягивался вследствие особой популярности у населения этих областей полновесных монет, чеканенных по нормам 3-рублевой монетной стопы. Эту закономерность можно заметить и в кладах Гродненской области, где в комплексах вплоть до конца 20-х гг. XVII в. присутствуют в большей мере монеты, чеканенные до Михаила Романова.

Еще одной особенностью денежной системы России XVI — начала XVII в. являлось хождение монеты, чеканенной на различных денежных дворах, поэтому клады, сформированные на территориях России, имели специфические особенности. Это обстоятельство особенно отчетливо прослеживается в денежном обращении первой четверти XVII в., характеризующемся разобщенностью. Изоляция северо-западных земель в результате шведской оккупации, казачьи воровские шайки, безвластие, а затем становление власти в Москве породили ряд региональных особенностей де-

нежного обращения [8]. Работа Псковского монетного двора в рассматриваемый промежуток времени осуществлялась эпизодически и держалась в основном на частных заказах торговых людей, отдававших имеющееся у них серебро на передел в русские деньги, обеспечивающие торговые операции в данном регионе. Новгородский монетный двор с 1611 г. по 1617 г. осуществлял чеканку русских монет, организованную шведской оккупационной властью. Вслед за угасанием русской балтийской торговли постепенно перестают существовать и монетные дворы этого региона, роль которых в последующем взял на себя московский денежный двор, обеспечивающий основную долю государственных заказов. Тем не менее рынок северо-западных областей России обслуживается большей долей монет, чеканенных в данном регионе. Это подтверждается составами кладов, обнаруженных на территории Пскова и Псковской области, которые отличаются присутствием большой доли таких монет [15]. Кроме того, здесь отсутствуют особенности северного и центрального регионов, где в ходу были монеты второго земского ополчения и большая доля монет Михаила Федоровича Романова, практически вытеснивших в 20-х гг. XVII в. монеты прежних правителей, в отличие от северо-западных территорий, где, как уже было отмечено, популярностью пользовались старые полновесные

Соотношение русских монет по правителям в дубненском кладе

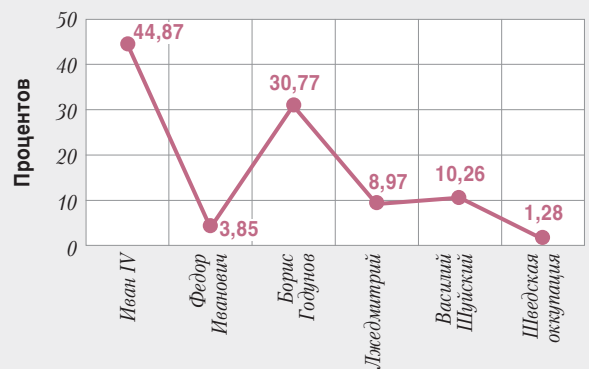

Рисунок 1

Соотношение русских монет по правителям в макеевском кладе

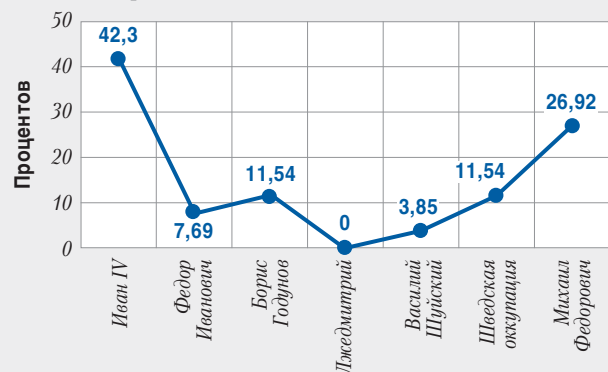

Рисунок 2

монеты, что на некоторое время тормозило проникновение сюда монет Михаила Федоровича.

Применительно к рассматриваемой теме, проведя анализ содержащихся вкладах русских монет по месту чеканки, можно с большой долей вероятности определить регионы их формирования.

Дубненский клад, как уже отмечалось, насчитывает 78 монет, принадлежащих русской чеканке XVI — первой половины XVII в. Сохранившаяся часть общего кладового комплекса насчитывает 399 монет, хранящихся в коллекции Гродненского историко-археологического музея. Младшая по дате чеканки монета — 3 гроша литовской эмиссии Сигизмунда III Вазы 1614 г. Это самый крупный кладовый комплекс русской проволочной монеты, найденный на территории Гродненской области. Доля русской монеты по отношению к сохранившейся части комплекса составляет 19,5%.

Можно сказать, что это типичный комплекс русской монеты, характерный для денежного обращения северо-запада России. Общее количество монет новгородской и псковской чеканки составляет 64,1% от общего количества русских монет этого клада. Естественно, что наиболее широко в кладе представлена чеканка Ивана IV (44,8% от общего количества русских монет). Монеты его сына Федора представлены только тремя копейками новгородской чеканки. Следует отметить наличие большой доли псковских копеек Бориса Федоровича Годунова (41,6% относительно всех монет данного правителя), а также Василия Шуйского (62,8% относительно всех монет данного правителя). Кроме того, монеты Лжедмитрия I представлены только копейками, чеканенными в Новгороде и Пскове. Младшая русская копейка (*тип 1 — 1 таблица 6, здесь и далее классификация по А.С. Мельниковой*) отчеканена шведской оккупационной администрацией главнокомандующего Деллагарди в Новгороде. Данный тип чеканки относится к 1611—1615 гг. Однако, учитывая вес данной копейки, составляющий 0,6 г, при норме шведской чеканки данного типа монет 0,57 г и тенденции в последующем к снижению нормы монетной стопы данного типа чеканки до среднего веса копейки 0,53 г, можно предположить, что данная монета принадлежит к начальному этапу чеканки копеек шведами.

Следует отметить, что в данном кладе отсутствуют монеты Михаила Федоровича Романова, хотя сокрытие самого клада датировано после 1614 г., что указывает на формирование комплекса до появления на северо-западных территориях России монет Михаила Федоровича, начавшего чеканку своей монеты в 1613 г. Это обстоятельство может уточнять время тезаврации данного клада и ограничить ее 1614 г.

Таким образом, состав русского комплекса указывает на его формирование, вероятнее всего, в Пскове либо псковских землях в 1611 г. и 1614 г.

В 1615 г. войска Густава-Адольфа осадили Псков, изолировав его от центральных областей России практически до подписания Столбовского мира. Следующие клады с содержанием русской монеты появляются в 20-х гг. XVII в. Тезаврация первого из них — озернищого клада датируется после 1621 г. (младшая монета — коронный полуторагрошовик Сигизмунда III Вазы 1621 г.).

Зачепичский кладовый комплекс имеет в своем составе 12 русских монет XVI — XVII вв. Этот депозит является одним из самых крупных известных кладов,

найденных до настоящего момента на территории Беларуси. Клад был сокрыт после 1627 г. (младшая монета — грош литовской эмиссии Сигизмунда III Вазы 1627 г.). Младшие русские копейки Михаила Федоровича Романова отчеканены в Пскове штемпелем образца 1627 г. Эта дата отмечена угасанием и без того нестабильно функционировавшего Псковского монетного двора, монеты которого являются достаточно редкими. Обе монеты имеют хорошую сохранность, а значит, недолго находились в обороте, из чего можно сделать более точный вывод о дате тезаврации данного комплекса и отнести ее к 1627—1628 гг.

Названный комплекс русских монет имеет небольшие размеры, однако и здесь следует отметить присутствие в большей степени копеек новгородской и псковской чеканки (66,67%), а также наличие в этой небольшой группе копеек, чеканенных шведами в Новгороде.

Макеевский клад в момент находки насчитывал более 1000 монет. Из 340 дошедших до нас — 26 русских проволочных монет XVI—XVII вв. Сокрытие данного клада датировано концом 20-х гг. XVII в. Младшая по дате чеканки монета — грош литовской эмиссии Сигизмунда III Вазы 1627 г. Количество русских монет по отношению к остальным монетам относительно сохранившейся части клада составляет 7,6%. При этом монеты Федора Ивановича и Бориса Федоровича Годунова представлены только новгородской и псковской чеканкой.

Московская чеканка этого депозита представлена денгами Ивана IV и копейками, чеканенными в первые годы правления Михаила Федоровича Романова, когда основным эмитентом монет являлась Москва, где началась чеканка по новой, облегченной, монетной стопе. Штемпель младшей русской копейки московской чеканки датируется 1619 г. (*тип 9—13 таблица 8*).

Следует особо отметить, что в этом небольшом русском комплексе, как и в вышеописанных кладах, присутствует одна примечательная особенность в виде наличия копеек, чеканенных шведской оккупационной администрацией в Новгороде (*2 монеты тип 1—1 таблица 6; 1 монета тип 2—2 таблица 6*). Это обстоятельство при анализе русских кладов указывает на признак, характерный для денежного обращения на новгородских землях [9, с. 146]. Разумеется, небольшие размеры рассматриваемых русских комплексов имеют возможность влияния на них различных факторов. Однако наличие в этих небольших комплексах относительно редких в центральных районах России монет является показательным признаком их принадлежности если не конкретно новгородским землям, то, по крайней мере, признаком, который говорит о принадлежности комплексов денежному обращению на северо-западе России.

Исследуя описанные выше клады, отметим разнообразие западноевропейской, преимущественно немецкой, разменной монеты во всех четырех депозитах. Такое разнообразие отсутствует в остальных кладах первой половины XVII в. Обратив внимание на топографию этих находок, следует отметить их концентрацию в центральной части Гродненской области между городами Щучин, Мосты, Слоним и Дятлово. Указанные клады были найдены в населенных пунктах либо в непосредственной близости от них, распо-

ложенных вдоль реки Неман (д. Дубно, Макеевцы, За-чепичи), а также между ее крупными притоками — реками Щара и Зельвица (д. Озерница). Тенденция концентрации кладов вдоль основных водных артерий рассматриваемого региона, обеспечивающих функционирование торгового пути, связывавшего эти районы с рынками восточной Прибалтики, еще раз указывает на экономический характер появления русских монет в кладах на территориях ВКЛ.

Связывая этот факт с известным повышением спроса на сельхозпродукцию в рассматриваемом промежуток времени, автором был сделан вывод о необходимости определения территорий, жители которых специализировались на земледелии, что было обусловлено благоприятными природными условиями. Определение этих территорий при наличии выявленных закономерностей может стать одним из звеньев в цепочке топографического анализа.

Для определения указанных регионов в топографическом анализе можно использовать балльную систему оценки сельхозугодий и пашни, определяющую качественный показатель почв, находящихся в сельскохозяйственном обороте. В настоящее время эта система широко используется в агропромышленном комплексе Беларуси.

Анализируя места нахождения рассматриваемых кладов с учетом показателей плодородия почв, автором отмечено, что эта немногочисленная группа кладов была обнаружена в почвах, имеющих средний и относительно высокий уровень плодородия. При этом необходимо подчеркнуть, что высокий уровень плодородия в местах обнаружения кладов не является обязательным и закономерным условием, что может быть обусловлено проживанием на данных землях людей, занимающихся торговлей либо обеспечивающих функционирование торгового пути (сбор налогов, обеспечение переправ, постоев, транспортных услуг и т.д.). Однако во всех известных случаях мы имеем факты нахождения плодородных земель в непосредственной близости от районов обнаружения кладов, что принимает форму закономерности при топографическом анализе. При этом важно учитывать удобное расположение населенных пунктов, где были обнаружены кладовы, относительно районов с высоким плодородием почв и наличием водных артерий. Связывая оба этих показателя в одно целое, можно констатировать факт нахождения кладов, содержащих комплексы русских монет, в районах с оптимально выгодными условиями для оптовой торговли. Все это еще раз подтверждает и уточняет принадлежность кладов социальной группе торговых людей, осуществлявших свою деятельность на торговом пути между рынками ВКЛ и восточной Прибалтики.

Ведя речь о наличии необходимости в русской монете у литовских торговых людей (исходя из нумизматического материала вышеперечисленных кладов), можно отметить, что в этих депозитах представлены остатки сумм текущих расходов, необходимых при осуществлении сделок. Эти выводы подтверждаются и наличием в комплексах денги — фракции русской копейки, использовавшейся на территории России в XVII в. Учитывая отсутствие русской монеты на внутреннем рынке рассматриваемой нами территории, следует сделать вывод о необходимости исследования вопроса о роли русской монеты на рынках ВКЛ исходя из структуры международных товарно-денежных отношений, сложившихся в Прибалтике и северо-западных областях России. Наличие факторов, не способствовавших развитию крупной торговли между этими государствами, выводит на первый план непосредственно социальную группу торговых людей, осуществлявших небольшие сделки в зоне восточно-балтийской торговли.

Подводя итог проведенного анализа кладов первой половины XVII в., содержащих русскую монету, можно прийти к выводу, что ее появление на территории Гродненской области имеет чисто экономический характер и связано с повышением спроса на сельскохозяйственную продукцию, временным образованием регионального рынка русской монеты в зоне восточно-балтийской торговли в 10—20-х гг. XVII в. В свою очередь, деятельность литовских торговых людей на рынках восточной Прибалтики обусловила попадание в их депозиты русской монеты, на что указывают письменные источники, временные рамки кладообразования, признаки формирования русских частей кладов в северо-западных областях России, а также топография находок. В последующие годы русская монета ввиду незначительной потребности остается в депозитах торговцев, практически не проникая при этом на внутренний рынок ВКЛ.

К 30-м гг. XVII в. торговля в новгородских и псковских землях заметно падает, о чем свидетельствуют факты закрытия Новгородского (1626/1627 г.) и Псковского (до 1630 г.?) монетных дворов ввиду их нерентабельности, причиной чему явилось отсутствие заказов от торговых людей, как русских, так и “неметцких” [5, с. 182].

Примечательно, что одновременно с этими событиями в 30—40-х гг. XVII в. русская монета в тезаврации кладовых комплексов на территории Гродненской области уже не участвует.

Дальнейшее изучение кладов, содержащих русскую монету, конкретизирует причины появления и роль русской монеты в денежном хозяйстве ВКЛ.

Источники:

1. Какареко, В.И. Клады монет нового времени на территории Гродненской области. V Международная научная нумизматическая конференция. Супрасль. 2002 г.
2. Какареко, В.И. Монетные кладовы из собрания Гродненского государственного историко-археологического музея // 60-летие образования Гродненской области. Материалы Международной научной конференции 3—4 марта 2004 г., ГГУ, Гродно, 2004.
3. Кобринец, В.А. Клады с российскими монетами в собрании нумизматического кабинета Белорусского государственного университета // Краязнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мн.: БДУ, 2008.
4. Кобринец, В.А. Копеечные “коралы” XVII в. (полоцкая находка 1990-х гг.) // Банкаўскі веснік, 2008. № 7.
5. Мельникова, А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История Русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М.: Изд-во “Финансы и статистика”, 1989.

6. Мельникова, А.С. О чеканке “нефедки” в Свее // *Очерки по истории русского денежного обращения XVI—XVII вв. М.: Изд-во “Стрелец”, 2005.*
7. Мельникова, А.С. К вопросу о Псковском денежном дворе на рубеже XVI—XVII вв. // *Очерки по истории русского денежного обращения XVI—XVII веков. ГИМ, М.: Изд-во “Стрелец”, 2005.*
8. Мельникова, А.С. Особенности русского денежного обращения // *История СССР. 1966 г. № 5.*
9. Мельникова, А.С. Таймырский клад русских монет XVII в. // *Хранитель Эрмитажа. Сборник воспоминаний и научных статей к 100-летию со дня рождения И.Г. Спасского. СПб.: ГЭ, 2004.*
10. Рябцевич, В.Н. Клады чрезвычайных обстоятельств на землях ВКЛ // *Тезисы доклада. VI Международная научная нумизматическая конференция. Супрасль. 2004. <http://skarbkhoz.ru/monety/novogo-vremeni/artikle-3.htm/>*
11. Рябцевич, Д.В. Российская монета на рынках ВКЛ в XVI—XVII вв. // *Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов. СПб.: ГЭ, 2001.*
12. Спасский, И.Г. Русская монетная система. Л.: Изд-во “Аврора”. 1970.
13. Шаскольский, И.П. Русская морская торговля на Балтике в XVII в. Изд-во Наука. СПб., 1994.
14. Шаскольский, И.П. Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в. СПб: 1998.
15. Шорин, П.А. Монетные клады псковской земли (клады русских монет XV—XVII вв.) // *Краткие тезисы докладов научно-практической конференции “Археология Пскова и Псковской земли” <http://arheologi.livejournal.com>. 1985.*
16. Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев // *Составитель Н.В. Бочкарев, М. изд. Крафт+, 2000.*
17. Таблицы баллов сельскохозяйственных угодий и пашни сельскохозяйственных предприятий Гродненской области.
18. Rjabcevic V.N. Skarby monet z XVI i XVII wieku na terenie obwodu Brzeskiego i Grodzieskiego Bialoruskiej SRR // *Prais i materially museum archeologicznego i etnograficznego w Lodzi. Seria numizmatyczna i konserwatorska № 6, 1986.*
19. Meclewska, M., Mikolajczyk, A. Skarby monet z lat 1500—1649 na obszarze PRL. Inwentarz // *Polskie towarzystwo archeologiczne i numizmatyczne. Warszawa. 1983.*

О находках древнейших литовских монет у Новогрудка

Древняя и богатая знаковыми событиями история Новогрудчины до сих пор завораживает и притягивает интерес исследователей, пытающихся разгадать загадки, которыми изобилует эта древняя земля.

Отсутствие до настоящего времени находок древнелитовских монет на территории Новогрудчины было обусловлено несовершенством поиска этих важных для истории Беларуси артефактов.

Однако в сентябре 2009 г. в нескольких километрах от Новогрудка обнаружен комплекс редких монет, относимых к начальной истории чеканки Великого княжества Литовского.

Участок местности, на котором были найдены эти монеты, имеет размеры 30х40 м и расположен на склоне возвышенности, находящейся на берегу безымянного ручья. Эта земля долгое время находилась в сельскохозяйственном обороте как пахотное поле.

Следует отметить, что в этом месте, по свидетельству очевидцев — местных жителей, ранее находили части платежного серебряного слитка (тип неизвестен, по описаниям, предположительно, трехгранная литовская гривна) и обломки серебряного браслета. В настоящее время автором ведется работа по исследованию этих предметов с целью установления возможной принадлежности к комплексу последующих находок.

В сентябре 2009 г. при обследовании указанного участка с помощью металлодетектора были обнаружены 6 монет древнелитовской чеканки. Одна из них была отнесена к периоду чеканки монет Великого князя

Ягайло, две монеты — к чеканке периода правления Витовта, другие две монеты — Дмитрия Корибута и одна монета — к чеканке Казимира Ягеллончика. Кроме того, на этом же участке был обнаружен серебряный перстень — печать с изображением птицы (голубя), обращенной геральдически влево (*рисунок 1*).

Рисунок 1

І. Ягайло (1377—1381, 1382—1392)

Аверс (Av.): шестиконечный крест в щите; у верхнего края отиска — фрагмент точечного ободка; смещение штемпельного отиска вниз.

Реверс (Rv.): всадник с мечом; смещение штемпельного отиска вниз, по правому краю — фрагмент точечного концентрического ободка.

Монета обломана по правому краю относительно аверса.

Вес 0,30 г, диаметр 12,9 мм (рисунк 2).

II. Витовт (1392—1430)

Ав.: нечитаемая надпись, выполненная по кругу монетного кружка кириллицей, в верхней части монеты четко виден знак разделения в виде значка “v”, отчетливо видны буквы “К” (Како либо перевернутая на 90 градусов готическая A), “О” (Он), “Д” (Добро); в центральной части монетного кружка имеются пять непропорционально расположенных мелких точек. По правому краю — точечный концентрический ободок.

Рв.: четвероногое животное (лев) с раскрытой пастью, идущее геральдически вправо, хвост выгнут к голове с изогнутым в противоположную сторону кончиком хвоста. При внимательном рассмотрении изображения монеты с помощью сканирования видны признаки растрояния кончика хвоста в виде лилии. В верхней части монетного кружка просматривается фрагмент точечного концентрического ободка.

Вес 1,12 г, диаметр 16,0—16,6 мм (рисунк 3).

Ав.: копьё, слева крест (изображение креста обломано). По левому краю — точечный концентрический ободок.

Рв.: знак “Колюмны”.

Монета обломана по правому краю относительно аверса.

Диаметр монеты в наибольшей части 11,5 мм (рисунк 4).

III. Дмитрий Корибут Ольгердович, князь Новгород-Северский (ок. 1371/1372? — 1393)

Ав.: знак князя — слева, меч острием клинка вниз — справа; в верхней и нижней части фрагменты линейного ободка.

Рв.: не имеющие линейности изображения кириллические буквы “Л” (Люди), “Г” (И), “О” (Он), а также “Н” (Наш); в верхней и нижней части — фрагменты линейного ободка.

Монета незначительно обломана (облом не затрагивает основные изображения) по правому краю относительно аверса.

Вес 0,34 г, диаметр 15,7 мм (рисунк 5).

Ав.: знак князя — увенчанная четырехконечным крестом “рязанская” тамга; по нижнему краю — фрагмент точечного ободка.

Рв.: плохо сохранился, по всей видимости, фрагменты изображения — подражание татарской надписи.

Монета обломана по левому и правому краю, вес 0,22 г (рисунк 6).

IV. Казимир Ягеллончик (1440—1492)

Ав.: всадник с мечом в правой и нижней частях монетного кружка — фрагменты точечного ободка.

Рв.: знак “Колюмны”; в верхней части монетного кружка имеется фрагмент точечного ободка.

Вес 0,32 г, диаметр 12,9—13,3 мм (рисунк 7).

(Д. Грималаускайте, И. Синчук, 2007 г., гр. 4).

Все названные монеты выполнены техникой проволочной чеканки.

Вышеописанные монеты интересны не только тем, что были впервые обнаружены на территории Новогрудчины, но и тем, что до настоящего времени на западе Беларуси находки монет Дмитрия Корибута вообще не фиксировались. Можно предположить, что их

Рисунк 2

Рисунк 3

Рисунк 4

Рисунк 5

Рисунк 6

Рисунк 7

появление на данных территориях, по всей видимости, связано с военно-политическими событиями, происходившими в конце XIV в. с участием самого князя и его дружины.

Ранее В.Н. Рябцевичем был описан комплекс из 6 монет Дмитрия Корибута, поступивших в Несвижский музей из Ошмянской таможи в 2003 г. [4]. Однако этот комплекс, найденный, как полагал исследователь, не позднее 1992 г., к сожалению, не имеет географической привязки к какому-либо конкретному региону Беларуси.

Кроме того, мы видим находку малоизвестной монеты, относимой исследователями к чеканке Витовта. Речь идет о важном событии в нумизматике древней Литвы — обнаружении второго официально известного экземпляра монеты с изображением четвероного животного (без решетки над хвостом) на аверсе монеты и нечитаемой надписью в стиле надписи на монетах “ПЕЧАТЬ” на реверсе. Этот экземпляр имеет прекрасную для средневековых литовских монет сохранность и во многом может уточнить некоторые вопросы, которые возникли у историков при исследовании первой монеты.

В настоящее время можно констатировать нечитаемость надписи на этом типе монет, что может быть обусловлено различными обстоятельствами. Определенные выводы в этой области исследований возможны только после сбора материала, достаточного для их подтверждения.

Д. Грималаускайте, упоминая схожую по типологии монету, случайно найденную в Вильнюсском Нижнем замке в 2001 г. (Д. Грималаускайте, 2006 г., с. 143—144, рисунок 5:4), классифицировала ее как монету с надписью “ПЕЧАТЬ”, отнеся ее к малоизученной, немногочисленной группе монет с изображением четвероногого животного (льва) с плетенкой над хвостом. При этом по причине смещения штемпельного оттиска вверх она, предположительно, констатировала отсутствие плетенки над животным.

Представленный экземпляр подтверждает предположение об отсутствии плетенки над хвостом животного и относит данную монету к отдельному подтипу.

Кроме того, осенью 2009 г. на территории Новогрудского района зафиксирована единичная находка монеты древнелитовской чеканки с кириллической надписью (рисунок 8). На аверсе монеты — круговая надпись, в которой четко прочеканены кириллические буквы “Е” (Есть) или “Т” (Твердо) и “Ъ” (Ерь). Еще одна буква прочеканена нечетливо, и, по всей видимости, начальная буква в надписи не прочеканена из-за износа штемпеля. Надпись выполнена в стиле монет типа “ПЕЧАТЬ”.

Рисунок 8

Атрибутирование монеты осложняется плохим прочеканом реверса монеты, на котором, предположительно, изображено животное. По краям монетного поля с обеих сторон имеется линейный концентрический ободок.

Исходя из иконографических особенностей монеты, ее можно отнести к чеканке периода правления Витовта.

Данная монета выполнена техникой проволочной чеканки, имеет вес, равный 0,32 г, диаметр 11,9—13,6 мм.

Представленные находки в последующем помогут в работе по определению типологии монет ранней литовской чеканки, которая в настоящее время активно ведется исследователями.

(Автор выражает особую благодарность Д.А. Романюку за оказанную помощь в подготовке данного материала к публикации.)

Источники:

1. Грималаускайте, Д., 2006. Монеты Великого княжества Литовского в свете новых открытий (конец XX — начало XXI в.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Нумизматический сборник. Выпуск 1. Москва.
2. Грималаускайте, Д., Синчук, И., 2007. Монеты Великого княжества Литовского времени Казимира (1440—1492) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Выпуск 2. Москва.
3. Ремецас, Э. Монеты Великого княжества Литовского типа ПЕЧАТЬ / лев, плетенка // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Выпуск 4. Мінск, БДУ, 2008.
4. Рябцевич, В.Н., 2007. О находках Новгород-Северского и Стародубского уделов Великого княжества Литовского (последняя четверть XIV в.) // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Выпуск 2. Москва.
5. Kopicki, E. Ilustrowany skorowidz pieniedzy polskich i z polską związanych. Warszawa, 1995.
6. Sajauskas, S., Kaubrys, D. Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes numizmatika. Vilnius, 1993.
7. Sajauskas, S., Kaubrys, D. Lietuvos Didziosios Kunigaikstystes numizmatika. II dalis. Kaunas, 2006.

Портретные златовки Яна Казимира

Продолжительные войны, которые вела Речь Посполитая в 50-х — 60-х гг. XVII в., изрядно истощили казну государства. В результате за несколько лет недовыплата жалованья войску накопились многомиллионные долги. Погасить их государство было не в состоянии. Войско в ответ вышло из повиновения правительству, требуя погашения долгов.

В 1662—1663 гг. ситуация настолько обострилась, что не исключалась вооруженная конфронтация между мятежниками и войсками, верными правительству. Единственной возможностью избежать гражданской войны и удовлетворить требования войска была чеканка неполноценной монеты, которая имела бы принудительный курс.

В январе 1663 г. на львовской монетарной комиссии был заключен контракт с итальянцем Т.Л. Боратини о чеканке медных шелягов, реальная стоимость которых составляла лишь 15% от номинальной. При этом тогда же возникла идея о чеканке неполноценной серебряной монеты.

В начале 1663 г. во Львов прибыл известный монетарий Анджей Тымф. Он убеждал членов комиссии в целесообразности этого проекта. В качестве одного из аргументов в его пользу А. Тымф демонстрировал комиссарам немалое число пробных златовок [1, с. 18]. После напряженных переговоров было решено осуществить чеканку шелягов и златовок. Так, 3 апреля 1663 г. во Львове началась чеканка златовок.

В течение 1663—1666 гг. во Львове, Кракове и Быдгощи было изготовлено свыше 7 млн. данных монет. На аверсах обиходных златовок присутствует корона, под ней королевская монограмма, составленная из букв ICR (IOANNES CASIMIRVS REX), и двойная надпись по кругу: DAT (VM) PRETIVM SERVATA SALVS POTIORQ [UE]3 METALLO EST. Это означает: “Цену этой монете дает спасение отчизны, которое дороже металла” (рисунки 1). На реверсах помещен пятилучный гербовый щит с гербами короны, Литвы и снопом Ваза в центре, ниже обозначение номинала XXX GRO (SSI) POL[ONICALES]. По кругу легенда: MONETA NOVA ARGEN [TEA] REG [NI] POLONIE и дата года.

Были ли пробные златовки, которые демонстрировал А. Тымф членам комиссии, подобны обиходным? Этот вопрос можно считать риторическим, если бы не существование пробных портретных златовок 1663 г.

Впервые изображение такой монеты появилось в известной работе Т. Чацкого, изданной в Варшаве в 1800 г., — “O litewskich i polskich prawach” [2; рисунок 2].

Рисунок 2 не позволяет сделать вывод о том, где монета была отчеканена, во Львове или на каком-либо другом монетном дворе. Автор рисунка явно не ста-

рался передать точно характерные признаки, присутствующие на ней: начертание букв, детали корон, орлов, погони и т. д. [3]. Узкое лицо короля несколько напоминает портреты, изображенные на краковских монетах 1663—1664 гг. — ортах и шестигрошевиках [3, с. 53—55]. Однако на основании только этого признака трудно судить, действительно ли монета была изготовлена в Кракове. Например, точки, которые разделяют дату года, присутствуют не на краковских, а на львовских монетах 1662—1663 гг.: шестаках с буквами *Asp T* и обиходных златовках 1663 г. [3, с. 38, 39, 46]. Более того, также нельзя утверждать, что штемпели этой монеты были изготовлены резчиком, работавшим на официальных монетных дворах. Сомнения такого рода имеют основания, потому что портретная златовка того же года, которая находилась в коллекции А. Потоцкого (в настоящее время она хранится в собрании Национального музея в Варшаве), является подделкой (комбинация лицевой стороны орта и реверса обиходной златовки). Такие же сомнения имеются и в аутентичности пробной портретной златовки 1663 г., изображение которой присутствует в каталоге Е. Копицкого [4, с. 93, № 1785; рисунок 3].

На аверсе этой монеты изображен портрет короля в короне с буквами *TLB* (инициалы Т.Л. Боратини). Реверс представляет собой оборотную сторону обиходной златовки 1663 г. Никакого отношения ни к контракту о чеканке златовок, ни вообще к выпуску серебряных монет в королевстве в 1663 г. Т. Боратини не имел, поэтому наличие легитимных пробных златовок с его инициалами исключается. Можно предположить, что это фальсификация монеты методом склеивания аверса коронного орта и реверса обиходной златовки.

И наконец, проанализируем изображение златовки на рисунке 4, которое публикуется впервые ввиду того, что она никогда не упоминалась ранее (в настоящее время находится в частной коллекции).

На лицевой стороне монеты изображен портрет Яна Казимира с чертами лица, присущими ортам

Рисунок 1

1660 г. и шестигрошевиком 1660—1663 гг., чеканенным на Львовском монетном дворе. Другие характерные признаки также свидетельствуют, что штемпель данной монеты изготовил резчик этого двора Ежи [3, с. 7, 8]. Вес монеты — 6,05 г, проба — прибл. 750⁰, диаметр — 31 мм. Ввиду того, что на монете имеется след от припаянного ушка, она использовалась как украшение.

Наличие указанной монеты позволяет сделать вполне уверенное заключение, что именно так выглядела, по крайней мере, часть пробных золоток, демонстрируемых А. Тымфом членам монетарной комиссии. Эти золотки были, видимо, отчеканены в январе — феврале 1663 г. на Львовском монетном дворе, которым тогда руководил Хр. Пфалера — доверенное лицо А. Тымфа [3, с. 18, 19]. Исключительная редкость этой золотки (по сути, уникам) позволяет судить об их ограниченной эмиссии, учитывая, что раздавались данные монеты только членам комиссии и, возможно, немногочисленным высокопоставленным особам.

Кроме портретных золоток 1663 г. существуют такие монеты 1664 г., 1665 г. и 1668 г. чеканки.

В описании монет коллекции князя Радзивилла [5] присутствует упоминание о портретной золотке Яна Казимира 1664 г. с инициалами Анджея Тымфа — А-Т (ни фотографии, ни рисунка в этом описании нет). В каталоге монет Ч. Каминского и Я. Курпевского под номером 525 имеется рисунок данной монеты [6, с. 106, № 525; *рисунок 5*]. Он не соответствует монете, описанной в коллекции Радзивилла, ввиду отсутствия инициалов А-Т, и вообще неизвестно, прообраз какой реальной монеты послужил образцом для этого рисунка. В каталоге Е. Копицкого имеется только краткое описание монеты под № 1786, где также отсутствуют инициалы А-Т [4, с. 93, № 1786].

Таким образом, из-за отсутствия фотографии или реальных монет портретных золоток 1664 г. трудно судить о том, действительно ли они были отчеканены на монетных дворах А. Тымфа.

В книге К. Bantke “Numizmatyka krajowa” [7], изданной в 1839 г., упоминается о двух монетах 1665 г. с изображением орла на реверсе (*рисунки 6, 7*).

В нумизматической коллекции Львовского исторического музея находятся гальванические копии монет, описанных выше, одна из которых (голова в короне) была подарена музею Францишком Бесадецким (*рисунки 8, 9*). Упоминание об этом можно найти в львовском журнале “Zapiski numizmatyczne” за 1925 г. [8, с. 49]. Оригиналы данных монет хранятся в Национальном музее в Кракове.

В каталоге коллекции графа Е. Гуттен-Чапского [9, с. 307, № 2273—2274] имеется описание этих же коронных золоток, датируемых 1665 г. На одной из них изображен портрет Яна Казимира без короны в лавровом венке, с надписью по кругу, а на оборотной стороне монеты — польский орел и легенда, как на *рисунке 8*. Вторая монета отличается от предыдущей лишь изображением портрета Я. Казимира, где он представлен в короне, как на *рисунке 9*.

Золотки 1665 г. находились также в коллекции Собаньского (в настоящее время они хранятся в Национальном музее в Варшаве) и в нумизматическом собрании Дрезденского музея [10].

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

Рисунок 5

Рисунок 6

Рисунок 7

Рисунок 8

Рисунок 9

Весной 2008 г. единственный раз в продаже на аукционе Варшавского центра нумизматики [11] появилась уникальная златовка 1668 г. весом 9,42 г. Она была продана за 116 000 злотых (на тот момент по курсу это составляло 53 тыс. долл. США; *рисунк 10*). Впервые рисунок указанной монеты появился у И. Загурского в сборнике “Monety dawnej Polski” [12, с. 60] под № 494 (*рисунк 11*).

Длительное время монета находилась в коллекции графа Чарнецкого, затем у Карола Беера и, наконец, у графа Анджея Потоцкого.

Анализ характерных признаков, присутствующих на монетах 1665 г. и 1668 г., с полной уверенностью позволяет утверждать, что они отчеканены на официальных монетных дворах. Штемпели первых произведены резчиком Кшиштофом и относятся к продукции Краковского монетного двора [3, с. 8, 22]. Штемпель

златовки 1668 г. обнаруживает признаки, характерные для работы безымянного резчика, работавшего в 1660—1662 гг. на Быдгощском монетном дворе [3, с. 21].

Если аутентичность названных монет вопросов не вызывает, то их метрологические показатели удивляют. Содержание чистого серебра в них в 1,5—2 раза превышает величину параметра, характерную для пробных златовок 1663 г. и обиходных тымфов-златовок 1663—1666 гг.*. В случае чеканки указанных монет они, согласно закону Коперника — Грешема, должны были быть вытеснены с денежного рынка худшей монетой того же номинала. В силу этого проект чеканки монеты как обиходной был явно нереализуемый, и подобное не могли не понимать особы, ответственные за проведение монетарной политики. Ес-

Рисунок 10

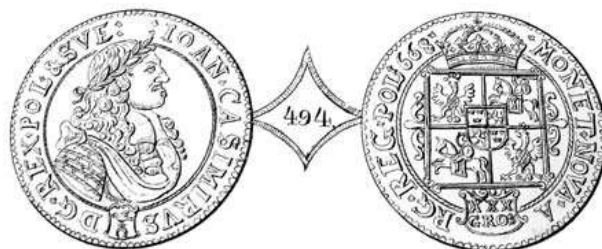

Рисунок 11

Рисунок 12

* Содержание чистого серебра (ч. с.) в обиходных златовках 1663—1666 гг. должно было составлять, исходя из веса краковской гривны, 201 — 3,36 г. Пробные портретные златовки характеризуются такими показателями: львовские 1663 г. (ч. с.) — 4,57 г (вес — 6,05 г, проба — -750°); краковские 1665 г. (ч. с.) — 6,75 (вес — -9,0 г, проба — -750°); быдгощская 1668 г. (ч. с.) — 7,05 (вес — 9,42 г, проба — -750°).

ли это так, для чего тогда производились пробные экземпляры данных златовок? Наиболее вероятное объяснение этого феномена состоит в следующем.

Не следует забывать, что в обществе, особенно в среде шляхты, в связи с наличием на рынке неполноценной монеты, появление которой вызвало рост цен на товары и услуги, существовала идея так называемой “редукции монеты”. Приверженцы этой идеи полагали, что замена неполноценной монеты на полноценную автоматически улучшит экономическую ситуацию в государстве, а цены установятся на уровне, предшествующем появлению златовок и боратинок. Утопичность идеи объясняется не только тормозящим действием закона Коперника — Грешема (кстати, чтобы нейтрализовать его действие, следовало изъять с рынка обиходные златовки, что само по себе было нереально). Чеканка неполноценной монеты (то есть девальвация златого) была осуществлена для того, чтобы увеличить в несколько раз финансовые средства, бывшие у государства с целью уменьшения дефицита бюджета. “Редукция монеты” (ревальвация златого) могла быть реализована лишь в случае существенного увеличения доходов государства. Финансовое состоя-

ние Речи Посполитой ни в 1665 г., ни в 1668 г. не улучшилось, а потому и чеканка полноценных златовок была неосуществима. Появление же пробных златовок — фактически не экономическая, а пропагандистско-политическая акция, своего рода реверанс по отношению к части шляхты — приверженцам “редукции монеты”. Аналогичные выводы можно сделать относительно пробных златовок Михаила Корибута, которые чеканились в 1671 г.: вес — 8,2 г, проба — 750° (рисунки 12). В указанный период отчеканили около 5000 монет, которые ввиду высокого содержания серебра практически были изъяты из обращения и переплавлены для извлечения выгоды.

Сергей БЕЛОПОЛЬСКИЙ,
представитель Украинского
нумизматического общества

Владимир ШЛАПИНСКИЙ,
представитель Украинского
нумизматического общества

Источники:

1. Hnilko, A. *Tytus Liwijusz Boratini dworzanin króla Jana Kazimierza, mincarz i uczony* // WNA, 1922, № 1—6.
2. Czacki, T. *O litewskich i polskich prawach*. T. 1, 2. Warszawa, 1800.
3. О характерных признаках на монетах Тымфов в 1662—1667 гг. См.: Szlapinski, W., Bielopolski, S. *Monety koronne Jana Kazimierza, bite w mennicach zarządzanych przez Andreja i Tomasza Tymfów w latach 1662—1667 (przypisanie do poszczególnych mennic)*. Lwów, 2003.
4. Kopicki, E. *Ilustrowany skorowidz pieniędzy polskich i z Polską związanych*. Warszawa, 1995.
5. *Catalogue des monnaies et medailles le prince Guillaume Radziwill*. Berlin, 1869.
6. Kamiński, C., Kurpiewski, J. *Katalog monet polskich 1649—1696*. Warszawa, 1982.
7. Bandtke, T. *Numizmatyka krajowa*. T. 1, 2. Warszawa, 1839.
8. *Zapiski numizmatyczne*. Lwów, 1925. Nr. 2.
9. *Catalogue de la collection des medailles et monnaies polonaises du comte Emeric Hutten-Czapski*. Vol. 1. Paris, 1871.
10. Gumowski, M. *Podręcznik numizmatyki polskiej*. Kraków, 1914.
11. *Warszawskie centrum numizmatyczne*. Aukcja № 38. Warszawa, 2008.
12. Zagórski, I. *Monety dawnej Polski z trzech ostatnich wieków*. Warszawa, 1845.

Бумажные деньги монархии Габсбургов

Збышек ШУСТЕК

Президент
Словацкого
нумизматического
общества
при Словацкой
академии наук

Первые бумажные деньги в монархии Габсбургов появились в обращении в 1762 г. Их введение откладывалось из-за опасений, вызванных инфляцией бумажных денег, выпущенных во Франции в начале XVIII в. спекулянтом Дж. Лоу (John Law). По плану, предложенному в 1759 г. графом Хетцфилдом (Hetzfeld), отпечатали пробные оттиски билетов номиналами 5, 10 и 20 гульденов.

Нехватка денег вследствие Семилетней войны с Пруссией (1756—1762 гг.) вынудила Hoffkammer — учреждение, исполняющее функции министерства финансов, к выпуску беспроцентных облигаций государственного займа номиналами в 5, 10, 25, 50 и 100 гульденов, получивших свободное обращение как нарицательные деньги и выполнявших обе функции. Облигации выпускал Венский городской банк (Wiener Stadt Banco), основанный в 1705 г. как частный банк, а вследствие финансовых трудностей преобразованный в государственное учреждение. Облигации получили название “банкоцеттели” (Banco-Zettel, или Bankozettel), в точном переводе — банковские билеты, хотя в современном понимании они ими не были, балансируя на грани между облигациями и казначейскими билетами. Название “банкоцеттель” как бы отвлекало от действительного назначения — принести государству “звонкую” монету, подчеркивая функцию средства денежного обращения, которая, по сути, была вторичной.

Выпуски бумажных денег в монархии Габсбургов можно разделить на четыре основных периода. Рассмотрим их более подробно.

1762—1806 гг. Банкоцеттели, выпускаемые в этот период, предназначались не для всех слоев граждан (самый низкий номинал — 5 гульденов соответствовал месячному прожиточному минимуму семьи из четырех человек), а лишь для богатых, владевших достаточным количеством денег. Но даже для них банкоцеттели стали новым явлением, и доверие к ним нужно

было еще завоевать. Поэтому помимо выгодных правил использования банкоцеттели получили внешний вид современных процентных облигаций чешских и штирских дворянских сословий, о которых высшие слои населения уже знали. Кроме того, за исключением английских и шведских бумажных денег в Европе не было примеров для их внешнего оформления.

Банкоцеттели *выпуска 1762 г.* имеют вид печатного текстового документа, вертикального формата, с типографическими украшениями в виде простых орнаментов или стилизованных растительных мотивов, какие применялись на титульных сторонах книг или официальных документов второй половины XVIII в. Все банкоцеттели имели одинаковые размеры (85x170 мм) и были двухцветными. Преобладающий цвет купюр номиналами в 5—25 гульденов — черный, 50 и 100 гульденов — красный. Изменяющийся наклон букв служил специфическим защитным элементом против подделки банкоцеттелей и имитирования ручным перерисовыванием. Этот элемент сохранился еще на пяти выпусках бумажных денег.

Почти в течение 50 лет банкоцеттели несколько раз меняли внешний вид и улучшались технически. Все купюры *выпуска 1771 г.* сохранили вид банкоцеттелей выпуска 1762 г., хотя их дополнили купюры номиналами в 500 и 1000 гульденов, отпечатанные лишь с применением черной краски. Сходный цвет облегчал обмен мелких купюр на крупные, требовал повышенной осторожности при обращении с этими деньгами. Поэтому отдельные купюры *выпуска 1784 г.* сохранили только внешний стиль и отличались четкими различиями в орнаментике, положении тех же элементов, использованных на купюрах разных достоинств. Кроме того, купюры в 500 и 1000 гульденов получили горизонтальный, почти квадратный формат, для их отличия от купюр в 5—100 гульденов, сохранивших вертикальную форму. Все банкоцеттели визуально образуют одну систему: орнаментальная полоса при нижнем крае рамки одной купюры повторяется на боковых сторонах рамки крупной купюры. Так появилась возможность определять достоинство даже фрагментов испорченных или измененных купюр. На первый взгляд, данная система не очень примечательна. Банкоцеттели этого выпуска защищены водяными знаками. По-видимому, все изменения были сделаны на основе анализа банкоцеттелей выпуска 1771 г. вследствие замены разных купюр того же цвета и формата, а также мелких их достоинств на крупные. Вид банкоцеттелей выпуска 1784 г. — грубый, не очень приятный.

Отдельные купюры *выпуска 1796 г.* сохранили общий стиль, но стали самостоятельной графической единицей. Декоративные элементы на них уже не повторялись. Вид — более мелкий, в стиле позднего рококо, и с эстетической точки зрения гораздо лучше, чем у преж-

них выпусков. Орнаментальная рамка на билетах по краю, в отличие от купюр других выпусков, отсутствует, но ее функцию частично выполняют надписи по боковым сторонам банкнотетелей. Очень прогрессивным элементом являются совершенные полутонные водяные знаки. Их формат также унифицирован (90x200 мм), вертикальный. Новые размеры и формат банкнотетелей можно назвать шагом назад, но, возможно, те, кто создавали их в 1796 г., сочетали графические различия отдельных купюр и считали, что этого достаточно для их отличия. Вероятно, опыт работы над разными купюрами тех же размеров не был положительным. Исключением стали банкноты образца 1816 г. Больше бумажных денег с унифицированными размерами в монархии Габсбургов уже не выпускали.

Стиль банкнотетелей *выпуска 1800 г.* такой же, как и на прежних выпусках. Но на них снова появились рамки по краям, орнаменты потеряли вид сборных, может быть, лишь вторично использованных элементов. По форме и размерам банкнотетели этого выпуска отличались. Купюры номиналами в 1—5 гульденов были вертикальными, купюры в 10—100 гульденов — квадратными, а купюры в 500 и 1000 гульденов — горизонтальными. Кроме того, размеры всех купюр банкнотетелей стали меньше, чем у прежних выпусков. На билетах в 10 и 25 гульденов появились гербы Богемии и Венгрии: двух главных королевств в составе монархии Габсбургов. Вероятно, в связи с инфляционным характером данного выпуска и нехваткой бумаги для печатания огромного количества банкнотетелей до 1800 г. не выпускались мелкие номиналы — в 1 и 2 гульдена.

Банкнотетели *выпуска 1806 г.* в принципе сохранили традиционную композицию. Купюры номиналами в 5, 10, 25 и 50 гульденов — вертикальные, купюры в 100 и 500 гульденов — горизонтальные. Роль типографических украшений уменьшилась. Вместо них стали использовать сложные переплетающиеся кривые. На купюре в 25 гульденов они даже заполнили всю ее площадь, перегрузив ее и ухудшив четкость текста. Но роль кривых на этих банкнотетелях прежде всего защитная. Они свободно нарисованы художником, но в определенном смысле представляют собой переход к идее математических кривых — гилош. Крупные купюры данного выпуска — двухцветные, в 25 и 50 гульденов — черные и темно-коричневые, 100 и 500 гульденов — черные и красные. Двухцветная печать выполняла защитную роль: почти незаметное различие между коричневым и черным цветами являлось даже своего рода ловушкой для фальшивомонетчиков. На купюрах в 10 и 25 гульденов снова изображались гербы Богемии и Венгрии. Билеты выпуска 1806 г. были двухсторонними. На них появился новый защитный элемент — повторение изображения с лицевой стороны на оборотной стороне, в упрощенной форме и зеркальном отражении. При рассмотрении купюры на свет оба изображения совмещаются с точностью до 0,3 мм. Такими изображениями печатная фабрика Венского городского банка опередила развитие защитной печати почти на 200 лет.

1811—1834 гг. Взамен обесцененных банкнотетелей в 1811 г. был выпущен новый вид бумажных денег — обменные билеты (*Einlösungsscheine*). В апреле 1813 г. их сменили так называемые антиципационные билеты (*Anticipationsscheine*), чтобы формально скрыть перед населением инфляционный выпуск обменных билетов

образца 1811 г. Билеты данных выпусков оформлялись новым способом. Они приобрели форму текстовой виньетки с широкой рамкой по краям, композиция которой представляет собой симметричную матрицу с девятью полями, что характерно для большинства австрийских бумажных денег (до конца XIX в.). Середина краев и углы орнаментальной рамки билетов *выпуска 1811 г. и 1813 г.* представляют воображаемые внешние поля матрицы. На нижнем крае купюр — государственный герб или защитная решетка с ручной нумерацией, в углах розетки.

Орнаменты получили форму повторяющихся кривых, выполненных граверной машиной, сконструированной Я. Дегеном (*Jakob Degen*). На билетах образца 1811 г. они еще простые: кружки, эллипсы или спирали, но на купюрах выпуска 1813 г. это уже сложные геометрические кривые. На купюрах образца 1811 г. можно еще найти мелкие растительные орнаменты в стиле ампир, но на билетах 1813 г. преобладают геометрические кривые. Формат бумажных денег — горизонтальный, только купюры в 2 и 5 гульденов (1813 г.) — вертикальные. В *выпуске 1813 г.* на билетах в качестве защитного элемента применялись сложные для подделки мелкие линии. Шагом назад стало использование односторонней печати. Однако она будет характерной для всех австрийских банкнот и некоторых казначейских билетов до 1863 г.

В 1816 г. был основан Привилегированный Австрийский национальный банк, не зависимое от государства акционерное сообщество. Его задачами являлись выпуск банкнот, покрытых полноценной серебряной монетой, и изъятие из обращения билетов образца 1811 г. и 1813 г. Банк занимался оформлением банкнот *выпуска 1816 г.* Защитным их элементом стали решетки на каждой купюре на фоне обозначений достоинства банкнот в правом нижнем углу, в середине билета, на фоне ручной нумерации в верхнем правом углу. По сравнению с билетами Банка Англии такие защитные решетки на австрийских банкнотах считались прогрессивным элементом. При этом на них осталась одна устаревшая черта (по сравнению с бумажными деньгами Англии и России) — ручная нумерация. Похожие размеры всех купюр появились в монархии Габсбургов на банкнотах выпуска 1816 г. в последний раз. Графическую концепцию купюр образца 1816 г. можно объяснить стремлением избежать визуальных ассоциаций с обесцененными бумажными деньгами прежних выпусков. Возможно, это связано и с английским кредитом на поддержку австрийской валютной системы.

Композиция банкнот *выпуска 1825 г.* (*рисунки 1*) — по сути, возвращение к стилю билетов образца 1813 г. Схему с замкнутой рамкой можно найти лишь на купюрах в 100 и 1000 гульденов. На более мелких купюрах (10 и 25 гульденов) — рамка тонкая или совсем отсутствует (50 и 500 гульденов). На купюрах в 50 гульденов поля матрицы пустые или выполнены рельефным тиснением, изображающим государственный герб и орнамент, как и на билетах номиналами в 5, 10, 25 гульденов. Банкноты меньше перегружены графическими элементами. Их техническая новизна — двухцветная печать с помощью двойных клише, которую изобрели сначала в 1820 г. Я. Деген (в Австрии), затем в 1821 г. В. Конгрев (*William Congreve*; в Англии). Данная технология повысила степень защиты бумажных денег от подделок. Еще одним новым элементом стала

Рисунок 1.
Банкнота Привилегированного
Австрийского национального банка
выпуска 1825 г. номиналом в 5 гульденов.

машинная нумерация. Формат банкнот выпуска 1825 г. — горизонтальный, только билет в 10 гульденов — вертикальный. Появилась схема форматов двух мелких номиналов: купюры из голубой и красной бумаги в 5 и 10 гульденов, чтобы помочь неграмотным гражданам различать билеты этих достоинств.

С эстетической точки зрения банкноты выпуска 1825 г. имели прекрасную комбинацию механической гравюры, высококачественные кривые гилош и богатые орнаментальные украшения в стиле ампир. Автор эскизов — Й. Баптист Данцингер (Johann Baptist Danzinger) работал в Привилегированном Австрийском национальном банке.

Выпуски 1833 г. и 1834 г. состояли из купюр в 5 и 10 гульденов, которые быстро изнашивались: печать с помощью двойных клише была нерентабельной, поэтому их изготавливали одноцветными. Композиция банкнот последовательно вернулась к билетам в 10 и 20 гульденов образца 1813 г., но на более высоком техническом уровне. Купюры печатали двойными, очень сложными клише, но только черной краской. Уровень изображений на банкнотах достиг предела возможностей книжной печати, применявшихся в то время. Однако с эстетической точки зрения бумажные деньги данных выпусков очень перегружены элементами и оставляют довольно грустное впечатление.

1841—1866 гг. В монархии Габсбургов бумажные деньги выпуска 1841 г. начали изготавливать глубокой печатью с помощью стальных клише. Повысились их качество и защита. Впервые на купюрах появились фигуральные изображения. Печать использовалась исключительно одноцветная — черная на белой бумаге (в большинстве случаев без фона и защитных решеток). Новый элемент — микрошрифт.

Банкноты этого периода последовательно соблюдают композиционную схему симметрической матрицы с девятью полями. Однако отдельные части изображений свободные, графически не соединенные, как на некоторых банкнотах образца 1825 г.

На банкнотах выпуска 1841 г. ярко выражено идейное содержание, символизирующее государственность. Так, на купюре в 50 гульденов изображен государственный герб и сидящая женщина — символ Австрии, мужчина с бородой — символ реки Дунай, которая связывала почти все части монархии. На билетах в 100 и 1000 гульденов — миниатюра панорамы Вены, столицы монархии. На отдельных купюрах представлены также комбинации символов изобилия, права, образования, торговли, промышленности и мореплавания.

Автором банкнот являлся П. Фенди (Peter Fendi, 1796—1842), живописец, выпускник Венской академии изобразительных искусств.

Символика банкнот выпуска 1847 г. и 1848 г. (рисунки 2) представляет элементы античной мифологии. Большинство купюр горизонтального или почти квадратного формата. Банкноты более мелкого достоинства чередуются горизонтальным и вертикальным форматом, чтобы облегчить обращение с деньгами неграмотным гражданам. Автор банкнот — Р. Гейгер, выпускник Венской академии изобразительных искусств, художник, приближенный к императорскому двору.

Изображения на купюрах выпусков 1847 г. и 1848 г., вероятно, срисованы со скульптур. Появился “модулярный” способ подготовки новых проектов, позволявший в короткие сроки делать новые и визуально однородные проекты банкнот (например, выпуск 1858—1859 гг.).

Банкноту в 10 гульденов выпуска 1854 г. проектировал также Р. Гейгер. В его оформлении появились новые элементы. Античная символика — лишь на симметрически и неотчетливо изображенных барельефах Паллас Афины. Другие символы — герб, изображенный, как живой орел с двумя головами, который крыльями защищает символы науки, искусства, торговли, промышленности и сельского хозяйства. Под ними лозунг императора Франца Иосифа I: VIRUBUS UNITIS (объединенными силами), выражающий идею процветания страны. Элементы, изображенные по бокам банкноты, связаны в одно целое акантовым растительным орнаментом. Остальные элементы пока изолированы. Основной текст на фоне состоит из повторяющихся слов, обозначающих номинал купюр.

Рисунок 2.
Банкнота Привилегированного
Австрийского национального банка образца 1847 г.
номиналом в 1000 гульденов.

Банкноты *выпуска 1858 г. и 1859 г.* появились в связи с денежной реформой 1857 г. Их проектировал К. Гейгер (Karl Geiger), используя изображения банкнот *выпусков 1847—1848 гг. и 1854 г.* Новые элементы появились лишь на двух билетах: 10 и 1000 гульденов. Впервые стала применяться красная печать в виде щита из кривых гилош.

Бумажные деньги *выпуска 1863 г.* отличаются различной графической концепцией, хотя они являются проектом одного автора — Ю. Фюриха (Joseph Führich, 1800—1876), художника, писавшего картины на религиозную тематику. Традиционная композиция сохранилась на билете в 100 гульденов. На купюре в 10 гульденов впервые в идеализированной форме изображены лица пастуха, шахтера и крестьянина. На банкноте заметна тенденция к соединению отдельных частей изображения в одно целое.

Революционные события 1848—1849 гг., нейтралитет в Крымской войне (1856), поражения в войнах с Сардинией (1858) и Пруссией (1866), крах на Венской бирже (1873) разрушили финансовое положение монархии Габсбургов. Это вынудило правительство начать эмиссию разных типов облигаций, выполняющих функцию денег и казначейских билетов.

Кассовые билеты Императорской центральной кассы *выпусков 1851—1853 гг.* характеризуют богатая орнаментика в стиле рококо и продуманная символика. Все они симметрической композиции. На купюрах изображены символы славы, победы, власти, изобилия и сельского хозяйства, встречаются комбинации мифологических античных элементов (рисунк 3). Сложные изображения можно найти не только на билетах больших и средних размеров, но и на миниатюрном билете в 10 крейцеров образца 1860 г.

Заслуживает внимания беспроцентный кассовый билет в 50 гульденов 1851 г. На купюре рядом с императором Иосифом II, отменившим крепостное право, изображен пахущий поле крестьянин (Jiří Trnka) из деревни Славниковице (Slavnickovice) в Моравии. Данное изображение — символ социального прогресса, но на билете оно появилось, когда монархия подавила все революционные волнения.

Все кассовые билеты печатались с использованием двух цветов: основной рисунок был черным, фон — темно-серым или коричневым.

Для казначейских билетов *выпуска 1866 г.* характерно применение исторических мотивов. Так, изображенные фигуры на них символизируют промышленность и торговлю (1 гульден), искусство и науку (5 гульденов), власть и право (50 гульденов; на купюре имеется надпись Gesetz — закон). Используемые на данных билетах композиционные схемы переносятся и на последующие выпуски казначейских билетов, а позже — на банкноты *выпусков 1900 г. и 1902 г.* Печать билетов двухцветная, на лицевой стороне применена комбинация высококачественной гравюры и литографии, на оборотной — литография. По сравнению с другими банкнотами эти казначейские билеты изготовлены на более высоком уровне.

Новым этапом в рассматриваемый период стали *выпуски в 1848—1849 гг.* временных бумажных денег, осуществленные вследствие революций: банкноты в 1 и 2 гульдена, оккупационные деньги для Венгрии и северной Италии, монетные боны Императорско-королевского главного монетного двора и про-

центные кассовые билеты Императорской центральной кассы. Для всех этих билетов использовалась простая композиция симметрической виньетки горизонтального формата, частично сохраняющей схему матрицы с девятью полями. Медальон с государственным гербом на билетах в 1 и 2 гульдена позаимствован с банкноты в 10 гульденов образца 1834 г. Для фона или в рамках купюр крупных достоинств оккупационных денег Венгрии и Италии применялись простые фигурные украшения. Эстетический и технический уровень бумажных денег данных выпусков, а также качество бумаги можно назвать низким. Однако впервые в монархии Габсбургов на купюрах появилась цветная защитная решетка.

1880—1918 гг. Для бумажных денег этого периода важным этапом стало применение синтетических красок ломаного цвета, что по сути — революционный шаг вперед. Одновременно с фоном их использование повышало защиту купюр от подделки. Клише для банкнот изготавливали не вручную гравюрой, а гелио-гравюрой. При этом шагом назад можно назвать отсутствие водяных знаков на деньгах, вероятно, вследствие ограниченной возможности контроля их наличия на темных билетах.

После австрийско-венгерского соглашения политические аспекты данного периода были отображены и на деньгах. Так, на одной стороне купюры размещался текст на немецком, а на другой — на венгерском языке. Обе стороны банкноты считались равноценными, и их не называли лицевой и оборотной, а “немецкой” и “венгерской” сторонами. Поэтому ни одна из них визуально не превосходила другую сторону, и на них были похожие изображения. Хотя немцы и венгры в монархии Габсбургов составляли лишь меньшинство, языки других национальностей на бумажных билетах не использовались.

Композиция банкнот *выпуска 1880 г.* сохранила традиционную схему, но отдельные части оптически уже были соединены в одно целое с помощью архитектурных элементов (фасад зданий в стиле неоренессанса) и двухслойного фона по всей площади. На купюре в 100 гульденов еще использовались элемент-символы, представляющие сельское хозяйство, искусство и науку, но на банкнотах в 10 и 1000 гульде-

Рисунок 3.
Прокцентный кассовый билет
Императорской центральной кассы
образца 1853 г. номиналом в 100 гульденов.

нов — лишь анонимные идеальные портреты, характерные для первых десятилетий XX в.

Автором банкнот номиналами в 10 и 100 гульденов являлся Ф. Лауфенберг, а авторами купюры в 1000 гульденов — А. Эйзенбергер и Ю. Сторк.

Композиция казначейских билетов основывалась на лицевых сторонах билетов выпуска 1866 г. в 1 и 5 гульденов, но на них изображалось меньше исторических мотивов, а символические фигуры получили больше места. Так, женщина с книгой на левой стороне купюры в 5 гульденов *выпуска 1881 г.* символизирует право, а женщина на правой стороне — власть. Девочка и мальчик на левой стороне билета в 50 гульденов *выпуска 1884 г.* — символы сельского хозяйства и торговли. На билете в 1 гульден *выпуска 1888 г.* изображены овощи и фрукты, символизирующие плодородие и изобилие. В бумаге данного билета применялись защитные волокна. Принадлежность к государству выражена портретом императора Франца Иосифа I.

Банкноты в 10 и 20 крон *выпуска 1900 г.* с технической точки зрения похожи на бумажные деньги предыдущего периода. Но их композиция изменилась. Впервые в монархии Габсбургов купюры стали отличаться также по цвету. А после критики относительно отсутствия на деньгах языков других народов, входящих в состав монархии, начиная с 1900 г. на банкнотах появилось обозначение номинала на чешском, польском, итальянском, словенском, хорватском, сербском и румынском языках.

Банкноты *выпусков 1902—1915 гг.* отличаются разнообразием. Например, билет в 50 крон образца 1902 г., изготовленный на основе старого проекта Г. Климта для билета в 10 гульденов, еще имитирует симметрические казначейские билеты предыдущего периода по проектам Ф. Лауфенберга. Однако при переработке проекта профессор Р. Ресслер в изображение банкнот ввел элементы в стиле сецессион (сецессия).

Билет в 100 крон *выпуска 1902 г.* по проекту венгерского живописца Л. Хегедюша (László Hegedüs) представляет уникальный подход — купюра оформлена, как сцена в театре. На двух сторонах билета слева изображен образ матери-родины. На “немецкой” стороне справа изображен кузнец, символизирующий промышленный характер западной, “немецкой”, части монархии Габсбургов; на “венгерской” стороне — крестьянин, представляющий сельскохозяйственное направление восточной части монархии. Это был последний билет с четким идейным содержанием. В более поздних выпусках бумажных денег такая идейная тематика исчезнет, что станет следствием сложного общественного положения в монархии Габсбургов и проявлением латентных тенденций к ее распаду.

Билет в 1000 крон *выпуска 1902 г.* проектировал живописец-модернист Г. Лэфлер (Heinrich Löffler). Его композиция асимметрическая, а сама банкнота напоминает ковер с широкой орнаментальной рамкой из сложных розеток — кривых гилош.

В бумажных деньгах образца 1902 г. использовались защитные решетки: имеют форму узоров текстильных обоев.

Последующие выпуски билетов, кроме 100 крон образца 1910 г., проектировал технический директор Печатного завода ценных бумаг Ю. Пфайфер (Joseph Pfeiffer). Доминирующими элементами банкнот дан-

ного периода стали идеализированный анонимный женский портрет (в одном случае — портрет молодого мальчика), выразительные темно-голубые надписи, кривые гилош. Все части изображений на деньгах соединяют темные многоцветные псевдорельефные защитные сетки, занимающие поверхность банкнот. В *выпусках 1914 г. и 1915 г.* на билетах в 50 и 10 крон появился новый элемент — белый боковой край (купон).

До 1910 г. “немецкая” и “венгерская” стороны бумажных денег остаются все еще похожими. Но в связи с появлением многочисленных фальшивых билетов в 100 крон выпуска 1910 г., чтобы усложнить изготовление подделок, на каждой стороне новой купюры в 100 крон *выпуска 1912 г.* печатаются разные изображения. Одна сторона билета визуально превосходит другую. При этом, чтобы сохранить равноценность использования языков народов монархии, на основной стороне купюры они чередуются.

Техническая новизна бумажных денег данного периода — перпендикулярно пересекающиеся ирисовые цветные пояса на основном фоне. “Ирисовую” печать на австро-венгерских банкнотах ввели довольно поздно, но в уникальной модификации. В *выпусках 1913 г.* на банкноты вернулись водяные знаки, однако они были гораздо худшего качества, чем на бумажных деньгах 1796—1863 гг.

В художественном плане примечательна только банкнота в 100 крон *выпуска 1910 г.* — проект представителя венского модернизма К. Мозера (Koloman Moser), признанный одним из лучших в стиле модерн.

Банкноты, выпущенные в период Первой мировой войны, были преимущественно низкого технического качества и художественного уровня. В *выпуске 1918 г.* (20 и 10 000 крон) использовалась модификация билетов в 20 крон образца 1913 г. и 1000 крон образца 1902 г. Банкнота в 2 кроны *выпуска 1914 г.* имела такой низкий уровень печати, что возникла необходимость ее нового производства. Односторонние банкноты в 25 и 200 крон *выпуска 1918 г.* также отличались очень простым проектированием.

Внимания заслуживают бумажные билеты в 1 крону *выпуска 1916 г.* и 2 кроны *выпуска 1917 г.* Для их более быстрого проектирования использовалась проверенная симметрическая композиция, а также ранее применявшиеся архитектурные элементы.

Таким образом, для всех периодов выпуска бумажных денег в монархии Габсбургов характерно постоянное улучшение их технического уровня. Почти все выпуски представлены новыми элементами или отличаются художественным подходом. Оформление бумажных денег постоянно анализировалось. Если в каком-то выпуске упускались преимущества оформления билетов предыдущего выпуска или новый выпуск отрицательно влиял на функциональность денег, находящихся в обращении, тогда в следующем выпуске имевшиеся негативные моменты устранялись. Снижение качества изготовления некоторых выпусков банкнот в большинстве случаев было лишь следствием политических условий и экономически нестабильных периодов.

На протяжении 160 лет уровень изготовления бумажных денег в монархии Габсбургов повышался: от излишне меркантильной полиграфии до более высокого — специализированной защищенной печати, что повлияло на развитие этой отрасли и в мировом масштабе.

“Иностранный биллон” в финансовой политике России первой половины XIX в.

Валерий ШИШАНОВ

Заместитель
директора
по научной работе
Витебского областного
краеведческого музея

Использование в денежном обращении иностранной монеты — один из признаков слабости финансовой системы государства. Вхождение в состав России в XVIII — начале XIX в. обширных территорий потребовало значительных усилий по изменению и адаптации ранее существовавших административных и финансовых систем.

В сфере денежного обращения особое внимание уделялось прекращению хождения на присоединенных землях “биллона” — низкопробных серебряных польских двух-, однозлотовых, пятнадцати-, десяти-, шести-, пятигрошевых, соответствовавших им саксонских, саксонско-польских, прусских, австрийских монет, а вместе с ними и медных польских, саксонско-польских трех-, одно- и полугрошевых монет*.

Первый указ, ограничивавший срок хождения “прежних” монет одним годом, появился вскоре после завершения первого раздела Речи Посполитой — 9 ноября 1772 г. [5, т. XIX, № 13903]. Но мер по его строгому исполнению предпринято не было. И вновь этот вопрос поднимается в 1799 г. в связи с необходимостью распорядиться польскими трояками и грошами на сумму 4680 руб. 26 коп., поступившую в комиссию по уплате долгов князя Любомирского в Киеве. Сенат посчитал, что в подобных случаях выгоднее принимать такую монету по 16 руб. за пуд и переплавлять в медные слитки, “далее же хождение оной бывшей польской монеты воспретить и за тем гражданскому начальству иметь строгое наблюдение” [5, т. XXVI, № 19891 (28 мая 1801 г.)].

Следует отметить, что низкий курс российских ассигнаций и невозможность насытить рынок собственной серебряной и медной монетой долгое время были одними из основных причин, препятствовавших унификации денежной системы [9]. Поэтому к обращению золотой и “добротной” серебряной иностранной монеты власти относились более терпимо. Известны указы, разрешавшие “по причине не довольно достаточного обращения” российской монеты принимать в подати иностранную монету или голландские червонцы. Один из таких указов, касавшийся “Литовских губерний”, был дан Александром I государственному казначею 7 мая 1802 г. [5, т. XXVII, № 20257]. Но 10 апреля 1809 г. из-за “беспрестанной перемены” курса вернулись к сбору налогов российской серебряной монетой [5, т. XXX, № 23576].

Попытки укрепить позиции русских ассигнаций и медной монеты путем разрешения принимать их в уплату налогов приводили к нежелательным для казны результатам. По рапортам из Волынской, Минской и Эстляндской губерний 21 мая 1800 г. вышел сенатский указ “О взимании пошлин с покупаемых имений тою же самой монетой, за какую имение покупается”, поскольку выяснилось, что сделки совершались на золото и серебро с указанием цены в польских злотых или рублях, а пошлины в казну вносились бумажными и медными деньгами [5, т. XXVI, № 19425]. Указ, по сути, отменил принятое 28 августа 1789 г. решение по аналогичным делам о приеме в платежи “всякой монеты” [5, т. XXIII, № 16798].

Подобное непостоянство наблюдается и в принятии решений о выплате жалованья чиновникам. Так, в Лифляндии до учреждения наместничества в 1783 г. жалованье “присутственным местам” выплачивалось ефимками или российской серебряной монетой, после — ассигнациями по курсу 1 руб. 25 коп. за 1 ефимок. По представлению Лифляндского и Эстляндского губернатора князя Голицина 9 апреля 1802 г. появляется указ императора “Об отпуске сумм по положенной в Риге на жалованье канцелярским служителям альбертовыми талерами” [5, т. XXVII, № 20227]. Через шесть лет, 24 июня 1808 г., следует распоряжение о производстве выплат ассигнациями “на прежнем основании” [5, т. XXX, № 23113].

За исключением двух указов о запрещении ввоза и “хождения внутри государства” австрийских цвель-

* Отдельные аспекты темы затронуты в работах: Никотин, И.А. Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649—1876) / И.А. Никотин. Вильно, 1886. Т. 2. С. 391—392; Печерин, Я.И. Наши государственные ассигнации до замены их кредитными билетами / Я.И. Печерин // Вестник Европы. 1876. Т. IV. Кн. 8. С. 628—630; Шодуар, С. Обзорные русские деньги и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен / С. Шодуар. СПб., 1837. Ч. 1. С. 79—82.

феров (12 крейцеров) [5, т. XXVII, № 21026 (3 ноября 1803 г.)] и прусской мелкой монеты ($\frac{1}{3}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{30}$ талера) [5, т. XXVII, № 21200 (8 марта 1804 г.)] первое десятилетие XIX в. отмечено политикой терпимости в отношении к иностранной монете.

Решительные шаги к преодолению финансового кризиса и установлению “правильной и единообразной монетной системы” намечались в манифесте от 20 июня 1810 г. [5, т. XXXI, № 24264], составленном на основании “Плана финансов 1810 г.”, разработчиками которого выступили М. Сперанский и М. Балугьянский [3, с. 126—131]. В этом манифесте “главную непремяемой и законной мерою (монетною единицею) всех монет” в государстве устанавливался серебряный рубль. Особый его раздел посвящался “единообразию монетной системы”, в котором содержались параграфы, предписывавшие все финансовые документы и сделки заключать во всех губерниях без исключения в российской монете, прекратить с 1811 г. во всех внутренних делах счет на иностранную монету и с 1812 г. запретить “ход и привоз иностранной мелкой монеты, под общим именованьем биллон известной”.

Намеченную в манифесте от 20 июня 1810 г. реформу по многим причинам не удалось реализовать. Но манифест придал ход бюрократической машине, и 4 сентября 1811 г. на заседании Департамента государственной экономии рассматривался вопрос о путях прекращения “хода и привоза” биллона в Лифляндской и Курляндской губернии, “более всех иностранную монету употребляющих” [1, стб. 566—571].

Министр финансов Дмитрий Гурьев изложил мнение рижского военного губернатора, который считал необходимым привезти в упомянутые губернии 6 млн. руб. медной и 1,5 млн. серебряной монетой, “упразднить частных меновщиков” и открыть “контору при казенной палате” для осуществления обмена “во всякое время и во всяком количестве” до тех пор, пока иностранная монета не выйдет из обращения. Губернатор считал также необходимым принимать подати исключительно российской монетой и для снижения издержек на провоз монеты учредить в крае монетный двор.

Однако сам министр финансов оказался противником столь решительных мер, находя, что “введение вдруг российской монеты сделать невозможно и не настоит надобности” и достаточно будет принимать талеры в пробирную палату и перечеканивать в рубли, а с уменьшением количества крупной монеты будет снижаться потребность в разменной, которую нужно принимать не по курсу, как талеры, а как “серебро в товаре”. Ввоз медной монеты в нынешнем весе, как считал министр, приведет к быстрой утечке ее за границу, поскольку номинальное достоинство монет ниже цены содержащейся в них меди. Во избежание чего предлагалось сделать на монете, чеканенной по 16 руб. из пуда, надчеканку с указанием номинала в соответствии с новой стопой — 24 руб. из пуда. Данная надчеканка и стала камнем преткновения, поскольку осуществить это быстро не представлялось возможным, и департамент посчитал необходимым отсрочить запрет на обращение биллона “доколе министерство финансов не исполнит всех своих предположений”. Но их исполнение затянулось, а 1 декабря 1813 г. было подписано мнение Государственного совета о продлении свободного обращения биллона в Остзейских губерниях до истечения 1814 г. [5, т. XXXII, № 25484].

Следует заметить, что недостаток в медной монете наблюдался и после повышения монетной стопы в губерниях, граничивших с прибалтийскими. Так, на заседании Комитета министров 2 ноября 1810 г. рассматривалось донесение из Псковской губернии, руководство которой пришло к выводу, что купцы под видом “торговых оборотов” отправляют в Лифляндскую губернию “в знатном количестве медные деньги и вероятно для переплавки в медную посуду” [2, с. 101].

В 1820-е гг. вопрос об “иностранном биллоне” становится предметом более пристального внимания российской администрации.

31 августа 1824 г. по утвержденному положению Комитета министров сенатом был дан Указ “Об обнаружении повсеместно правил о мерах к прекращению хода иностранной разменной монеты, с означением званый монеты и цене оной” [5, т. XXXIX, № 30042; таблица 1]. В нем предусматривались следующие меры.

1. “Из особого снисхождения” установить четырехмесячный срок для вымена биллона в уездных казначействах по таксе, определенной “по внутреннему достоинству” монет.
2. По окончании срока строжайше запретить всякое употребление биллона.
3. В случае если монета будет замечена “на рынках или в других публичных местах”, она подлежит конфискации с выплатой половины стоимости “открывателю”.
4. Если после восьми месяцев биллон все же будет обнаружен в обращении, то местные “полицейские чиновники”, как “неспособные и нерадивые, должны быть отрешаемы от должности”.
5. В случае получения после четырехмесячного срока сведений о лицах, тайно занимавшихся продажей или обменом биллона, следовало обыскать их дома и при обнаружении конфисковать монету, всю ее стоимость выплатить доносителю, а виновного “предать законному суждению”.

На протяжении мая — декабря 1827 г. вопрос об обращении биллона в Западных и Остзейских губерниях вновь обсуждался на заседаниях Департамента государственной экономии, Комитета министров и Государственного совета [7].

Таблица 1

Такса, по которой следовало принимать иностранную разменную монету в Остзейских губерниях по Указу от 31 августа 1824 г.*

Фердинг	3 коп.
Марка	6 коп.
Полуфинфер	10 коп.
Финфер	20 коп.
Двойной финфер	50 коп.

* Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. СПб., 1830. Т. XXXIX. № 30042.

Фердинг (от нем. “vier” — четыре) — денежно-весовая единица, равная $\frac{1}{4}$ марки. В Эстонии и Латвии так называли монету $\frac{1}{2}$ гроша, чеканившуюся в Риге в XVII в. в период польского правления, и другие мелкие монеты в полтора гроша (полтора-рак).

Марка (марк-фердинг) — 2 фердинга.

Финфер — 5 фердингов.

Министр финансов Егор Канкрин указывал на то, что “в Литовских губерниях и Белостокской области, где вся внутренняя торговля производится по тамошнему обыкновению на серебряные деньги, в случае недостатка российской разменной монеты бывает в употреблении нередко прусская, известная под названием 3-й, 6-й, 12-й части прусского талера, а также слитки, которые иногда ввозятся тайным образом в весьма значительном количестве, ныне же в упомянутых губерниях и отчасти в Минской и Волынской имеет наибольшее кругообращение биллон Царства Польского по соседственным отношениям и по крайнему недостатку в тех губерниях мелкой серебряной и медной российской монеты” [7].

Е. Канкрин считал возможным завести в указанные губернии большее количество медной монеты и “некоторые суммы” мелкой серебряной, но последней “не в излишестве, ибо сия монета, особливо 5-ти копеечники, наиболее содействуют к вытеснению из обращения медной монеты, которая вообще в казначействах накапливается с избытком”. Указывал министр и на необходимость принятия мер к прекращению вывоза за границу российской монеты и запрета по образцу Остзейских губерний хождения и ввоза “малодобротной” иностранной.

На заседании Государственного совета 30 декабря 1827 г. в ходе обсуждения вопроса о необходимости обращения биллона в Западных губерниях выявилось два мнения. Маркиз Пауллуччи, графы Воронцов, Пален и Новосильцев единогласно утверждали, что обращение биллона необходимо, поскольку “он служит единственным средством торгового обращения между смежными обывателями, и что прекращение сего движения без замены другими средствами было бы крайне неудобно и стеснительно”. Пауллуччи считал хождение биллона даже полезным.

Напротив, Е. Канкрин не признавал необходимости использовать биллон в приграничной торговле, называя причиной привязанности к нему только “привычку обывателей”, и вновь заявлял о вреде биллона, заключавшемся прежде всего в том, что на него выменивалась и после вывозилась “добротная” российская монета. Отмечал министр финансов и то, что низкопробная монета — притягательный объект для фальшивомонетчиков, “по прекращении хода низкопробной монеты в последствии оказалось оной вдвое более, нежели было выпущено” [7].

В итоге члены Государственного совета пришли к мнению: “<...> в настоящем положении монетного нашего движения, есть весьма уважительныя причины допустить, или, лучше сказать, терпеть до принятия других средств обращение иностранного биллона, как по уважению народных нужд, по сим пограничных торговых сношений, по невозможности заменить его медною нашею монетою, в настоящем ее составе, так и потому наиболее, что под именем сего обращения никогда не разумелось и не было допускаемо обращение биллона в виде действительной монеты, никогда он не был допускаем и ныне не допускается, ни в платеж податей и повинностей, ни в договорах с казною, даже и в частных договорах, в купле и продаже он допускается единственно по добровольному обоюдному согласию”.

“Настоящий вред” такого обращения члены Совета видели в обмане, которому может подвергнуться “про-

стой народ” в “мелочных его обменах и продажах”. Хотя жалоб не поступало, но сама вероятность обмана и подлога считалась достаточной причиной к поиску средств для пресечения злоупотреблений. Совет признал, что прежние постановления не достигли своей цели и нужно обратиться к “средствам постепенным”. В частности:

- подтвердить запрет на ввоз биллона;
- продумать пути распространения российской монеты;
- до того “не употреблять никаких запретительных мер к стеснению движения иностранного биллона между обывателями по нуждам их и по добровольному согласию, стараясь токмо облегчить сколько возможно в местных казначействах удобность добровольных разменов ассигнаций и серебряной нашей монеты на медную и обратно” [7].

13 мая 1828 г. Николай I утвердил мнение Государственного совета о необходимости заменить иностранный биллон медной монетой [6, т. III, № 2022]. Однако соответствующий указ немногословен и не раскрывает всех обстоятельств дела, но отсутствие в документе даже упоминания о запретах свидетельствует о приверженности “постепенным средствам” к вытеснению (“заменению”) биллона.

В 30—40-е гг. XIX в. в России наблюдался экономический подъем, сопровождавшийся развитием внутреннего рынка, внешней торговли и улучшением состояния государственных финансов. Ежегодный перевес ввоза золота и серебра над вывозом в 1821—1830 гг. составлял 7,1 млн. руб.; в 1831—1840 гг. — 11,7 млн. руб. золотом [8, с. 326]. Значительно увеличилась добыча золота и серебра.

Правительство столкнулось с распространением “добротной” иностранной золотой и серебряной монеты в центральных губерниях. И поскольку она ценилась несколько выше своего “внутреннего достоинства” и вызывала различные затруднения в денежных оборотах, необходимо было определить отношение к создавшемуся положению. Анализ ряда документов 1830-х гг. позволяет говорить о проявлении терпимости к обращению такой монеты. Был узаконен ее прием (“до третьей части”) по установленному курсу в счет подушной подати, оброка, на “водные и сухопутные сообщения”, за право винокурения [6, т. IX, № 7221 (25 июня 1834 г.); т. XI, № 9106 (27 апреля 1836 г.); т. XIII, № 11839 (10 декабря 1838 г.); т. XIV, № 12536 (14 июля 1839 г.)].

Следующее десятилетие отмечено возобновлением попыток пресечения обращения биллона. 16 октября 1844 г. последовало “высочайшее повеление”, по которому определялся двухгодичный срок для жителей Остзейских и Западных губерний для “сбыта” находящейся у них иностранной и польской низкопробной монеты [6, т. XIX, № 18304]. Министру финансов Федору Вронченко предписывалось немедленно сделать все зависящие от него распоряжения к снабжению местных казначейств достаточным запасом российской монеты и предоставить “предположения” Государственному совету о способах “окончательного сбыта биллона”.

Предполагалось, что по истечении срока будут введены в “полное действие запретительные постановления и меры взысканий”, среди которых по “Уложению о наказаниях уголовных и исправительных” добавился штраф в размере тройной нарицательной це-

ны конфискованной монеты [6, т. XX, № 19283 (15 августа 1845 г.)]. Спустя два года Вронченко констатировал необходимость продления срока обмена еще на полгода — до 1 мая 1847 г., что и было утверждено 4 ноября 1846 г. [6, т. XXI, № 20578; таблица 2]. Но, по свидетельству современников, и в 1880-е гг. биллон “наводнял собою Северо-Западные губернии” [4, с. 392].

Данная тема еще требует дальнейших исследований. Предварительные результаты позволяют говорить о пассивности в действиях русской администрации в отношении обращения биллона. Причиной тому могло быть опасение, что российская монета будет уходить за границу, медная переплавляться, и, таким

образом, не достигнув результата, казна понесет значительные убытки. Выгодность таких операций определялась невозможностью или нежеланием своевременно повышать монетную стопу, следуя за изменением цены меди.

На определенных этапах проявлялась и слабость российских финансов, не позволявшая эффективно регулировать состояние денежного рынка. В то же время само по себе обращение биллона не приводило к значительным финансовым потерям и наносило скорее моральный ущерб, как проявление обособленности западных областей, препятствовавшей завершению унификации денежной системы.

Таблица 2

**Табель иностранных низкопробных монет
разного наименования, обращающихся в Остзейских и Западных губерниях,
обмен которых допускается в уездных казначействах до 1 мая 1847 г.
по нижепоказанной цене***

	Цена, по которой допускается обмен в казначействах до 1 мая 1847 г. (коп. сереб.)		Цена, по которой допускается обмен в казначействах до 1 мая 1847 г. (коп. сереб.)
А. Серебряные монеты			
I. Двухзлотовые			
Польские, российско-польские, саксонско-польские (гульдены), саксонские (в 1/3 талера) и прусские (дрихтели):			
а) с обозначением года	28	IV. 10-ти грошевые Польские, российско-польские и саксонско-польские:	2 1/2
б) стертые, на которых не видно года	27		
в) стертые, на которых не видно штемпеля	26		
Австрийские (в 20 крейцеров) и баварские (копштики) с обозначением года	17 3/4	V. 6-ти грошевые Прусские:	
II. Однозлотовые			
Польские, российско-польские, саксонско-польские (полугульдены), саксонские (1/6 талера), баварские (полукопштики) и прусские (1/6 талера):			
а) с обозначением года	13	а) с обозначением года	2
б) стертые, на которых не видно года	12	б) стертые, на которых не видно года	13/4
III. 15-ти грошевые			
Прусские и курляндские:			
а) с обозначением года	7	VI. 5-ти грошевые	
б) стертые, на которых не видно года	6	Польские, российско-польские и саксонско-польские:	
		а) с обозначением года	11/2
		б) стертые, на которых не видно года	1
		Б. Медные монеты	
		VII. 3-х грошевые	
		Польские, российско-польские, саксонско-польские с обозначением года и стертые, на которых не видно года	
			1/2
		VIII. Одногрошевые и полугрошевые	
		Польские и саксонские с обозначением года и старые, на которых не видно года	
			1/4

* Полное собрание законов Российской империи с 1825 г. 2-е собр. СПб., 1839. Т. XXI. Отд. II. С. 150. К № 20578.

Источники:

1. Архив Государственного совета. Т. 4. Журналы по делам Департамента государственной экономии. Ч. 1. СПб., 1881.
2. Журналы Комитета министров. Царствование имп. Александра I (1802—1826 гг.). СПб., 1891. Т. II.
3. Морозан, В.В. История банковского дела в России (вт. пол. XVIII — пер. пол. XIX в.) / В.В. Морозан. СПб., 2004. — 400 с.
4. Никотин, И.А. Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях (1649—1876) / И.А. Никотин. Вильно, 1886. Т. 2. С. 391—392.
5. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. СПб., 1830.
6. Полное собрание законов Российской империи с 1825 г. 2-е собр. СПб., 1830—1884.

7. РГИА, ф. 37, оп. 20, д. 1821 — Российский государственный исторический архив, фонд Горного департамента, оп. 20, д. 1821, “По предложению г. министра финансов, с препровождением списка с высочайше утвержденного мнения Государственного совета, по делу о запрещении в Западных и Остзейских губерниях обращения раздробительных иностранных монет, а в Бессарабской области турецкой монеты, кроме золотой”.
8. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. СПб., 1902. Т.1.
9. Шишанов, В.А. К вопросу об обращении русских ассигнаций в губерниях, “от Польши присоединенных”, на рубеже XVIII—XIX вв. / В.А. Шишанов // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XVI // Труды ГИМ. М., 2003. Вып. 138. С. 281—288.

Государственные внутренние займы СССР как источник изучения нэпа

Елена ДИВИНСКАЯ

Специалист
I категории историко-
информационного сектора
Управления информации
Национального банка
Республики Беларусь

В музее Национального банка Республики Беларусь хранится одна из лучших коллекций ценных бумаг в нашей стране. Часть этой коллекции составляют облигации Государственных внутренних займов СССР — первого и второго хлебного, сахарного. Это были первые попытки организованного проведения займов государством у населения, и назывались они так потому, что оплачивались не деньгами, а натуральными продуктами: хлебом и сахаром. Исследуя ценные бумаги начала двадцатых годов прошлого века, события, связанные с их появлением, можно вернуться назад в историю, в период, известный как новая экономическая политика (нэп).

Это были одни из самых сложных лет: экономическое положение молодой советской республики оказалось крайне тяжелым. Первая мировая война, две революции, борьба с бандитизмом существенно подорвали экономику страны и ухудшили положение населения. Продразверстка, зачастую отнимавшая у крестьян все продукты питания, вызывала повсеместное недовольство среди сельского населения. Это проявлялось в крестьянских восстаниях, в которых к весне 1921 г. участвовали около 200 тыс. человек. В городах большинство продуктов распределялось по карточкам, но выдаваемое количество не могло обеспечить население в достаточной мере. Рабочим и их семьям приходилось вести полуголодное существование, и, как следствие, участились забастовки. В 1921 г. впервые за годы выступлений В. И. Ленина перед рабочей аудиторией из зала раздался свист. Поднявшиеся на борьбу с властью требовали отмены продразверстки, свободы торговли, демократизации политического режима. Возникла опасность утраты власти, и правящей партии большевиков ничего не оставалось, как уступить крестьянству и пойти на реформы в экономике.

Для белорусской территории в большей степени не характерны те изменения, которые происходили в европейской части России. До 1920 г. значительная часть земель республики была занята фронтом и, соответственно, не могла находиться под большевистским контролем. Экономика пришла в упадок, многие промышленные предприятия были эвакуированы, разрушены в ходе военных действий, разграблены оккупантами. То, что сохранилось, бездействовало или работало с перебоями ввиду отсутствия сырья и топлива. Нехватка рабочих мест, жилья, несвоевременная выплата заработной платы и недостаток продуктов питания вынуждали рабочих покидать город и переселяться в деревню. На начало 1920 г. 89% населения БССР жило в сельской местности, где наблюдалась самая высокая перенаселенность, — на 1 кв. м приходилось 33,2 человека. Сельское хозяйство почти полностью было разрушено, посевные площади сократились более чем на 30%, а поголовье скота — на 50%. Непосильная продразверстка вынуждала крестьян, не так давно вернувшихся с войны, брать за оружие. В 1920 г. вооруженные восстания прошли в Слуцком, Игуменском, Минском, Борисовском уездах.

Сложившаяся обстановка заставила советское правительство перейти от политики военного коммунизма к кардинальным изменениям в экономической жизни. В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) была принята резолюция о замене продразверстки продоволь-

ственным налогом. Всю промышленность перевели на хозрасчет, появилась возможность перейти от продуктообмена к товарно-денежным рыночным отношениям.

20 мая 1922 г. декретом ВЦИК был объявлен первый внутренний краткосрочный заем — хлебный. Он затрагивал интересы различных кругов населения. Облигация займа выпускались сроком на 8 месяцев и принимались в зачет взносов по продналогу. Такая возможность избавляла крестьян от необходимости возить зерно на приемные пункты и, кроме того, давала возможность свободно распоряжаться излишками. Была разрешена торговля сельскохозяйственными продуктами. Но выгоду от проведения займа для крестьян, и для государства тоже, необходимо было разъяснить. Данную роль частично выполняли периодические издания. В газете “Звезда” появляются беседы с управляющим белорусской конторой Госбанка Ф. Володковичем, секретарем Ц.Б.К.П.Б.¹ тов. Богуцким, Народным комиссаром продовольствия Т. Адамайтисом, председателем союза рабочей кооперации Белоруссии Л. Кацом о хлебном займе, о гарантиях и выгодах, которые получают владельцы облигаций. Подобная реклама позволила провести первый хлебный заем весьма успешно, однако большинство облигаций было реализовано в Минске. В газете сообщалось, что “для Белорусской конторы Госбанка было отпущено облигаций на 20 000 пудов. В г. Минске было расписано около 15 000, а на долю уездов оставалось всего 5000 пудов (по 100 — на уезд)”². В этой публикации, скорее всего, опечатка. После заключе-

ния Рижского мирного договора 11 августа 1920 г. первоначальная территория обновленной БССР включала всего шесть уездов: Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский, Минский и Слуцкий³. Следовательно, если на Минский уезд расписано 15 000 пудов, то на остальные пять — по 1000 пудов на уезд, а не по 100.

Облигации первого хлебного займа выпускались с сохранением российской традиции печати ценных бумаг и содержали изображение государственного герба и номинальной стоимости. Было выпущено облигаций в 1, 3, 5, 10, 25 и 50 пудов ржи в зерне трех серий: А, Б и В. Печать односторонняя, на каждой облигации — один номер и три подписи: председателя ВЦИК, Народного комиссара финансов и Народного комиссара продовольствия. На облигациях содержалась информация о периоде погашения (с 1 декабря 1922 г. по 31 января 1923 г.), выделении специального фонда продовольствия из поступлений натурального налога; выделении гарантийного фонда в десять миллионов рублей золотом, возможности приема облигаций данного займа в зачет взносов единого натурального налога по обозначенному в облигациях количеству ржи, свободной продаже и об освобождении от каких-либо налогов или сборов. Погашение облигаций первого хлебного займа было продлено до 15 марта 1923 г.

Второй внутренний краткосрочный государственный хлебный заем был выпущен на основании декрета ЦИК и СНК СССР от 22 марта 1923 г. Общая сумма выпуска — 100 млн. пудов ржи в зерне. Облигации выпускались достоинством в 1, 2, 3, 5 и 10 пудов ржи с разделением на три района. “Для 1-го района — зеленый цвет, для 2-го района — синий и для 3-го района — красный”⁴. БССР в отношении цены на облигации была отнесена ко второму району по цене 30 руб. за пуд (в первом районе — цена 20 руб. за пуд, в третьем — 40 руб. за пуд). Чтобы избежать спекуляций, продажа облигаций должна была производиться в соответствии с установленными районами. Республика получила купюр хлебного займа на 160 000 пудов, которые распределились следующим образом: “Слуцкому уезду — 40 000 п., Бобруйскому — 30 000 п., Игуменскому — 25 000, Мозырскому и Борисовскому — по 15 000 п., Минскому — 10 000 п., в запасе осталось 25 000 пудов, которые планировалось реализовать через контрагентов (Госбанк, Центробелсоюз, Наркомпрод, Хлебопродукт, Наркомзем и Сельпромсоюз)”⁵.

К оплате натурой было предъявлено облигаций лишь на 2 млн. пудов, в оплату налога поступило облигаций на 6,3 млн. пудов. Остальная их часть передана государственным учреждениям в счет кредитов на заработную плату и использовалась для снабжения рабочих хлебом. Вследствие большого спроса на облигации выпускная сумма займа дважды увеличивалась: с 1 октября 1923 г. новые цены на облигации второго хлебного займа составили: “1-го района —

¹ Центральное бюро коммунистической партии Белоруссии.

² Хлебный заем // Звезда. 1922. № 147.

³ Нацыянальны атлас Беларусі. Мінск: Камітэт па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, 2002. С. 262.

⁴ Тулунтис, С. Покупайте хлебный заем // Звезда. 1923. № 132.

⁵ В Белоруссии началась подписка на 2-й хлебный заем // Звезда. 1923. № 125.

240 р., 2-го района — 320 р., 3-го района — 410 р.”⁶, а с 9 ноября “все кассы Наркомфина оплачивали деньгами облигации 2-го хлебного займа по 50 черв. копеек за один пуд”⁷. Заем погашался с 1 ноября 1923 г. до 1 марта 1924 г.

По своему внешнему виду облигации второго хлебного займа несколько отличались от предыдущего выпуска. У них уже имелась двухсторонняя печать. Лицевая сторона содержала государственную символику — герб Советского Союза, номинальную стоимость облигации в пудах ржи, три подписи: Председателя ВЦИК, Народного комиссара финансов и Народного комиссара продовольствия и информацию о погашении и гарантиях. А на оборотной стороне появилась отличительная от облигаций первого хлебного займа особенность — изображение скульптуры И. Шадра “Крестьянин-сеятель”.

5 ноября 1923 г. был выпущен Государственный краткосрочный сахарный заем на 1 млн. пудов сахара-рафинада сроком на одиннадцать месяцев. Он предназначался для того, чтобы путем продажи облигаций займа получить средства для финансирования нового урожая. Последний день подписки назначался на 19 ноября 1923 г. Сахарный заем выпустили в облигациях на 10 фунтов, 1, 5 и 25 пудов рафинада. Подписка на крупные купюры облигаций считалась более выгодной. Разница между 1 пудом в 10-фунтовых облигациях и 25-пудовых составляла 2 руб. 50 коп. При покупке облигаций допускалась рассрочка платежей на десять дней с первоначальным взносом половины стоимости покупаемых облигаций, но в этом случае платежи производились по курсу червонца.

Приобретение облигаций являлось для торговых предприятий и отдельных лиц способом заготовки сахара. С февраля до мая 1924 г. заем погашался натурой (сахаром), а затем до октября этого же года — деньгами.

По внешнему виду облигации сахарного займа отличались от предыдущих хлебных займов. В зависимости от их номинальной стоимости изменялся цвет облигаций и шрифта: в 10 фунтов — синий, 1 пуд — красный, 5 пудов — зеленый, 25 пудов — черный. На лицевой и оборотной стороне облигаций изображен герб СССР, а вместо подписи Народного комиссара продовольствия — подпись Председателя Высшего Со-

вета народного хозяйства (ВСНХ). Указывалось также место изготовления облигаций — Первая московская фабрика заготовления государственных знаков.

Следует отметить, что пополнение музейного фонда Национального банка Республики Беларусь ценными бумагами имеет большое значение для изучения истории банковской деятельности и развития финансовых отношений. Процесс исследования облигаций государственных займов нельзя назвать завершенным, потому что постоянно открываются новые факты, находятся новые архивные документы или дополнительные сведения, помогающие переосмыслить процессы новой экономической политики.

Коллекция облигаций Государственных внутренних займов СССР периода нэпа представлена в экспозиции Национального банка Республики Беларусь по истории финансовых учреждений.

Источники:

1. Берхин, И.В. Экономическая политика советского государства в первые годы советской власти. Москва: Издательство “Наука”, 1970.
2. Валентинов, Н. НЭП и кризис партии. Воспоминания. Нью-Йорк: Терекс, 1991.
3. Генкина, Э.В. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921—1922). Москва: Государственное издательство политической литературы, 1954.
4. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) і інш. Мінск: Экаперспектыва, 2000—2005. Т. 6. “Беларусь у 1917—1945 гг.”. — Мн.: 2006.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Том 1. 1917—1921 гг. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957.
6. Ивонин, Ю.Н. Гоголин, Ю.А. Каталог облигаций государственных внутренних займов СССР. Москва: “Финансы и статистика”, 1990 // Бонистика. Сайт в Интернете: <http://www.bonistikaweb.ru/>
7. Яновский, О.А. и др. История России. XX век. Минск: РИВШ, 2005.
8. НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. Москва: РОССПЭН, 2006.
9. НЭП. Взгляд со стороны. Экономические чтения. Москва: Московский рабочий. 1991.

⁶ Цена облигаций хлебного займа // Звезда. 1923. № 231.

⁷ Звезда. 1923. № 264.

Российский рынок современных памятных и инвестиционных монет

Василий ГЕРАСИМОВ

Консультант
Управления
денежных знаков
и профилактики
фальшивомонетничества
Банка России

Рынок современных памятных монет Российской Федерации зародился с выпуском первых памятных и юбилейных монет Государственного банка СССР почти 45 лет назад. Самой первой отечественной памятной монетой был рублевик 1965 г. из нейзильбера, посвященный 20-летию победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. В течение следующих 26 лет в Советском Союзе было выпущено в обращение 95 видов памятных монет из нейзильбера и мельхиора общим тиражом более 633 млн. штук (включая 19 выпусков новоделов 1988 г.). Часть тиражей этих монет изготавливалась в улучшенном качестве, а начиная с 1981 г. — с зеркальным полем (пруф).

В то время, когда обращение монет из драгоценных металлов в стране было запрещено, Советский Союз весьма активно продвигал их на международный рынок. Начало этой деятельности было положено в 1975 г. возобновлением чеканки золотой монеты номиналом один червонец образца 1923 г. За 8 лет (1975—1982 гг.) было отчеканено 6 665,0 тыс. штук золотых червонцев, для чего из государственных фондов выделено около 52 т золота. Никаких публикаций о выпуске золотых червонцев в советской прессе не было. Краткий пресс-релиз Государственного банка СССР о выпуске червонцев был опубликован в некоторых зарубежных изданиях.

Следует отметить, что советский червонец оказался третьей по времени появления золотой инвестиционной монетой после британского соверена 1957 г. и южноафриканского крюгерранда 1967 г. Помимо червонца за последние 16 лет своего существования Государственный банк СССР выпустил в обращение более 9,2 млн. серебряных монет, для изготовления которых потребовалось 210,7 т металла, а также 7,3 млн. золотых (61 т), 208,4 тыс. платиновых (3,5 т) и 168 тыс. палладиевых монет (4,6 т). Их реализация осуществлялась за рубежом за свободно конвертируемую валюту. Влияние этих выпусков на отечественный рынок ограничивалось крайне незначительным количеством серебряных монет Олимпийской серии номиналами 5 и 10 рублей, реализованных советским гражданам через магазины Главювелирторга в конце 1980-х гг., и единичными экземплярами монет перечисленных серий, ввезенных в страну из-за рубежа.

Начиная с 1992 г., по мере отмены нормативно-правовых ограничений советского периода, Банк России реализует монеты из драгоценных металлов на территории Российской Федерации. К 1995 г. были приняты нормативные акты, регламентирующие операции с монетами из драгоценных металлов, и разработана технология их распространения через кассовые подразделения кредитных организаций-резидентов. По мере возрастания внутреннего спроса Банк России сокращал экспортную квоту на монеты и, соответственно, увеличивал количество монет для отечественного рынка. Сегодня экспортная квота на памятные монеты Банка России редко превышает 10% тиражей.

Одной из особенностей рынка современных российских монет, обращающихся на отечественном рынке, является заметное разнообразие их весовых стандартов и типов.

Банк России выпускает ежегодно порядка 45 наименований монет из драгоценных металлов, а порой, как в 2009 г., и того более. При этом необходимо от-

метить скромный удельный вес хотя и многочисленных по видам, однако сравнительно малотиражных памятных монет в общем объеме реализуемых Банком России монет и явное преобладание в этом показателе монет инвестиционного назначения. Так, доля серебряного “Соболя” 1995 г. выпуска 2004—2006 гг. (в последние годы его реализации) составляла 20—26% всего количества реализованных Банком России серебряных монет, а в разделе золотых монет удельный вес червонца в тот период удерживался на уровне 63—71%. Современный 50-рублевый “Георгий Победоносец” занимает в последние годы без малого 80% общего количества всех реализуемых Банком России золотых монет.

Исчерпывающими данными об объемах отечественного рынка современных монет из драгоценных металлов мы не располагаем. Достоверными являются цифры реализации монет Банком России: за период с 1992 г. по 2009 г. (январь—сентябрь) он выдал кредитным организациям для реализации более 8,8 млн. монет (из них 5,3 млн. — серебряных, 3,5 млн. — золотых и около 10 тыс. — платиновых и палладиевых). Содержание металлов в них составляет: серебра — более 150 т, золота — около 26 т, платиноидов — около 200 кг. Для более точной оценки объемов российского рынка необходимо было бы учесть наблюдавшуюся в различные периоды миграцию монет из России в страны Западной Европы и обратно (главным образом в период встречных ценовых трендов на российском и европейском рынках), а также весьма активный в последние годы импорт в Российскую Федерацию монет иностранных эмитентов.

Реализация российских монет из драгоценных металлов в течение всего наблюдаемого периода осуществляется на фоне преобладающей тенденции стабильного роста цен на них (таблица). В основе этого процесса лежат как рост мировых цен на драгоценные металлы, на базе которых формируются отпускные цены Банка России на монеты, так и темпы инфляции, которая корректирует себестоимость производства монет в сторону повышения.

Несомненно, важнейшими ценообразующими факторами на вторичном рынке являются редкость монеты (изначально обусловленная ее тиражом) и актуальность тематики. Это обстоятельство наглядно демонстрируется динамикой цен вторичного рынка на монеты малотиражных выпусков прошлых лет, текущие цены на которые выросли в десятки раз (3-рублевая серебряная монета “Саввино-Сторожевский монастырь” 1998 г., 2-рублевая монета “Коста Хетагуров” 1999 г., 100-рублевая серебряная монета “Бурый медведь” 1965 г. и др.). Уникальным явлением в этом ряду является почти 100-кратный рост цены на 50-рублевую золотую монету 2000 г. выпуска, посвященную А.В. Суворову.

Особую группу составляют крупные монеты Банка России, содержащие 1 и 3 кг драгоценного металла. На конец 2009 г. Банком России выпущено в обращение 44 вида серебряных и 17 видов золотых монет содержанием 1 кг чистого металла, 4 серебряных и 2 золотых — содержанием 3 кг металла. Несмотря на низкие тиражи (преимущественно в диапазоне 500 штук — для килограммовых серебряных, 100 штук — для золотых этого стандарта), совокупный вес тиража этих гигантов составляет 32,5 т серебра и

Таблица

Среднегодовые значения лондонских фиксингов и отпускных цен Банка России на монеты в 2004—2008 гг.

	Серебро			Золото		
	Фиксинг, долл. США за тройскую унцию	Отпускная цена на монету 2 рубля (в рублях)	Отпускная цена на монету 3 рубля (в рублях)	Фиксинг, долл. США за тройскую унцию	Отпускная цена на монету 50 рублей (в рублях)	Отпускная цена на червонец (в рублях)
2004	6,67	381,21	679,94	409,72	3 115,08	3 090,79
2005	7,32	403,20	720,66	445,00	4 623,23	3 259,35
2006	11,56	602,24	1 039,15	606,65	4 350,78*	4 136,09
2007	13,38	737,43	1 295,87	695,65	4 824,08*	4 504,42
2008	15,17	594,36	1 348,95	872,12	5 844,19*	5 656,62

* С учетом отпускных цен на инвестиционную монету “Георгий Победоносец”.

2,2 т золота. Тот факт, что все эти монеты чеканятся качеством “пруф”, что характерно для коллекционных монет, не позволяет с уверенностью утверждать, что они попадают в коллекции нумизматов. Очевидно, что большинство из них приобретаются в инвестиционных целях. Двукратный и трехкратный рост цен на вторичном рынке на эти монеты в последние годы наглядно демонстрирует их инвестиционную привлекательность.

Ценовая характеристика вторичного рынка монет из драгоценных металлов в Российской Федерации, как и в любой другой стране, далека от идеальной. Несмотря на неизменно повышательный тренд цен на монеты в масштабе исторической перспективы, российский рынок периодически переживает периоды роста и падения уровня цен. Нынешний финансово-экономический кризис не мог не сказаться на состоянии рынка современных монет. Его участники отмечают снижение спроса и “проседание” цен на них. Необходимо оговориться, что этот вывод основывается не на результатах маркетинговых исследований, которые, к сожалению, не проводятся, а на личных впечатлениях участников рынка. Факты “проседания” цен на отдельные монеты на вторичном рынке отмечались и в более благополучные времена. Происходило это в то время, когда по различным причинам Банк России выпускал в обращение избыточное количество отдельных видов монет по сравнению с установленным уровнем. Так, например, было в 2003 г., когда тиражи крупных монет в составе серии, посвященной 300-летию С.-Петербурга, были увеличены вдвое против обычного для того периода.

Особое место занимает сектор редких русских монет прошлых столетий, цены на которые в последние годы растут стабильно, невзирая на временные колебания рыночной конъюнктуры. После окончательного запрета в России в конце XIX в. чеканки новоделов редкие русские монеты приобрели и прочно удерживают международную репутацию одного из самых надежных и выгодных объектов вложения денежных средств. Примечательными в этом плане являются итоги аукционных торгов, проведенных в начале апреля 2009 г. в Сент-Джеймсе компанией “Херитидж” (Heritage), на которых недавно обнаруженный второй

экземпляр пробной золотой монеты Елизаветы Петровны номиналом 20 рублей 1755 г. был продан за 1 млн. 530 тыс. фунтов стерлингов.

Официальная статистика импорта в Российскую Федерацию монет иностранных эмитентов не публиковалась. По имеющейся у Банка России информации, самым крупным импортером иностранных монет является Сберегательный банк Российской Федерации. В ассортименте ввозимых им монет преобладают серебряные монеты Австралии, Канады, КНР, Новой Зеландии, а также таких государственных образований, как Острова Кука, Тувалу, Ниуэ, Науру, Малави и др. Среди поставщиков иностранных монет в Россию числятся также Армения, Республика Беларусь, Казахстан, Монголия. Аналогичный ассортимент монет ввозится в Россию Внешторгбанком, Газпромбанком и др. Однако в отличие от них Сбербанк России специально для российского рынка наладил производство на иностранных монетных дворах памятных монет с российской (а в последнее время и с украинской) тематикой.

Олимпийская монетная программа “Зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи” Банка России имеет пока только общие очертания. Предполагается выпустить в обращение в 2011—2013 гг. памятные монеты из серебра, золота и медно-никелевого сплава, а в период 2011—2014 гг. — монеты инвестиционного назначения из золота и серебра. Что касается тиражей, тематического оформления монет, схемы распространения — все это находится в стадии проработки и согласования.

В качестве прелюдии Олимпийской монетной программы Банк России в 2009—2010 гг. выпускает в обращение три серии памятных монет со спортивной тематикой, из которых 6 серебряных монет посвящены выдающимся хоккеистам (В. Боброву, В. Харламову, А. Мальцеву) и футболистам (К. Бескову, Л. Яшину, Э. Стрельцову), а 15 золотых монет — зимним видам спорта.

Каталогізацыя бумажных денег с помощью Интернета

Владимир ШВЕЦ

Доцент
Львовского
национального
университета
имени Ивана Франко,
кандидат
экономических наук

Скорость проникновения Интернета во все сферы жизнедеятельности общества временами даже опережает человеческое сознание, открывая для нас новые возможности и перспективы. Это также касается и исследования бумажных денег. В связи с этим возникает объективная потребность в новых возможностях Интернета для изучения бумажных денежных знаков.

Бумажные денежные знаки уже с начала внедрения в расчетные операции, как когда-то монеты, стали предметом коллекционирования. Они издавна находились в центре внимания исследователей. Общеизвестно, что первые упоминания о замене монет кожными денежными знаками относятся еще к временам Карфагена (III в. до н. э.). Однако применение бумажных денег чаще связывают с Китаем, где изобрели бумагу и, по-видимому, начали использовать ее в денежном обращении. Первое упоминание о бумажных денежных знаках принадлежит послу Людвигу IX Вильгельму де Рубруку, который посещал Китай в XI в. О хождении бумажных денег также упоминается в литературе после путешествия в Китай Марко Поло (1286 г.). Однако согласно каталогизации бумажных денег мира, проведенной авторами наиболее популярного мирового каталога Пика, самыми древними знаками, которые находились в регулярном обращении, считаются 20 кэш с 1370 г., 300 кэш с 1368 г. по 1399 г. и 1 куан с этого же периода [1, с. 187—188]. В то же время бумажные носители стоимости широко использовались при расчетах между купцами в итальянских городах уже в начале XIII в. Например, с 1207 г. известен бумажный документ следующего содержания: “Меняла Симон Росси подтверждает этим (документом), что получил 34 генуэзских ли-

ры и 32 динара, за которые его брат Вильгельм из Палермо выплатит предъявителю этой бумаги 8 марок хорошего серебра” [2]. Известно, что такого рода документы лишь частично выполняли функцию денег (средства расчета и обращения). Однако это был поиск новых возможностей для купцов: с одной стороны — защитить себя от риска потери полноценной монеты, а с другой — облегчить их перемещение с одного города в другой.

На протяжении последующих веков потребность в кредитных деньгах постоянно возрастала. Важным фактором было накопление богатства, которое увеличивало риски потери золота и серебра не только при осуществлении трансакций, но и при хранении. Это, в свою очередь, требовало сооружения надежных хранилищ, что было дорогим мероприятием, и только самые богатые люди имели свои собственные помещения. По большей части это были известные ювелиры, которые в силу своей профессиональной деятельности постоянно хранили чужое золото, серебро и драгоценные камни. Их услугами пользовались менялы и богатые купцы. Соответственно, квитанции, которые подтверждали хранение ценностей, выписывались на конкретное лицо, которое предоставило их на хранение. Однако рост количества денег в обращении и накопление монет из драгоценных металлов в хранилищах привели к исчезновению обязанности возвращать те же монеты или слитки из драгоценных металлов, и, как следствие, такие подтверждающие бумажные носители стоимостей становятся безымяными. Этот фактор позволил шире применять бумажные документы как в расчетах, так и в многоразовом обращении. Сложившаяся ситуация усилила еще и потребность в поиске экономичности, то есть возможности многоразового использования бумажных денег, а также их определенной стандартизации. Эти возможности обеспечивались благодаря печатанию бланков денежных документов. Растущие требования к бумажным деньгам приводят также к их институционализации (эмиссию осуществляют институции, которыми сначала были ломбарды). С XVII в. бумажные деньги начинают выпускать банковские институции, которые получают на это права и поддержку от правительства. Швеция одной из первых в Европе начинает регулярные эмиссии кредитных билетов. Например, банк Швеции первым выпустил следующие бумажные деньги в 1661 г.: дукаты, риксдалеры номиналами в 50, 100, 200, 300, 400, 500, 600, 700, 800, 900 и 1000; далеры, обеспеченные серебром таких же номиналов, а также далеры, обеспеченные обменом на медь, еще большего количества номиналов [1, с. 944—945].

Заинтересованность правительств в деятельности банков была предопределена в первую очередь потребностью в кредитных средствах, которые и представлялись банковскими домами. Она была вполне закономерной, ведь между временем поступления налогов в казну и необходимостью финансировать расходы государства лежал определенный промежуток. Именно в этот период кредиты были необходимы. Например, в Англии в 1672 г. казначейство задолжало около 1,3 млн. фунтов стерлингов, что стало причиной целого ряда банкротств [2]. А в 1694 г. в Англии утвердили законодательный акт, согласно которому было организовано товарищество, которое получило право на эмиссию банкнот. Таким товариществом стал The Governor and Company of the Bank of England. Весь учредительный капитал банка в сумме 1,2 млн. фунтов стерлингов сразу был одолжен казначейству, а банк получил право на эмиссию банкнот на эту квоту. Таким образом выпустили первые английские банкноты регулярного обращения номиналами в 5, 10, 20, 50 и 100 фунтов [1]. Кроме главного банка, не прекращали свои эмиссии другие частные банки, однако их банкноты были менее надежным средством обращения, что часто приводило к банкротствам эмитировавших их институций.

Весомой причиной, которой обусловлен поиск кредитных ресурсов, всегда были войны. Так, в Северной Америке (штат Массачусетс) во время войны с Канадой в 1690 г. начали выпускать бумажные деньги. На территории Украины первые бумажные деньги имели российское происхождение. Во времена правления Екатерины II в соответствии с Манифестом от 29.12.1768 началась работа по выпуску первых бумажных денег — ассигнаций. Сначала были основаны два ассигнационных банка в Москве и Санкт-Петербурге. Ассигнаций выпустили на 1 млн. руб., а каждый банк получил по 500 тыс. руб. медными монетами и соответствующую сумму ассигнациями. Таким образом, эти два банка выполняли функцию обеспечения обмена ассигнаций на медные и серебряные монеты. Сначала выпустили в обращение ассигнации следующих номиналов: 25, 50, 75 и 100 рублей, а впоследствии добавили ассигнации номиналами в 5 и 10 рублей. Кроме российских бумажных денег на территории украинских земель находились в обращении австрийские и польские кредитные билеты, и только через 150 лет появляются первые собственные бумажные деньги. Очевидно, что возникновение этих денег связано с периодом освободительных соревнований (по украинской терминологии) украинского народа (1917—1921 гг.). Основным катализатором, который способствовал ускорению создания украинской независимой денежной системы, был приход большевиков к власти в России, поскольку сразу выявилось негативное отношение к национальной государственности в Украине. Поэтому сразу после утверждения III Универсала 7 ноября 1917 г. (по старому стилю) Украинская Центральная Рада приняла решение об изготовлении собственных денег.

Первыми бумажными денежными знаками стали “кредитовые билеты”, выпущенные 24 декабря 1917 г., изготовленные по проекту Юрия Нарбута в киевской типографии С.В. Кульженко. Впоследствии была осуществлена эмиссия знаков более мелких номиналов, а вместо разменной монеты выпущены в обращение марки с функциями денег (таблица). В усло-

виях отсутствия у молодого государства необходимого золотого запаса впервые было применено имущественное покрытие денег.

На купюрах номиналом в 100 карбованцев была размещена надпись: “...государственные кредитовые билеты — обеспечиваются всем государственным имуществом УНР, как: землями, лесами, железными дорогами, государственными доходами, монополией сахара и другими монополиями и всяким другим имуществом Республики”.

В результате первой украинской эмиссии в денежном обращении появилось много разновидностей денег в пределах одного и того же номинала [4]. Причиной такого разнообразия можно считать неопытность работников, занятых изготовлением денег, и недостаточный контроль, что было предопределено потребностью пополнения каналов денежного обращения собственными деньгами (большевики прекратили поставлять денежные знаки). Например, первые 25- и 50-карбованцевые знаки содержали надпись: “Ходит на уровне с кредитовым билетом”, будто бы в обращении был только один кредитовый билет. Допускались также другие грамматические ошибки. После первой эмиссии был осуществлен выпуск Павла Скоропадского, а затем — Директории. Таким образом, в Украине появляется значительное количество бумажных денежных знаков, которые становятся предметами коллекционирования. Увеличение и награждение разновидностей бумажных денег характерно для всех стран мира, а не только для Украины.

Общеизвестно, что процесс коллекционирования требует определенного информационного обеспечения. И таким информационным источником выступают каталоги. Каталогом считают перечень (в данном случае бумажных денег), упорядоченный в алфавитном или предметном порядке. Однако данное определение касается скорее каталогизации, характерной для музейной деятельности, когда нужно иметь информацию о том, что находится в данной коллекции [5]. Под каталогизацией в широком смысле следует понимать процесс упорядочивания и описания предметов коллекционирования в определенных системах с целью их идентификации и оценки. *Каталогизация* — это научный и непрерывно открытый процесс, где широко используют комплексный подход и метод системной классификации, которая лежит в основе

Таблица

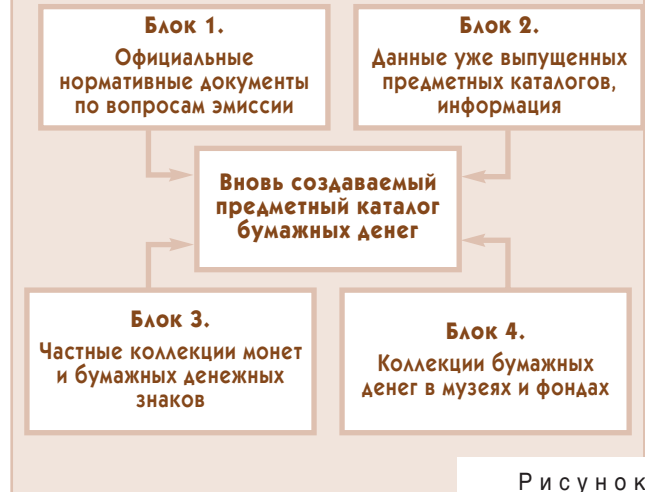
Первые эмиссии украинских денежных знаков, выпущенных правительством Центральной Рады

Название	Номинал	Дата эмиссии	Место	Объем (млн. карб.)
Государственный кредитный билет	100 карб.	05.01.1918	Киев	53,25
Знаки казначейства	25 карб. 50 карб.	06.04.1918	Киев Одесса	100,0
Разменные марки	10, 20, 30, 40, 50 шагов	18.04.1918	Киев Одесса	60,0

составления любых каталогов. Соответственно, такой процесс может быть направлен на упорядочивание уже существующих коллекций (внутренняя каталогизация), то есть каталогизация предметов отдельного тематического направления в музее или фонде. Однако такая каталогизация ограничена имеющимися предметами в собрании субъекта коллекционирования и не может охватывать все предметы по данной тематике. Поэтому для широкого и полного освещения, а также упорядочивания коллекционирования бумажных денег Украины необходима каталогизация на макроуровне, то есть исследование как музейных, так и частных коллекций, с одной стороны, а также нормативных информационно-документальных источников о выпущенных денежных знаках или их проектах, с другой стороны (*рисунк*). Как видно из данной модели, каталогизация бумажных денежных знаков предусматривает использование четырех блоков информационных потоков. Наиболее полной и базовой информацией характеризуются данные *блока 1*, которые предусматривают использование нормативных правовых актов об эмиссиях денежных знаков, периоде их обращения и объемах. На практике лучше всего пользоваться тематическими сборниками нормативных документов, например, для потребностей каталогизации бумажных денег Украины полезным является альбом “Деньги в Украине”, выпущенный в 1998 г. [6].

Каталогизация украинских денег после восстановления независимости значительно упростилась посредством расширения информационного поля официальных изданий: Интернет-сайта Национального банка Украины, Верховной Рады, Кабинета Министров, Президента Украины. В связи с этим значительно ускоряется обработка информационных потоков и обеспечивается доступ к ним в режиме реального времени. Таким образом, благодаря сети Интернет составители каталогов современных денежных знаков имеют постоянный, открытый и быстрый доступ к нормативным правовым актам, которые регламентируют современные эмиссии. Однако там нет информации о местных эмиссиях времен Украинской народной республики, а также об их возможных подделках (подражаниях). Соответственно, логическим продолжением в процессе каталогизации бумажных денег выступают уже существующие каталоги, научно-популярные статьи, данные нумизматического рынка. Обработка информационного *блока 2* связана с существующим опытом каталогизации бумажных денежных знаков. Так, первый каталог, рассказывающий о государственных эмиссиях Украины, вышел в свет маленькой брошюрой (8 страниц размером 133 x 152 мм) без указания автора, во Львове в типографии Ставропигийского института в 1923 г. [7]. В первом каталоге имеется информация о 17 видах украинских денег в хронологической последовательности их печатания, однако разменные знаки размещены в конце перечня, хотя были отпечатаны раньше последних эмиссий. Описание составлено в следующей последовательности: название и номинал; место и дата (период) печати; народное название. Приведенная информация занимала две страницы, а затем дублировалась на французском и английском языках. Согласно исследованию Николая Гнатышака [8] этот каталог имел два выпуска. Во втором, дополненном, было опубликовано описание уже

Схематическая модель формирования информационных потоков в процессе каталогизации бумажных денег

Р и с у н о к

24 украинских денежных знаков. Впоследствии, в 1970 г., первое издание каталога о бумажных знаках Украинского государства с 1917 г. по 1920 г. переиздал украинский клуб филателистов в Баффало (Нью-Йорк). Первый каталог украинских бумажных денег на сегодняшний день является скорее свидетельством истории каталогизации украинских денег, поскольку с этого времени значительно расширился перечень видов бумажных денежных знаков Украины. Особенно значимый шаг в каталогизации бумажных денег, выпущенных на территории бывшей Российской империи с 1769 г. по 1924 г., осуществлен в 1924 г. под руководством Ф.Г. Чучина, когда на украинских денежных знаках было отражено достаточно много новой информации [9]. Этот коллективный труд Секции бон Экспертного Бюро Уполномоченного по филателии и бонам был глобальным исследованием богатейшего коллекционного материала, который оставили нам период военного времени и революция. Названный каталог имеет две главные части. Первая — “Денежные знаки обязательного обращения” — представляет собой результат годового коллективного труда, выполненного Бонной Секцией Экспертного Бюро согласно заданиям Уполномоченного. Данными для составления этой части каталога, как указывает предисловие, служили денежные знаки из московской и ленинградской коллекций, в большинстве случаев лично отобранные членами экспертного бюро [9]. Вторая часть каталога составлена Л.М. Иольсоном при участии С.М. Вигилева и являлась первой попыткой систематизации знаков необязательного обращения, основанной главным образом на наличных экземплярах в крупнейших московских и провинциальных коллекциях [9]. Первая часть каталога, состоявшая из четырех разделов, содержала информацию об украинских денежных знаках в третьем и четвертом разделах. Значительно шире были описаны центральные выпуски денежных знаков Украинской народной республики, а также местные городские эмиссии. Информация о денежных знаках подавалась в следующем порядке: название знака, год, цвет (представлены черно-белые

изображения отдельных знаков), номинал, а также имеющиеся разновидности, например, водяных знаков или номеров. Информация о денежных знаках не обязательного обращения помещена в каталоге в разрезе семи видов субъектов хозяйствования: первичные кооперативы; кооперативные объединения; фабричные и заводские управления; частные торговые предприятия; общества, клубы и собрания; театры и кинематографы; столовые, кафе и рестораны; разные благотворительные организации помощи детям, инвалидам. Довольно продолжительное время результаты каталогизации под руководством Ф.Г. Чучина служили основой для подготовки каталогов как украинских, так и других бумажных денег с территорий, входивших в состав бывшей Российской империи. Позже был выпущен каталог бон необязательного обращения, составленный В.М. Соколовым и М.Л. Ивановым [10]. Ценность его как источника для составления каталога бумажных денежных знаков состоит в детальной классификации и описании бон частного характера. При этом в каталоге приведены доказательства существования отдельных знаков, которые использовались на периферии в качестве денег. Важное место в каталогизации бумажных денежных знаков принадлежит книгам, изданным за рубежом, где описаны знаки сопредельных территорий. Среди источников послевоенного времени особой точностью отличается каталог, выпущенный в Берлине Н. Кардаковым [11]. Понятно, что за это время удалось полнее аккумулировать информацию о бумажных денежных знаках, а также оценить степень их редкости. Достоверным источником при каталогизации местных и частных эмиссий в городах западно-украинских земель стал каталог Т. Яблонского, выпущенный в Польше [12]. Продолжил традиции полного описания денежных знаков на территории бывшей Российской империи в 90-х гг. XX в. П. Рябченко. Основным дополнением выпущенных им каталогов стали местные эмиссии субъектов хозяйствования после распада СССР [13]. Его каталоги дополнялись и были переизданы в 1995 г., 1999 г. и в 2005 г., что свидетельствует также

о возникшей необходимости отображать информацию, связанную с независимостью Украины. Однако каждое такое издание довольно дорого стоит. Таким образом, в связи с невозможностью каталогизировать все существующие денежные знаки возникает реальная необходимость в ускорении процесса прохождения информации. Успешным решением этой проблемы и является Интернет, благодаря которому появилась возможность в режиме реального времени получать отзывы и замечания о каталогах. Полученная посредством Интернета информация имеет свою адресность и персонализацию, а это особенно важно при обработке информационных потоков блока 3. Надо учитывать, что далеко не все коллекционеры могут представить свои коллекции к всеобщему исследованию, а с помощью Интернета каждый заинтересованный в конкретной теме коллекционер имеет возможность рассказать о не известных ранее знаках, их видах и разновидностях. Ярким примером такого использования электронной сети стало размещение отзывов о новых каталогах на популярном сайте бонистов в Москве [14]. Благодаря существованию этого сайта каталог М. Истомина получил большое количество отзывов из разных стран мира в рубрике “Исправления и дополнения к книге “Каталог денежных знаков Гражданской войны в России”. Том II. Новые возможности Интернета позволяют вносить поправки и дополнения еще до создания нового каталога в режиме реального времени (на русском и английском языках). Если рассматривать блок 4 как источник для каталогизации, следует отметить, что и здесь присутствует возможность широкого применения современной электронной сети. Во-первых, это формирование музеями виртуальных галерей по различным тематикам и направлениям, а во-вторых, с помощью Интернета появилась возможность организации интерактивной предметной каталогизации, например бумажных денег. Таким образом, Всемирная сеть создает более благоприятные условия для каталогизации предметов коллекционирования, отличаясь быстротой, качеством и сравнительно низким уровнем затрат на выполненные работы.

Источники:

1. Pick, A. *World Paper Money. 8 edition, volume two. Iola: Krause Publication, 1996. P. 1072.*
2. Karpiński, Z. *Zarys polityki bankowej. Warszawa, 1924. — 140 s.*
3. Мануилов, А. *Учение о деньгах // Издание четвертое. Москва. 1916. — 248 с.*
4. Швець, В. *Каталог українських грошей від 1917 року. Львів: ЗУВЦНК, 2000. — 168 с.*
5. Вайдакер, Ф. *Загальна музеологія: Посібник / Перекл. з нім. В. Лозинський, О. Лянг, Х. Назаркевич. — Львів: “Літопис”, 2005. — 632 с.*
6. *Гроші в Україні: факти і документи / М. Дмитрієнко, В. Ющенко, В. Литвин, Л. Яковлева. — Київ: фірма “ARS — Ukraine”, 1998. — 454 с.*
7. *Гроші Української Держави 1917—1920 рр. Львів: Друкарня Ставропігійського інституту, 1923. — 8 с.*
8. Гнатішак, М. *Державні гроші України 1917—1920 років. Клівленд: Видання Українського музею-архіву, 1974. — 356 с.*
9. *Бумажные денежные знаки, выпущенные на территории бывшей Российской империи за время с 1769 г. по 1924 г. / Под ред. Ф.Г. Чучина. Москва: Издание Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1924. — 200 с.*
10. Соколов, В.М. Иванов М.Л. *Каталог бон необязательного обращения (частных), выпущенных на территории СССР в 1914—1925 гг. Ростов-на-Дону: Издание Северо-Кавказского отдела ВОК и представителя СФА на Северном Кавказе Ю.Б. Хельмера, 1927. — 80 с.*
11. Kardakoff, N. *Katalog der Geldscheine von Russland und der Baltischen Staaten 1769—1950. — Berlin, 1950. — 444 s.*
12. Jabłoński, T. *Katalog papierowych pieniędzy polskich i używanych na ziemiach Polski 1794—1965. Warszawa, 1967. — 340 s.*
13. *Полный каталог бумажных дензнаков и бон России и СССР (1769—1990 гг.) / Сост. П.Ф. Рябченко, В.И. Нибак; Науч. ред. М.И. Савлук. — К., 1991. — 590 с.*
14. www.bonistikaweb.ru

Памятные монеты Национального банка Польши

Адам ЗАЙОНЦ

Генеральный секретарь Польского нумизматического общества

На границе XVII—XVIII вв. монеты, помимо выполнения своих непосредственных функций, становятся объектом коллекционирования. Появляется необходимость их выпуска для быстро развивающегося коллекционерского движения. В этот период коллекционеры, и прежде всего зажиточные люди, создают частные коллекции монет разного размера и различной тематики.

В Польше выпуск памятных монет в широком масштабе начинается после окончания Первой мировой войны и активизации деятельности Польского монетного двора в Варшаве. Тогда были отчеканены золотые монеты с изображением Болеслава Храброго (1925 г., 10 и 20 злотых), а также серебряные монеты: посвященные Конституции (1925 г., 5 злотых); “Ника” (1928 г., 1930 г., 1931 г., 1932 г., 5 злотых); 100-летие восстания 1830 г. — “Штандарт” (1930 г., 5 злотых); “Ян III Собеский” (1933 г., 10 злотых); “Ромуальд Трауггутт” (1933 г., 10 злотых); со стрелцким орлом (1934 г., 5 и 10 злотых); с парусником “Дар Поможа” (1936 г., 2 и 5 злотых).

После окончания Второй мировой войны и восстановления полностью разрушенного Польского монетного двора это направление было продолжено чеканкой в 1959 г. монеты с изображением Николая Коперника. Стоит отметить, что она была отчеканена наибольшим количеством номиналов (10, 20, 100, 200, 500 и 1000 злотых). Также большим количеством номиналов отличается монета с изображением Иоанна Павла II, которую начиная с 1982 г. выпустили номиналами 2, 100, 200, 5000, 10 000 и 200 000 злотых.

В 1964 г. по поручению Национального банка Польши и по заказу правления Главного польского археологического и нумизматического общества Польский монетный двор отчеканил пробный тираж никелевых монет (500 штук). В 1966 г. в честь 1000-летия польского государства была выпущена первая серебряная коллекционная монета номиналом 100 злотых. На ней была изображена первая польская княжеская пара — Мешко и Добровки (Mieszko i Dąbrówka).

В 1995 г. Национальный банк Польши начинает выпуск памятных монет номиналом 2 злотых. Первоначально они чеканились из медно-никелевого сплава, а начиная с 1996 г. и по настоящее время — из нового сплава golden nordic.

Рост интереса к памятным монетам в Польше привел к необходимости увеличения их тиражей. Так, в 2008—2009 гг. тиражи золотых монет составляли от 8 до 50 тыс. штук, серебряных — 50—150 тыс. штук, а тиражи отдельных монет из сплава golden nordic достигали 1,5 млн. штук. При этом все чаще полностью удовлетворить спрос на монеты не удается.

Отметим, что тематика выпускаемых польских монет весьма разнообразна и интересна. Она охватывает практически все области жизни и играет положительную образовательную роль в обществе. Среди наиболее важных и популярных тем можно выделить:

“Польские короли”, “Польские путешественники и исследователи”, “Польский путь к свободе”, а также самые различные события в общественной, политической, культурной, спортивной жизни, важнейшие юбилеи, связанные с историей Польши.

В 2008 г. Национальный банк Польши выпустил монеты по 12 различным тематикам, в том числе монету номиналом 50 злотых в честь 90-летнего юбилея обретения независимости. В 2009 г. банк ввел 12 коллекционных тем. Так, золотая монета номиналом 37 злотых приурочена к 25-й годовщине со дня смерти ксендза Ежи Попелюшко. В 2009 г. была введена новая тематическая серия “Города Польши”, в которую входят монеты номиналом 2 злотых, первая из которых представляет город Ченстохов (Częstochow).

Национальный банк Польши также выпускает коллекционные банкноты. Первая из них номиналом 50 злотых появилась 16 октября 2006 г., в годовщину избрания Кароля Войтылы Папой Римским. Введение банкноты номиналом 10 злотых с изображением Юзефа Пилсудского было связано с 90-летием обретения Польшей независимости в ноябре 1918 г. Недавно появилась третья коллекционная банкнота номиналом 20 злотых, выпущенная к 200-летней годовщине со дня рождения Юлиуша Словацкого.

Хотелось бы также обратить внимание на отсутствие постоянных учетных наименований у памятных монет Национального банка Польши. Правление Польского нумизматического общества уже предпринимало попытки установления единообразия в этом вопросе. С этой целью с 7 по 9 сентября 2000 г. в Супрасле была организована специальная Международная нумизматическая конференция. В ней приняли участие более 50 ученых и любителей нумизматики, в том числе из Беларуси.

Национальный банк Польши и Польский монетный двор в области выпуска памятных монет имеют значительные достижения. Высокая оценка этой деятельности дана во многом благодаря выдающимся дизайнерам, разрабатывающим проекты монет. Они не раз занимали первые места в национальных и международных конкурсах. Среди них: Ежи Аумиллер (Jerzy Aumiller), Константа Ляшчка (Konstanty Laszczka), Юзеф Маркевич “Нешч” (Jzyef Markiewicz “Nieszcz”), Янина Барцицка (Janina Barcicka), семейство Янушкевичей (rodzina Jarnuszkiewiczzyw), семейство Гославских (rodzina Gosławskich), Тадеуш Марьян Котарбиньски (Tadeusz Marian Kotarbiński), Войцех Ястшембовски (Wojciech Jastrzębowski), Вацлав Ковалик (Wacław Kowalik), Станислав Сикора (Stanisław Sikora), Эва Ольшевска-Борис (Ewa Olszewska-Borys), Станислава Вонтрубска-Фриндт (Stanisława Wątróbska-Frindt) и ее дочь Анна Беата Вонтрубска-Вдовьярска (Anna Beata Wątróbska-Wdowiarska), Уршула Валежак (Urszula Walerzak) и Роберт Котович (Robert Kotowicz), Софья Тшциньска-Каминьска (Zofia Trzcńska-Kamińska), Росуанка и Анджей Новаковские (Rosuanka i Andrzej Nowakowscy), Анджей Кузка (Andrzej Kuzka) и другие.

Коллекция белорусских монет — украшение музейного фонда

Ирина МАСЬКО

Заведующий историко-информационным сектором Управления информации Национального банка Республики Беларусь

Одним из важнейших направлений в формировании музейного фонда Национального банка Республики Беларусь является накопление материалов по эмиссионной практике. И это не случайно, поскольку появление и развитие музейной деятельности в главном банке страны неразрывно связано с разработкой белорусских банкнот и монет. Именно поэтому сегодня Национальный банк обладает наиболее полной, непрерывной, систематизированной коллекцией белорусских памятных монет и материалов, связанных с их подготовкой и производством. Сюда входят также авторские графические и компьютерные эскизы, гипсовые модели, эталонный и рабочий инструменты монет; имеется практически полная коллекция банкнот, появившаяся в результате становления Национального банка как эмиссионного центра; собраны печатные проекты национальной валюты, в том числе не выпущенной в обращение, купоны, ценные бумаги.

В сложных экономических условиях начала 90-х гг. XX в. была создана белорусская национальная валюта. Это позволило не только стабилизировать экономику, но и сохранить независимость Республики Беларусь. С середины 90-х гг. эмиссионный центр нашей страны активно занимается созданием и выпуском памятных монет, которые несут в себе важнейшую информацию о нашем государстве и уже успели стать его визитной карточкой. Следует отметить, что само появление чеканной металлической монеты является величайшим открытием человечества, свидетельствующим о том, что общество достигло высокой степени экономического и социального развития. Наличие монеты — неоспоримый признак существования государства, ведь она — не что иное, как слиток металла определенной формы, вес и качество которого удостоверены государством и им гарантируются. Государство ставит свою печать на монетах и выпускает их на рынок, как бы говоря: перед вами полноценное, законное платежное средство.

Еще в древности люди очень хорошо понимали агитационное, пропагандистское значение монет. Являясь наиболее тиражируемыми предметами, они в сотнях и тысячах экземпляров расходились не только среди подданных того или иного государства, но и за его пределами. Часто чеканка монет носила политический характер, поскольку с ее помощью любой, даже не самый великий и известный государь, мог поведать всему миру о своем существовании. Монеты чеканились по общепринятому весовому стандарту и принимались в обращение в любой стране. Особенно большая роль в популяризации стран и народов принадлежит памятным монетам. Их появление — результат становления суверенного государства и его эмиссионного института.

В 1990 г. Верховный Совет Белорусской ССР принял Декларацию о государственном суверенитете БССР, что послужило началом оформления независимости государства после распада СССР. Единая рублевая зона, затем отсутствие в денежной системе монет и давальческого сырья — драгоценных металлов, проведение референдума по замене существовавшей в то время национальной символики — все это не способствовало быстрому решению весьма актуальных задач, стоящих перед эмиссионным центром нового государства. Ведь монета, наряду с гербом, гимном и флагом, является одним из символов государства. Таким образом, от Национального банка Республики Беларусь в то время как никогда требовались взвешенность и высочайшая ответственность в принятии решений.

Памятные монеты в экспозиции музея Национального банка.

Выпуск белорусских монет был объявлен 27 декабря 1996 г. Первая памятная монета Национального банка Республики Беларусь была посвящена 50-летию Организации Объединенных Наций, членом и учредителем которой с 1945 г. является наша страна. Государственный герб Республики Беларусь на аверсе и парящий аист над белорусской землей на реверсе монеты заявили мировой общественности о появлении нового миролюбивого государства на карте Европы. Таким образом, было открыто одно из важнейших направлений монетной программы — Беларусь и мировое сообщество, получившей в дальнейшем успешное развитие.

Среди белорусских памятных монет, имеющих первостепенное политическое значение, следует отметить монеты, посвященные Дню Независимости Республики Беларусь (Дню Республики) и годовщине Договора об образовании сообщества России и Беларуси, выпущенные в 1997 г. За ними последовал целый ряд монет, отмечающих “круглые” и “не очень круглые” даты. Изображения и подробная информация о них имеются в специальных печатных изданиях Национального банка, поэтому в настоящей статье не станем останавливаться на этой группе монет детально. Важнее понять причины появления подобных монет. В этой связи хотелось бы обратить внимание на одну несправедливо забытую в недалеком прошлом традицию — создание настольной медали, которая была широко распространена, в том числе и на территории Беларуси.

Медальерное искусство — это художественное воспроизведение окружающего мира в металле, своеобразная форма мелкой пластики. Оно возникло значительно раньше, чем медаль, по сути, с появлением первой монеты. Когда речь идет о медалях, то часто добавляется прилагательное “художественные”. Ряд крупных по размеру монет Древней Греции и Ри-

ма — настоящие произведения искусства. Нужно отметить одно техническое условие, облегчающее творчество художника: достаточная величина монетного круга. Вот почему появление современного типа медали в эпоху Возрождения совпало с появлением крупных монет (многократных дукатов и талеров). Подавляющая часть медалей носит памятный характер.

По целому ряду признаков медаль близка к монете. Основное ее отличие от монеты — это то, что медаль не предназначена для денежного обращения. Однако это не исключало использования медали в качестве средства тезаврации, если она изготовлена из драгоценного металла — золота или серебра. Такие медали встречаются в монетных кладах.

Как и монеты, медали имеют форму круга, но бывают и овальные, а также прямоугольные, квадратные (последние называются плакетками, или плакетками). Прямоугольная или квадратная форма плакеток имеет аналогию с так называемыми клиппами — четырехугольными монетами, чеканившимися уже в конце X—XI вв.

Величина является одним из отличительных признаков медали. Она значительно крупнее, чем обычная, находящаяся в обращении монета; для нее также характерен более высокий рельеф. Меньший тираж и назначение медали приводят к большей сложности и высокой художественности изображения.

Сходство в технике изготовления, изображения и надписей делает медали похожими на памятные монеты. В настоящее время было бы более уместным их использование, особенно в тех случаях, когда события и тематика не имеют большого исторического значения, а даты не совсем “круглые”. Это не только бы снизило давление на эмиссионный центр объемом памятных монет, но и позволило открыть новое направление в коллекционировании — “белорусская памятная медаль”.

Следует отметить, что после развала Советского Союза цивилизованный нумизматический рынок в Беларуси фактически прекратил свое существование. Платежеспособность населения в условиях экономического неблагополучия была низкой, поэтому не случайно первые монеты были выпущены в рамках международной монетной программы, участие в которой позволяло получать прибыль (роялти) от продажи монет без затрат собственных средств на их изготовление. Вместе с тем Национальный банк Республики Беларусь начал формирование внутреннего рынка памятных монет. Понадобилось несколько лет, чтобы у населения возросли интерес и доверие к белорусским монетам. Увеличивающаяся популярность позволила расширить количество наименований выпускаемых монет, ввести новые серии.

На АО “Монетный двор Польши” была отчеканена серия “Памятники архитектуры Беларуси”. Монеты этой серии посвящены уникальным памятникам национального зодчества, которые, несмотря на многочисленные войны, природные, социальные и политические потрясения, сохранились и являются частью истории нашей страны. В соответствии с законодательством, находясь под охраной государства и мирового сообщества, они имеют наивысшую категорию ценности. Сегодня на территории нашей республики активно проводятся реставрационные и восстанови-

тельные работы многих архитектурных объектов, в том числе и таких исторически важных, как замки в Несвиже и Мире. Выпуская памятные монеты с изображением памятников архитектуры, Национальный банк вносит свой вклад в реализацию государственных программ реставрации, реконструкции и сохранения приоритетных историко-культурных ценностей белорусского народа. Хочется надеяться, что тематика национального зодчества, являющаяся одной из самых важных частей материального и духовного наследия, найдет свое отражение в последующих сериях с новым концептуальным и художественным решением, которые планируются к выпуску в ближайшем будущем и пополнят музейный фонд Национального банка.

Одновременно с вышеупомянутой серией увидела свет еще одна — “Города Беларуси”, которая посвящена значимым в историческом и культурном плане городам нашей страны. Открывает ее в 1998 г. монета в честь Полоцка — самого древнего города нашей страны. Следует отметить, что сегодня это не единственная монета по полоцкой тематике, выпущенная Национальным банком. В 2001 г. музейный фонд пополнился монетой в честь 900-летия со дня рождения покровительницы земли белорусской — Евфросиньи Полоцкой, а в 2003 г. — монетой с изображением Спасо-Преображенской церкви, построенной по ее инициативе. Кроме того, “Крест Евфросиньи Полоцкой” (2007 г.) и серии “Провославные святые” — “Преподобная Евфросинья Полоцкая” (2008 г.) в полной мере отражают глубину христианских традиций и мироощущения, а также самобытность белорусской культурной столицы, давшей миру не только Франциска Скорину, Симеона Полоцкого, но и питающей своей энергетикой не одно талантливое поколение художников, поэтов, музыкантов. Вкупе с ними монеты “Всеслав Полоцкий” (2005 г.), “Рогволод Полоцкий и Рогнеда” (2006 г.) из серии “Укрепление и оборона государства”.

Обращает на себя внимание разительное отличие по дизайну и исполнению монет, посвященных Полоцку, Минску, Витебску, и последующих — Могилеву, Гродно, Бресту, Гомелю. Это связано не только с авторством дизайнов монет, но и с тем, что чеканились они на монетных дворах России и Казахстана. Посетители экспозиции Национального банка по истории денежного обращения уже успели оценить близкую к ювелирной работу мастеров Усть-Каменогорска, которые смогли виртуозно передать миниатюрное изображение лошадки с повозкой на среднем плане поля монеты, посвященной Могилеву.

Традиция отмечать юбилеи Победы выпуском памятных монет есть во многих странах мира, воевавших против немецко-фашистских захватчиков. В 2005 г. народы многих стран торжественно отметили 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. Национальный банк Республики Беларусь не остался в стороне, выпустив памятные монеты, посвященные этому знаменательному событию. В этой серии была использована новая техника исполнения — применение разноцветных эмалей, которая сделала монеты более праздничными и торжественными.

Необходимо отметить, что установилась хорошая традиция сотрудничества с научными учреждениями при разработке новых серий памятных монет. Обра-

Памятные монеты в экспозиции музея Национального банка.

щение к национальным корням, фольклору и обрядам повысило нравственную и культурную ценность выпускаемых монет.

Серия “Праздники и обряды белорусов” была разработана Национальным банком Республики Беларусь при поддержке Института искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси. Монеты этой серии соответствуют основным требованиям программы выпуска памятных монет и объединяют в серию традиционные календарные праздники и обряды белорусов — уникальный пласт духовной культуры, в котором переплетены образно-поэтические представления о бытии от глубокой древности до христианской эпохи.

Для раскрытия темы были выбраны восемь праздников. Их выбор строго закономерен, так как праздники соотносятся с определенными фазами солнца. К этой серии относятся монеты: “Каляды”, “Купалле”, “Вялікдзень”, “Багач”, “Масленіца”, “Сёмуха”, “Спасы” и “Дзяды”.

Одна из интереснейших — серия “Семейные традиции славян” является также примером удачного сотрудничества Национального банка с Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора Национальной академии наук Беларуси.

Отдавая дань семейным традициям и обычаям, которые сопровождали жизнь всех славянских народов, серия отображает наиболее значительные события народного быта — свадьбу, рождение (крестины) ребенка, новоселье, совершеннолетие, серебряную и золотую свадьбы.

Прекрасная работа коллектива ученых, умноженная на талант и мастерство художников Национального банка, позволила сделать монеты этнокультурных серий уникальными по концептуальному решению и дизайну.

Памятные монеты в экспозиции музея Национального банка.

Достаточно емкую часть нумизматической коллекции составляют монеты по природозащитной тематике. В первую очередь это серии “Национальные парки и заповедники Беларуси”, “Заказники Беларуси”, “Птица года”. К ним примыкают различные монеты, выпущенные в рамках международных программ.

Важнейшим национальным достоянием Республики Беларусь являются охраняемые природные территории, а защита окружающей среды — одно из приоритетных направлений деятельности государства. Главное место среди них занимают национальные парки, заповедники, заказники. Необходимо отметить, что целый ряд заповедников имеют высокий международный статус, находятся под охраной мирового сообщества.

Национальный банк совместно с Институтом зоологии Национальной академии наук Беларуси разработал и в 2001—2004 гг. выпустил замечательную серию “Национальные парки и заповедники Беларуси”. Монеты этой серии посвящены природоохранным территориям, которые являются национальным достоянием и художественно отражают все разнообразие природы Беларуси.

Логическим продолжением вышеназванной темы стала серия “Заказники Беларуси”. В нашей стране таких природных территорий различного уровня насчитывается несколько сотен. Семь из них имеют высокий международный статус охраны и являются важнейшими элементами экологической сетки Республики Беларусь, которая органично входит в соответствующую общеевропейскую систему.

С 1996 г. Республика Беларусь активно участвует в международных монетных программах, стремясь получить дополнительную прибыль от реализации монет на международном рынке. За этот период монетные дворы Великобритании, Польши, Болгарии, Швейцарии, Австрии, Германии, Нидерландов чеканили белорусские монеты для более двадцати международных монетных программ. Наши монеты имеют в своих коллекциях почитатели нумизматики России, Польши, Литвы, Украины, Германии, Австрии, Великобритании, Дании, Норвегии, Швейцарии, Финляндии, Канады, Китая и др.

В этой связи особо хочется упомянуть о таких сериях, как “Сказки народов мира” и “Знаки зодиака”. Они специфичны по своему содержанию — это международный коммерческий проект — и изначально имели определенные заданные условия, в рамках которых и были сформулированы их концепции. Монеты из этой серии выступают не как иллюстрация к тому или иному произведению, а как самостоятельное оригинальное художественное творение. Это, безусловно, свидетельствует не только о таланте, но и о присущей им высокой духовности и гуманизме. В этом, пожалуй, и кроется разгадка — почему, несмотря на значительные тиражи, наши монеты востребованы на нумизматическом рынке. Необходимо отметить, что применение новой технологии (оксидирование) придало монетам особенный колорит “под старину”, а вставки из камней органично вписались в общую концепцию праздничной серии.

Все белорусские монеты нашли достойное место в музейных экспозициях Национального банка и неизменно радуют посетителей. Эскизные наброски, не нашедшие воплощения в монете, успешно используются в выставочной деятельности. Так, сотрудники и гости эмиссионного центра Республики Беларусь смогли ознакомиться с выставками талантливых молодых художников — специалистов Главного управления эмиссионно-кассовых операций: “Рисует девочка войну”, (Оксана Новоселова), “Па-де-труа: стихия, художник, балерина” (Светлана Заскевич), планируется выставка по “сказочным” материалам Светланы Некрасовой.

Музейному фонду Национального банка чуть более 10 лет, тем не менее собрано достаточное количество артефактов, которые можно назвать национальным достоянием. Среди них — белорусские памятные монеты. Эта уникальная коллекция состоялась благодаря подвижничеству людей, работающих в Национальном банке, в первую очередь специалистов и руководителей, занимающихся подготовкой и изготовлением памятных монет. Сложившийся алгоритм взаимоотношений и понимания позволил добиться весомых результатов, о которых многие могут только мечтать.

Сегодня белорусские монеты очень популярны и в нашей стране, и за рубежом. Их высокий художественный и эстетический уровень по достоинству оценен на международных нумизматических конкурсах. За всем этим стоит кропотливая и скрупулезная повседневная работа наших коллег, титанический труд сотрудников различных специальностей, объединенных единой задачей и ответственностью.

Памятные монеты — гордость Республики Беларусь

Александра ВОРОБЬЕВА

Главный специалист
историко-информационного
сектора Управления
информации
Национального банка
Республики Беларусь

Памятные монеты Национального банка Республики Беларусь в 2005 г. впервые приняли участие в международном конкурсе и сразу же завоевали первые места. Успех не был случайным. Подтверждением тому являются постоянные победы, которые одерживают наши деньги в различных международных монетных состязаниях.

Основные цели, которые преследуют организаторы такого рода конкурсов, — повышение эстетического уровня выпускаемых в обращение платежных средств, развитие нумизматики, пропаганда идей гуманизма и мира. Учитывая тот факт, что стоимость памятной монеты может многократно превышать стоимость содержащегося в ней драгоценного металла, она обладает высокой художественной и нумизматической ценностью. Коллекционные монеты стали произведением искусства малой формы. С развитием нумизматического рынка Беларуси изменились подходы и требования к их выпуску. Расширилась тематика выпусков, увеличились тиражи, монеты стали выпускаться с применением самых различных технических новшеств, все это, несомненно, сделало их более привлекательными и интересными. Несколько монетных серий пользуются спросом за пределами Беларуси. Большую часть тиража белорусских металлических

денег, выпущенных в рамках международных программ совместно с Монетным двором Польши, поглощают российский и польский нумизматический рынки. Крупные европейские партнеры Национального банка Республики Беларусь — дистрибьюторские организации Münzhandelsgesellschaft mbH Deutsche Münze (MDM) и World Coin International (WCI) реализуют монеты во многих европейских странах, в частности, Австрии, Дании, Эстонии, Финляндии, Германии, Голландии, Норвегии, Швеции, Великобритании.

От начала работы над выпуском первой монеты по сегодняшний день пройден достаточно недолгий, но очень трудный путь. Начиная с нуля, с элементарного отсутствия подготовленных специалистов и необходимой информации в одной из самых засекреченных сфер государственной деятельности, людям, причастным к созданию платежных средств нашей страны, все-таки удалось достичь значительных успехов. Наши металлические деньги не уступают по эстетическому и художественному уровню монетам стран, имеющих за плечами многовековые традиции.

Создание денег — это долгий и кропотливый труд большого количества специалистов. Авторские права, как правило, в данной сфере деятельности принадлежат центральным банкам. Тем не менее имена авторов дизайна монет известны всем, кто увлекается нумизматикой. Интересное художественное решение и высочайший уровень его исполнения — это важнейшие компоненты успеха. Монета раскрывает образное содержание темы, национальное восприятие мира. Адекватное художественное воплощение способно рождать ассоциации, которые определяются такими понятиями, как “Беларусь”, “белорус”, “белорусское”. Не случайно белорусские монеты, отражающие национальный колорит, побеждают в номинациях, где главным критерием отбора является художественное решение. Особенно мощными по концептуальному и эстетическому уровню стали монеты, разработанные совместно с белорусскими учеными.

В настоящее время на счету памятных монет Республики Беларусь 14 побед, из них дважды наши платежные средства завоевывали гран-при в международных конкурсах. Самым известным и престижным из них можно назвать СОТУ (Coin of the Year) — “Монета года”, основанный агентством новостей “Уорлд Коин Ньюз” и издательским домом “Краузе Паблицейшнс” в целях совершенствования дизайна, повышения эстетической ценности и качества чеканки современных монет. Он проводится уже на протяжении более 26 лет. За это время свыше 50 стран заявляли право на участие в состязании среди 10 номинаций свои платежные средства: “Самая исторически важная монета”, “Лучшая современная монета”, “Лучшая

золотая монета”, “Лучшая серебряная монета”, “Королевская монета”, “Лучшая разменная монета”, “Самая популярная монета”, “Монета с лучшим художественным решением”, “Самая новаторская монетная концепция”, “Самая вдохновляющая монета”. Необходимо отметить, что не все номинации доступны для белорусских конкурсантов. Категория “Лучшая разменная монета” проводится для выполненных из недрагоценного металла денежных единиц, действующих в обращении. Поскольку наши памятные монеты выпускаются в обращение небольшими ограниченными тиражами, то участие в отборе для номинации “Самая популярная монета” также лишено смысла. Выбор базируется на коммерческом успехе монеты, насколько она известна в мире. Более 50% побед в данной категории принадлежит США. Достаточно субъективным можно назвать и определение “Самая исторически важная монета”. Критериями оценки является событие, произошедшее в исторической перспективе не менее 100 лет назад, для персоналии — не менее 50 лет со дня смерти. Они должны оставить глубокий след в историческом наследии человечества. За последние 5 лет проведения этого конкурса, начиная с того момента, как наша страна включилась в состязание, трижды побеждали монеты США. Они были выпущены в честь 125-летия изобретения Эдисоном лампы накаливания, 300-летия со дня рождения Бенджамина Франклина и 400-летия поселения Джеймстаун в Вирджинии (1607 г.). Одна победа в этой номинации принадлежит монете Австралии, посвященной эволюции алфавита, и еще одна — немецкой участнице, выпущенной в честь 100-летнего юбилея великих научных открытий А. Эйнштейна.

Несмотря на описанные выше нюансы, монеты Национального банка Республики Беларусь шесть раз завоевывали первые позиции в этом престижном мировом конкурсе. Эстетический компонент является для наших монет решающим. Огромный судейский корпус, в состав которого входят представители госу-

дарственных и частных монетных дворов, центральных банков, ведущих медальеров, президентов коллекционерских и дилерских групп, маркетологов, частных предпринимателей и сотрудников по нумизматике “Краузе Пабликейшнс”, дважды признавал наши платежные средства лучшими в художественном исполнении: памятная монета “Вялікдзень” (2005 г. выпуска) стала победителем в 2007 г., монета, посвященная белорусскому балету (2003 г. выпуска), — в 2005 г. Она же завоевала титул “Монета года-2005” — высшую награду, которая присуждается победителю среди участников конкурса, занявших первое место в 10 номинациях. По итогам голосования лучшими монетами королевского размера признаны в 2005 г. серебряный представитель серии “Нацыянальныя паркі і запаведнікі Беларусі” “Лебедзь-шыпун” (2003 г. выпуска) и в 2009 г. — серебряная “Масленіца” (2007 г. выпуска) из серии “Святы і абрады беларусаў”. Основными критериями отбора в этой номинации являются размер представленной монеты — он должен быть не менее 33 мм. Кроме того, обязательно учитываются эстетическая и коммерческая составляющие, оценке подлежит выбранная тематика.

Одной из самых интересных и сложных категорий отбора можно назвать номинацию “Самая вдохновляющая монета”. В ней участвуют наиболее глубокие по содержанию конкурсантки. Памятная монета, посвященная белорусской святыни — кресту Евфросиньи Полоцкой (2007 г. выпуска), была признана самой достойной в указанной номинации в 2009 г.

Как отмечают организаторы конкурса, из года в год количество стран-участниц увеличивается, а претенденты на высшую награду становятся все более разнообразными и совершенными, а значит, завоевать первые места в номинациях все сложнее. Однако белорусские монеты не перестают подниматься на высшие позиции одного из престижных и масштабных конкурсов. Если вести учет побед наших памятных монет с 2005 г., то по количеству наград Беларусь уступает

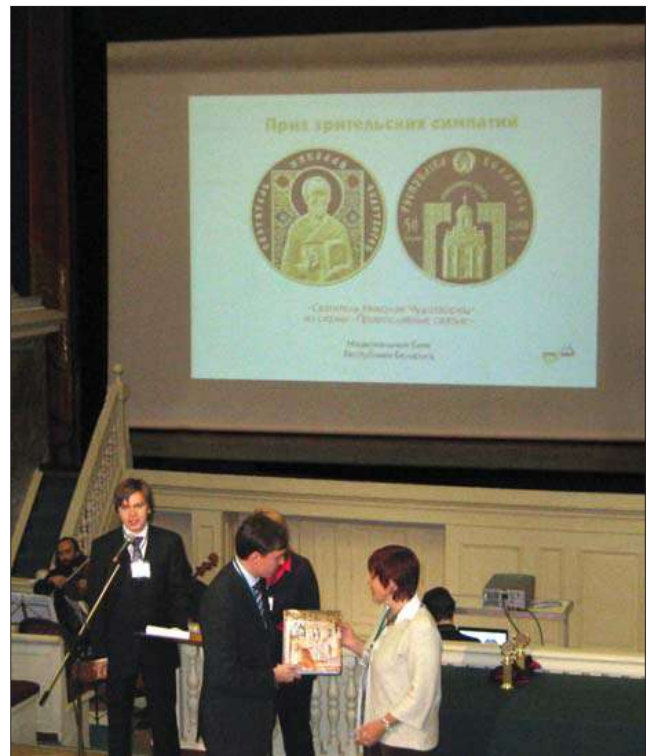

В.Н.Сокол и А.В. Копшик среди награжденных представителей центральных банков и монетных дворов дипломами американского конкурса COTY 2009, Берлин, Германия.

только стране — организатору конкурса (США) и Австралии. Кропотливая работа коллектива Национального банка Республики Беларусь по созданию платежных средств не осталась незамеченной. Невозможно не отметить, что автором дизайна абсолютно всех перечисленных выше белорусских монет-победителей является талантливый белорусский художник Светлана Заскевич.

Кроме того, с 2007 г. металлические деньги нашей страны принимают участие в состязании, организованном по инициативе издательского дома “Уотер Марк”, “Монетное созвездие” — единственном на территории России профессиональном конкурсе памятных монет. В год основания он проводился между странами СНГ и Балтии, затем география принимающих участие стран расширилась, изменился состав жюри. В отличие от американского конкурса, проводимого “Краузе Пабликэйшнс”, в состав арбитров “Монетного созвездия” с самого начала были приглашены представители ведущих российских музеев, что значительно повысило уровень судейства, а с 2008 г. жюри приобрело статус международного. Республику Беларусь в авторитетной комиссии представлял Илья Николаевич Шталенков — член правления общественного объединения “Белорусское нумизматическое общество”. За время существования конкурса платежные средства из более чем 20 стран конкурировали между собой в 6 номинациях: “Уникальное идейное решение”, “Удачное художественное решение”, “Оригинальная технология”, “Серебряная монета года”, “Золотая монета года”, “Монета года”. Национальный банк Республики Беларусь сразу же поддержал инициативу российского издательства, приняв приглашение на участие в предложенном состязании. В 2007 г. монета “Сокал-падарожнік” (художник Светлана Некрасова) выиграла приз. Она разделила с украинской представительницей первое место в категории “Золотая монета года”. Однако уже 2008 г. принес нам несколько наград. Представительница серии “Беларускія народныя легенды” “Легенда пра бусла” (художник Оксана Новоселова) победила в номинации “Серебряная монета года”. Дважды за трехлетнюю историю конкурса побеждали российские монеты, но нашей представительнице также удалось взять гран-при. Самую престижную премию получила монета “Крыж Еўфрасіні Полацкай” (художник Светлана Заскевич). Народные симпатии и мнение авторитетного жюри совпали — монета выиграла в Интернет-голосовании и стала обладателем титула “Приз зрительских симпатий”. Дипломом 2-й степени была отмечена работа Московского монетного двора за оригинальную технологию изготовления этой монеты. Призовым 2-м местом за удачное художественное решение отмечена серебряная монета “Масленіца” из серии “Святы і абрады беларусаў” (художник Светлана Заскевич), и в номинации “Золотая монета года” белорусская конкурсантка достоинством 200 рублей “Беларускі балет. 2007” (художник Светлана Заскевич) разделила вторую премию с представителями из Финляндии и Украины.

Чествование победителей третьего международного конкурса памятных монет “Монетное созвездие-2009” состоялось в зале Эрмитажного театра. Церемонию награждения издательский дом “Уотер Марк” провел совместно с Государственным Эрмитажем. По-

Вручение представителю Национального банка Республики Беларусь А.Ф. Ходосевичу диплома “Приз зрительских симпатий” третьего международного конкурса «Монетное созвездие-2009», Санкт-Петербург, Россия.

скольку в состав конкурсной комиссии наряду с представителями коммерческих банков, нумизматических обществ и средств массовой информации вошли сотрудники ведущих российских и европейских музеев, можно говорить о более профессиональном подходе к выбору победителей в данном конкурсе. Состязание стало более сложным и интересным, а победа — более желанной. Белорусские металлические деньги были отмечены несколькими наградами. Золотая монета “Святитель Николай Чудотворец” серии “Православные святые” (художники: реверс — Уршула Валежак (Польша), аверс — Светлана Заскевич (Беларусь) получила приз зрительских симпатий по результатам Интернет-голосования. Две номинации “Монета года” и “Золотая монета года” заслуженно выиграла достойная представительница России, посвященная 190-летию Федерального государственного унитарного предприятия “Гознак”. Это первая в России золотая трехкилограммовая монета. Санкт-Петербургский монетный двор продемонстрировал на ее поле сложные технические новшества — использование гильоширных элементов. Учитывая это, второе место в номинации “Монета года”, которое заняла белорусская конкурсантка “Легенда пра зязюлю” из серии “Беларускія народныя легенды” (художник Оксана Новоселова), несомненно, имеет очень высокий статус. Дипломом третьей степени отмечена еще одна белорусская участница — монета “Наваселле” из серии “Сямейныя традыцыі славян” (художник Светлана Некрасова) в категории “Серебряная монета года”. Пять раз памят-

Награды белорусских монет — победителей в международных нумизматических конкурсах (музейный фонд Национального банка Республики Беларусь).

ные монеты нашей страны завоевывали высшие награды. Столько же побед у страны—организатора этого состязания.

Абсолютно непохожим на первых два является международный конкурс, который проводит Нумизматическое филателистическое объединение во время денежной ярмарки в итальянском городе Виченца. Цель этого состязания — выбрать самые лучшие монеты в мире, изготовленные монетными дворами и/или государственными организациями, для присуждения трех премий: “Международная премия в области нумизматики”, “Международная премия Андреа Палладио” и “Международная премия — путь к успеху”. Акцент в конкурсе “Международная премия в области нумизматики” поставлен исключительно на художественном воплощении и концептуальном решении темы, которой посвящена представленная мо-

нета. Как отмечено в правилах участия, при выборе монет для вручения премии известного итальянского скульптора Андреа Палладио главным критерием для жюри, состоящего из видных представителей мира искусства, культуры и нумизматики, является лучшая архитектоника¹ художественного образа. Обязательное условие участия в этом международном конкурсе — передача номинируемых монет в организационный комитет. Как правило, Национальный банк Республики Беларусь представляли не более двух делегатов, и каждое участие нашей страны отмечено премиями конкурса. В 2007 г. “за впечатляющую комбинацию характерных элементов восточных сказок на реверсе и романтическую выразительность на аверсе монеты” жюри присудило центральному банку нашей страны второе место Международной премии в области нумизматики за памятную монету “Тысяча і адна ноч”. В декабре 2009 г. Национальный банк получил сообщение о присуждении второго места Международной премии Андреа Палладио за монету “Наваселле” из серии “Сямейныя традыцыі славян”. Компетентное жюри отметило в данной монете “гармоничное сочетание элементов, символизирующих домашний уют и традиционное домостроение” (автор дизайна обеих монет Светлана Некрасова).

Победы белорусских монет в престижных конкурсах свидетельствуют о признании международной общественностью работы Национального банка Республики Беларусь. На первый взгляд, успех монеты предсказать невозможно, но если каждый этап ее создания пройден добросовестным образом, то можно говорить о хорошо проделанной работе. Когда же в эмиссионной продукции, выполненной по государственному заказу, появляется душа и она способна рассказать о своем народе, его культуре, особенностях, национальных чертах, традициях, то, несомненно, такую монету ждет успех. Он поднимает рейтинг монет на рынке, повышает интерес к платежным средствам страны. Победы приносят экономические дивиденды. После получения нескольких престижных наград в международных конкурсах расширилась география стран, желающих приобрести наши монеты для продажи на своей территории. Все это не только поднимает престиж государства, но и свидетельствует о том, что в стране работают талантливые люди.

Источники:

1. Сокол, В.Н. Монеты как символ государства // Банкаўскі веснік. — 2006. — № 4.
2. Сенько, В.Я. 10 лет белорусской монете // Банкаўскі веснік. — 2007. — № 1.
3. Воробьева, А.А., Сокол, В.Н. Беларусь на международном нумизматическом рынке // Банкаўскі веснік. — 2007. — № 13. — С. 61—64.
4. Сайт Национального банка Республики Беларусь: <http://www.nbrb.by>
5. Сайт агентства новостей “Уорлд Коин Ньюз”: <http://www.worldcoinnews.net>
6. Сайт издательского дома “Краузе Паблікейшнс”: <http://www.numismaster.com>
7. Сайт нумизматической ярмарки в Виченце: <http://www.vicenzanumismatica.it>
8. Сайт Европейской конференции по памятным монетам: <http://www.coinconference.com>

¹ Архитектоника (от греч. *architektonike* — строительное искусство) — построение художественного произведения.

Alexander YEGOREICHENKO

About the Teacher and Friend

In this dedication to V.N. Ryabtsevich, the scientist who has been fighting almost single-handedly for nearly 15 years, in addition to teaching and research, to get the so-called “Vitovt’s belt” back to the State, his co-worker and friend ponders about friendship, joint efforts, and V.N. Ryabtsevich’s contribution to science.

Irina KOLOBOVA

Scientific Activities of V.N. Ryabtsevich

The author writes about a well-known Belarusian scientist V.N. Ryabtsevich, D.Sc. (History), the Chair of Archeology and Special Historical Disciplines of the Belarusian State University and a prominent Belarusian numismatist.

Svetlana SKRYDLEVSKAYA

Count Nikolai P. Rumyantsev, the Collector and Numismatist

In this publication one can find how Count Nikolai P. Rumyantsev, a Russian statesman and diplomat, amassed his superb book collection, an extensive collection of minerals, and a coin collection.

Lyubov BAHANOVA

Vitebsk Collection

The article looks at the collection assembled by V.P. Fedorovich who is known as one of the major collectors of Vitebsk region. In the 19th century, it formed the basis of the private museum in Vitebsk.

Victor KAKAREKO

Yusef Yodkovskiy, an Expert in Museum Business and Numismatist

An attempt is made in this article to establish some unexplored facts about the biography of Y. Yodkovskiy (1890—1950) and correct inaccuracies therein with particular emphasis on his activities in the field of museum business and numismatics and also an endeavor is made to introduce unpublished archive materials and photos for scientific use.

Alla GULYAI

Museum of Money of the National Bank of Ukraine: from Experience of Compiling the Collection

The author acquaints the readers with the history of the making and the development of the Museum of Money of the National Bank of Ukraine and identifies the main sources of compiling numismatic and numismatic collection.

Alexander BUGROV

Bank of Russia’s Museum and Exhibition Fund

The author traces the history of arranging of the Bank of Russia’s museum exhibition and describes its exhibits.

Mariush MELCHAREK

About the Origins of Collecting Antique Coins in Poland

The emergence of interest in Roman coins that have been unearthed in Poland is connected with not only the study of the history of the Roman Empire but also, in the first place, with the discussion on the Poles’ genealogy.

Kshyshtoph FILIPOV, Barbara KUKLIK

Treasury of the Radziwills of Nesvizh

The article describes the treasury of the Radziwills of Nesvizh boasting coin and medal collections known far beyond the Grand Duchy of Lithuania.

Ina KRAINEVA

Collection of Coins Issued during King Stephan Batory’s Reign

The article describes coins issued during Stephan Batory’s reign which form part of the collection held at Grodno State History and Archeology Museum. The focus is on the coins struck by Olkush, Posnan, Gdansk, Malbark, Riga, Vilna, and Mitava Mints in 1578—1586.

Yulia LATUSHKOVA

Complexes of Paper Money — the Civil War and Military Intervention Period Deposits

The article analyses the collection of paper money held at the National Historical Museum of the Republic of Belarus. Unlike hoards of coins such complexes do not yield sensational finds however provide a valuable source for studying the history of money circulation and the Pre-modern and Modern Times economy and require that they are studied on a par with the hoards of coins.

Marina TARASOVA, Vyacheslav FILINOV

Facts about the History of Collecting Coins in Mogilev Region

The article tells about the origins of collecting coins in Mogilev region and building up numismatic collection at Mogilev Regional Museum of Local Lore named after E.R. Romanov.

Vintasas RUZAS

Hoards of Coins and Banknotes at the Bank of Lithuania’s Museum (dating from the 15th to the turn of the 20th century)

The author tells about hoards held at the museum of the Bank of Lithuania which clearly illustrate the history of money circulation in this country.

Ilya SHTALENKOV

New Finds of Hoards and Individual Coins Dating from the 14th to the 15th Century

The author continues fixing and systematizing numismatic finds in the territory of Belarus — the work started by V.N. Ryabtsevich.

Alexander GROMYKO

About Podolia Denarii Minted under Konstantin Koriatovich

The article looks at denarii minted under Duke Konstantin Koriatovich in Podolia in the late 1380s.

Victor MALEZHIK

Russian Coin in the Hoards Dating from the First Half of the 17th Century Found in Grodno Region

Based on the comprehensive study of the hoards found in Grodno region which include Russian coins struck in the 16th and 17th centuries, the article explores performance features of the market of the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the 17th century.

Victor MALEZHIK

About Finds of the Most Ancient Lithuanian Coins in the Vicinity of Novogrudok

The article focuses on the study of the coins which have been found, for the first time, in the vicinity of Novogrudok and their relationship to military and political events that took place in this area in the late 14th century.

*Sergey BELOPOLSKIY,
Vladimir SHLAPINSKIY*

30 Grosz Coins Bearing the Image of Jan Kazimir

Long wars that the Polish-Lithuanian Commonwealth was waging in the 1650s and '60s tapped public treasury. The only chance to avert the civil war was to mint the coin that would have forced rate of exchange. The authors consider 30 grosz coins bearing the image of Jan Kazimir from the viewpoint of this period.

Zbyshek SHUSTEK

Paper Money of Habsburg Monarchy

The article analyses various periods of paper money issue in Habsburg monarchy, their decoration, and some political and economic conditions associated with the production of the money.

Valeriy SHISHANOV

"Foreign Billon" in Russian Financial Policy of the First Half of the 19th Century

The incorporation of vast territories into Russia in the 18th century and the early 19th century required that previous administrative and financial systems were changed and adapted. In the sphere of money circulation special attention was paid to the termination of "billon" circulation in the incorporated lands. In this survey the author analyses aspects of decisions made on this issue.

Elena DVINSKAYA

The USSR's Public Domestic Borrowings as the Source of Studying New Economic Policy

The author explores the USSR's public domestic bonds issued in the early 1920s and the events associated with their emergence coming back, with the help of these securities, to the period known as New Economic Policy.

Valeriy GERASIMOV

Russian Market for Modern Commemorative and Investment Coins

The author tells about the origins and development of the market for modern commemorative coins of the Russian Federation.

Vladimir SHVETS

Paper Money Cataloguing with the Help of Internet

The article looks at new opportunities and prospects that Internet offers for paper money studying and cataloguing.

Adam ZAYONTS

Commemorative Coins Issued by the National Bank of Poland

The article provides brief information about the commemorative coins issued by the National Bank of Poland.

Irina MASKO

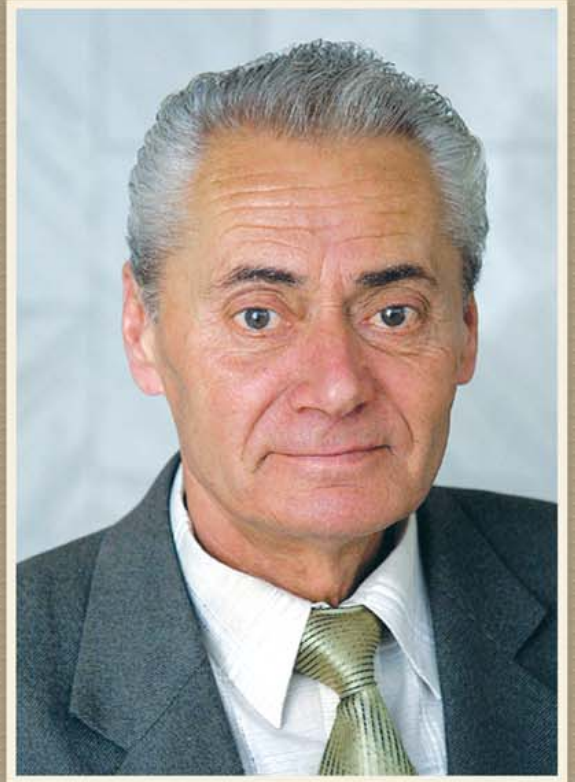
Collection of Belarusian Coins — the Attraction of the Museum Fund

The article describes commemorative coins as one of the most important directions in compiling the museum fund of the National Bank of the Republic of Belarus. It shows their role in reflecting indigenous culture of the Belarusian people and supporting the most important cultural and ecological state programs. The author also draws attention to the similarity of the commemorative coins and art medals and suggests returning to the forgotten tradition that table medals are used, above all, as an element of corporate culture.

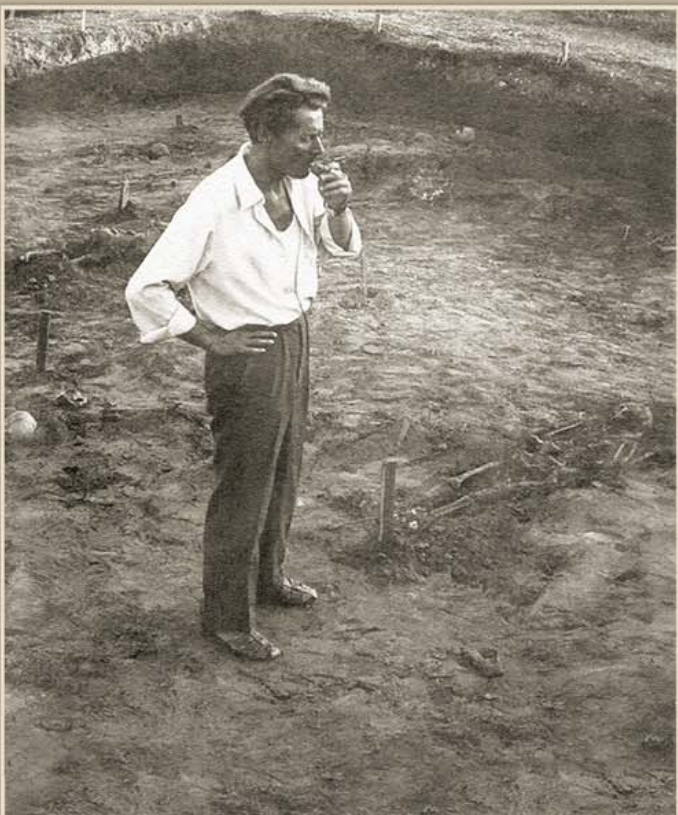
Alexandra VOROBYOVA

Commemorative Coins — the Pride of the Republic of Belarus

The article focuses on the commemorative coins of the National Bank of the Republic of Belarus which won awards in various international contests whose main task is to maintain high medal art traditions and revive interest in numismatics.

В.Н. Рябцевич (1934—2008) — талантливый ученый и педагог, автор 4 монографий, более 80 научных и 300 энциклопедических статей. Лауреат премии имени В.И. Пичеты, награжден золотыми знаками Польского нумизматического общества и Белорусского нумизматического общества.

ISSN 2071-8896

9 772071 889006 10007